

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт филологии

ЛИТЕРАТУРА И ДОКУМЕНТ

Сборник научных трудов

Новосибирск
2011

УДК 801.7
ББК 81.00
Л 642

Литература и документ: Сборник научных трудов / Институт филологии СО РАН. Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2011. 178 с.

ISBN 978–5–94356–958–6

Сборник посвящен проблемам соотношения и взаимовлияния художественных и документальных текстов. В нем представлены материалы, относящиеся к разным периодам литературы: от древнерусской до современной. Внимание авторов сборника сосредоточено на описании принципов использования документа в литературных произведениях разных жанров, нарративных механизмов включения документальных форм в их структуру, форм присутствия литературных элементов в структуре документального текста.

Для специалистов в области теории и истории литературы, преподавателей и студентов-гуманитариев.

Рецензенты

д-р филол. наук Л. П. Якимова,
канд. филол. наук Л. В. Титова

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН *Е. К. Ромодановская* (ответственный редактор),
канд. филол. наук *Н. А. Непомнящих*,
Т. И. Ковалева (ответственный секретарь)

Утверждено к печати Институтом филологии СО РАН.

Издание подготовлено в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

ISBN 978–5–94356–958–6

© Институт филологии СО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
<i>Ромодановская Е. К.</i> К вопросу о выборе деловой формы в литературных сочинениях.....	5
<i>Севастьянова С. К.</i> Тема греха в поучении патриарха Никона о моровой язве.....	16
<i>Туманик Е. Н.</i> Н. Н. Муравьев-Карский и его «Записки».....	43
<i>Айзикова И. А.</i> Мотивный комплекс очерков о переселении в Сибирь	51
<i>Макарова Е. А.</i> Сюжет о переселенцах в сибирских очерках Н. И. Наумова.....	67
<i>Анисимов К. В.</i> Мемуарно-публицистические тексты И. А. Бунина: риторическая стратегия автора и ее истоки.....	79
<i>Непомнящих Н. А.</i> Сюжет в очерке М. Горького «Пожары» (из цикла «Заметки из дневника. Воспоминания»).....	91
<i>Проскурина Е. Н.</i> Жанрово-повествовательные параметры книги Г. Газданова «На французской земле».....	102
<i>Куликова Е. Ю.</i> Неоконченное плавание как путь к Беатриче в стихотворении М. Зенкевича «На “Титанике”».....	120
<i>Васильева Г. М.</i> Автопортрет в лицах поэта Александра Ромма.....	133
<i>Силантьев И. В.</i> Проблема незавершенного произведения в современной сетевой литературе.....	144
<i>Бологова М. А.</i> Художественные стратегии в формате автодокументального дискурса (на материале блога <i>matroll</i> «нереальная жизнь реальной тролли», <i>livejournal.com</i>)	152
<i>Капинос Е. В.</i> Патерналистские образы в современном политическом медиапространстве.....	165

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен вопросам соотношения документального и художественного текста в литературе. Явление это — многоплановое и далеко не однозначное. Оно охватывает всю историю русской литературы — от ее зарождения до последнего времени. В разные периоды документ занимает разное место в процессе художественного творчества, то выступая в собственном своем виде, то служа источником и формой для чистой литературы.

Можно отметить традиционные аспекты в изучении данной проблемы: документ как источник для истории литературы; литературные элементы в документах; документ как накопление опыта для будущих литературных элементов и т. п. Именно документ помогает установить факты биографии писателя, время написания тех или иных произведений, в ряде случаев — атрибуцию. Но документ может быть источником и собственно художественного произведения — в новое время его используют вполне откровенно, в постмодернизме нередко играют этим приемом.

В статьях сборника отразилось жанровое разнообразие привлеченных материалов. Основное внимание было уделено рассмотрению очерка — жанра, стоящего на грани между художественным и документальным текстом (статьи И. А. Айзиковой, Е. А. Макаровой, Н. А. Непомнящих, Е. Н. Проскуриной). Мемуары анализируются Е. Н. Туманик. В статье Е. Ю. Куликовой анализ стихотворения М. Зенкевича выполнен с привлечением отзывов и откликов его современников на гибель «Титаника». Документальные основы древнерусских памятников рассматриваются в работах С. К. Севастьяновой и Е. К. Ромодановской, причем в последней впервые ставится вопрос о влиянии структуры документа на художественный текст. Опыт древнерусского писателя впервые прослеживается в творчестве И. А. Бунина (статья К. В. Анисимова).

Особое место в сборнике занимают работы, посвященные новой документально-художественной сфере, — сети Интернет (статьи И. В. Силантьева, М. А. Бологовой, Е. В. Капинос). Думается, что это направление, связанное с новейшими явлениями литературного процесса, займет в дальнейшем видное место в филологической науке.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ДЕЛОВОЙ ФОРМЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ СОЧИНЕНИЯХ *

Вопрос о том, когда и каким образом деловая письменность начинает входить в литературу и влиять на нее, — один из важнейших для понимания путей становления собственно литературы. Почему писатель в тот или иной период обращается к документальной форме? Что дает ему это обращение, и по каким принципам он привлекает те или иные деловые жанры? Случаен ли выбор формы, или здесь можно заметить какие-либо закономерности?

Судя по всему, проникновение документальной формы в литературу начинается активно происходить в XVI в., и связано это в первую очередь с челобитными.

Обращение именно к челобитным вполне закономерно. Как отмечает их исследователь, они, в отличие от всех других видов актов, характеризуются «эмоционально-экспрессивной завершенностью и элементами художественности»¹, т. е. наиболее близки литературе. Это объясняется «социальным заданием» документа — не только сообщать информацию, но и «воздействовать на чувства адресата, убеждать его в необходимости совершить желаемое для челобитчика действие», в то время как для других видов деловой письменности характерна «документальность, стремление к строгой информативности»².

Для структуры челобитных характерны три основные части: заголовок (формула адресата — адресанта), основная часть (обоснование и содержание просьбы) и концовка (типа «царь государь, смилуйся») ³. Уже упоминавшееся «социальное задание» осуществляется и подчеркивается именно таким членением документа на три части, в каждой из которых называется адресат. «Таким образом, в челобитной выступают три своеобразных эмоционально-экспрессивных центра, создающих структурное и смысловое

* Статья выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

¹ Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 24.

² Там же.

³ Там же. С. 22.

единство и законченность всего документа в целом»⁴, а само расположение этих частей «обеспечивает не только возможности передачи той или иной информации и восприятия ее, но и своеобразно “настраивают” адресата эмоционально»⁵.

Наиболее ранние примеры использования формы челобитных были приведены Д. С. Лихачевым в его работе о сочинениях И. Пересветова. По наблюдениям исследователя, содержание последних «близко к содержанию обычных челобитных. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат... В них есть, как и во всяких челобитных, и конкретные просьбы»⁶.

В сочинениях И. Пересветова выдержано не только содержание, но и структура челобитных. Она наиболее наглядна в Малой челобитной, которая была «действительно челобитная, имевшая конкретную практическую цель (восстановление мастерской щитов, создание которой было поручено Пересветову)»⁷. Здесь мы видим «заголовок» — обращение к адресату («Государю благоверному великому царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси»⁸), челобитье («бьет челом», с. 162) и данные об адресанте («холоп твой государев Ивашко Семенов сын Пересветов», с. 162–163). За ним следует основная часть, где излагаются обстоятельства дела (с. 163–164) и суть просьбы: «Государь благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси! Умилосердися, обыщи своим царским обыском и оборни от насилных людей...» (с. 165).

В Малой челобитной недостает концовки, которая обязательно присутствует в более поздних текстах (формула «Царь государь, смилуйся, пожалуй!»). Однако ее отсутствие — не новация Пересветова: как показал С. С. Волков, трехчленное построение челобитных становится обычным лишь с конца 60-х гг. XVI в.⁹, ранее в них отмечались лишь две части. Известно, что челобитные Пересветова подавались царю в конце 1540-х гг.¹⁰, следовательно, их построение вполне отвечает правилам своего времени. Та-

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Волков С. С. Лексика русских челобитных... С. 25.

⁶ Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 52.

⁷ Лурье Я. С. Пересветов Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 180.

⁸ Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 162. Далее ссылки на это издание в скобках в тексте.

⁹ Волков С. С. Лексика русских челобитных... С. 26.

¹⁰ Лурье Я. С. Пересветов Иван Семенович. С. 179.

ким же образом построена и Большая челобитная Пересветова (с. 170–184): в ней также две части и нет концовки¹¹.

Однако Большая челобитная в корне отличается от Малой по своему характеру. Именно ее имел в виду Д. С. Лихачев, когда писал о сочинениях Пересветова: «...наряду с обычными элементами челобитных, в них есть и необычные. Личные просьбы в этих челобитных самого Ивана Пересветова — лишь дань деловой условности. Основная тема челобитных Пересветова отнюдь не личная. *Он предлагает не просьбы, а государственные проекты*»¹². Я. С. Лурье прямо говорит о ней: «развернутый политический трактат в форме челобитной»¹³.

Так личная челобитная превращается в факт публицистики, т. е. в факт *литературы*, а не деловой письменности.

Публицистика в целом раньше и шире других видов художественного творчества использовала принципы документалистики. В древнейшие времена она смыкалась с учительной литературой, и послание, письмо, слово, вне зависимости от обозначенного адресата, нередко создавалось именно с целью обращения *ко всему народу*. Именно эти свойства оказались востребованы в XVI в., который вообще «характеризуется чрезвычайно широким развитием публицистической мысли»¹⁴. Те же жанры — слово, послание, письмо — используют и публицисты, однако каждый раз необходимо различать, частное письмо перед нами или же обращение к широкому кругу общества. Так, переписка Федора Карпова с Максимом Греком, при всей ее полемичности, носит все-таки *личный* характер¹⁵. С другой стороны, Первое послание Ивана Грозного Курбскому, которое первыми публикаторами и историками считалось элементом частной переписки, после обнаружения новых, более ранних и исправных списков оказывается адресованным «во все его Российское царство», а вовсе не единственному лицу¹⁶. В XVII в.

¹¹ Обычному началу челобитной здесь предшествует текст, начинающийся словами: «Мудрости греческих философов и латынских дохтуров...». Этот текст присутствует в том или ином виде во всех вариантах Большой челобитной (с. 308). По предположению Я. С. Лурье, такое вступление, существовавшее отдельно, было на какой-то стадии приставлено к тексту, притом не только Большой челобитной, но и всего сборника пересветовских сочинений (с. 308–309).

¹² Лихачев Д. С. Иван Пересветов... С. 52–53. Курсив мой. — *Е.Р.*

¹³ Лурье Я. С. Пересветов Иван Семенович. С. 180.

¹⁴ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973. С. 129.

¹⁵ См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – 1-я половина XVI в. М., 1984. С. 502–507.

¹⁶ См.: Лурье Я. С. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 305–309.

особое место занимают окружные послания патриархов — они всегда адресованы всей пастве и всегда предельно публицистичны¹⁷.

К тому же разряду относится по сути и челобитная — как один из видов обращения к вышестоящему лицу с какими-либо просьбами; ее можно считать особой разновидностью послания. Однако если послание, как правило, и создавалось, и воспринималось как сочинение *литературное*, то челобитная не выходила до сих пор из рамок официальной переписки.

Д. С. Лихачев предполагал, что появление челобитной формы связано с выходом на общественную арену дворянства, которое «обращается к деловой письменности, привычной ему в практическом обиходе повседневной жизни»¹⁸, в противовес традиционным «слишком церковным» сочинениям. Фактически же использование челобитной для создания публицистического текста является обновлением давно существовавшей эпистолярной формы, преследовавшей те же цели.

Послание, письмо, эпистола, челобитная с конца XV–XVI в. делаются ведущими жанрами публицистики. Это вполне понятно: любое послание *напрямую* направлено читателю, это непосредственное обращение к его разуму, чувству, совести. Послание в публицистике все больше и больше вытесняет традиционное «слово», которое продолжает жить лишь в сугубо учительной литературе. К тому же надо заметить, что к этому времени произошло падение высокой ораторской прозы, где «слово» было основной формой выражения мысли — оно начнет возрождаться только в конце XVII–XVIII вв., вместе с восстановлением публичной проповеди.

Свои ограничения приобретает и жанр челобитной. Главная его особенность — *личное* обращение человека к человеку, к кому-то вышестоящему, вне зависимости от его статуса, где любой «государственный проект» подается как личная просьба, сменяется более обобщенным взглядом на важные для современников явления. Поэтому и жанр челобитной в публицистике уже к концу столетия заменяют письма и послания, где собственные (личные) просьбы отсутствуют.

Это подтверждается наблюдениями М. Д. Каган, которая в свое время заметила, что «в произведениях XVI в. их “деловая” форма еще не утратила полностью своего служебного значения; “челобитные” подавались, дипломатические послания отсылались их адресатам. Однако по содержанию эти челобитные и дипломатические грамоты были публицистическими произведениями, с самого начала рассчитанными на широкий круг читателей»¹⁹.

¹⁷ См., например, статью С. К. Севастьяновой в настоящем сборнике.

¹⁸ Лихачев Д. С. Иван Пересветов... С. 54.

¹⁹ Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 230.

В произведениях же следующего столетия «форма деловых документов теряет ... всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием. Элемент деловой в содержании произведения почти полностью вытесняется элементом литературным, художественным. Произведения XVI в., связанные с формой деловой письменности, как правило, писались авторами *от своего имени*. В XVII в. авторы подчас пишут *от имени известных исторических лиц*»²⁰.

Выделенная формулировка свидетельствует о *вымышленности* новых для своего времени текстов. Вымысел и документальность — две стороны единого литературного процесса: «Использование деловых жанров в литературных целях было *одновременно* и развитием вымысла»²¹.

Наиболее характерны (и известны) среди вымышленных посланий разные варианты переписки с турецким султаном: как грамоты самого султана чигиринским казакам и разным государям (Ивану Грозному, немецким князьям, польскому королю, австрийскому императору), так и ответы ему²². Они созданы явно в подражание подлинным документам, но несут оттенок иронии, создающий пародийный эффект. Так, титулатура в каждом из них воссоздает цветистость традиционных восточных обращений, но явно вымышлена, она выглядит как похвальба султана²³, при этом титул европейского государя не употребляется, что недопустимо в подлинных грамотах. См., например, начало послания к римскому цесарю Леопольду:

Махмет сын прехвальный славы и надо всеми повелители, сын божий, монарх турецкий, греческий, молдавской, волоский, македонский, царь арменской, антиохийской, царь великого и малого Египта, царь всеа вселенная изряднейший меж всеми сынами магометовыми, винославник венгерский государь земного рая, страж или хранитель гроба бога твоего, государь всех государей мирских от востока даже до запада, царь всех царей, государь древа жизни, начальник московский и земли обетованная, великий гонитель христианский, бог древа цвета, блюститель бога твоего распятого, председатель всякия надежды. Повелеваем поздравити тя, Леополдуса цесаря²⁴.

²⁰ Каган М.Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 230. Курсив мой. — *Е. Р.*

²¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы... С. 131. Курсив мой. — *Е. Р.*

²² См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). СПб., 1993. Ч. 2. С. 218–231.

²³ Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 251.

²⁴ Каган М.Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 247.

Ответ цесаря крайне эмоционален:

Магмете, сыне погибели, дедич вечного осуждения, муж гнилы, древа жизни смрадный, блядословие бога. Всякого полне зла писание твое неразумное приях аз Леополд государь твой, король твой и цысарь твой, которое яко прах вмених...²⁵

Еще ярче начальные формулы в переписке с турецким султаном от имени Ивана Грозного. Здесь четко соблюдена начальная структура обращения: сначала называется адресат, а затем адресант, причем титулатура адресата нарочито оскорбительна (Иван называется султановым «ратаем» и «тележным поганатаем», т. е. слугой и возницей), а адресанта — также цветиста, как только что приведенная:

В лето 7054-го году избранному моему ратаю и тележному поганатаю, бело-му Ивану, великому боярину, ясельничему моему, русской области воздержателю, рускому князю, яко же и сродникама твоим братома, ин рога рог, над цари царь над князи князь, вышняго бога Саваофа произволением страж гробу господню и печатник у вышняго престола, великий воин, крепкий вооружник мужеством своим и всем царем царь и советник восточныя и северския страны, избранный во царех царь, обнаженный меч, неуголимы гнев, возбужденный сердцем разсудный многим держав, неограженный страхом предложенным златоточеч, изобильном всяким богатством смиренным от вышняго присвоенным милосердием, драгий бисер, светлый на главе венец, прозорливый во вся светлости белообразный наказатель, царьских властелин, светильник горнего Иеросалима и учитель воинственной силе, храбрый воин, исполненный всякой мудрости, совершенный возрастом, непреклонная гордыня, прекрасный лицом, быстрое зрение очное, вышний закон, ключарь небесный и непокоренный землям турский царь Салтана кланяяся и мно радоватися пишу²⁶.

Начало ответа Ивана Грозного стилизовано под «турецкую» грамоту — титул царя здесь так же нереален и цветист:

От благовернаго и православнаго, и великаго, и разумнаго, и мудраго, и справедливаго, и милосердаго правителя истиннаго, от небеснаго царя слуги, нареченнаго и перваго во царех царя, яко же есть вторый манамах, и сильного, и грознаго, обдержашаго московского царства и иных многих областей воздержатель, русский царь и государь великаго княжения Иван Васильевич всяя руския державы от владимерского крещения, всяя сибирския и северския страны обладатель

²⁵ Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 248.

²⁶ Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана Грозного... С. 266–267.

и повелитель, заступник и поборник истинныя православныя христианския веры, вышнаго бога избранный пастух над державами изрядными поставленный, проповедатель благочестия, великий государь и разсудный, покоренными милостив, пощадитель, от страшнаго великаго сану, от грознаго и от крепкаго супротивника неверным, от твердыя ограды божия хранителя, от укрепленнаго словом божим и совершенна духом святым, от ключа всея земли руския области, от щедрого государя по достоянию царьскому и по величеству в власти и силы отческаго правительства, от крепкаго и твердаго щита ратующим воинством в турский во Царьград к неверному и злообразному, самохвальному и недостойному царского венца и скипетра, заблужшему и зашедшему в дальняя тии земля от света во тьму, от православия в неверие, самозванному царю и посаженному не от бога салтану²⁷.

Все эти произведения, несмотря на соблюдаемую структуру документа, не могли быть подлинными дипломатическими грамотами. Они являлись переработками или переводами западноевропейских сатирических писем или брошюр — Даниэлю Уо удалось установить иноземные протографы большинства из них²⁸. Все они отличаются антитурецкой направленностью, что злободневно для большинства стран Центральной и Восточной Европы XVI–XVII вв.

Мы видим, что публицистическое послание — жанр международный, легко усвоенный на Руси, где пишутся и собственные сочинения подобного типа: вряд ли переписка с турецким султаном от имени Ивана Грозного могла быть создана где-то в иной стране, слишком хорошо ее создатель знает подлинный стиль царя²⁹. Характерно, что тексты последней в рукописях соседствуют с подлинными сочинениями царя — по-видимому, таким образом стремились подчеркнуть и усилить ее «документальность» в противовес вымыслу. Использование вымысла в «государственных» документах всегда должно быть тщательно завуалировано.

* * *

Если оказывается необходимым подчеркивать общность вымышленной переписки с подлинными грамотами, от которых по форме она не отличается, то тем более нуждаются в сокрытии вымысла тексты, где идет рассказ о чудес-

²⁷ Там же. С. 269–270.

²⁸ *Waugh D. C. The Great Turkes Deflans: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in the Muscovite and Russian Variants.* Columbus, Ohio, 1978.

²⁹ *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.).* СПб., 1993. Ч. 2. С. 219.

ных событиях. Это прежде всего разные жанры агиографии — жития, видения, рассказы о чудесах. Здесь чудесный вымысел всегда был узаконен и считался истинным происшествием, во всяком случае, должен был считаться³⁰.

Однако в новое время, когда вымысел занимает все большее место в художественном творчестве и начинает осознаваться не только писателем, но и читателями³¹, становится необходимым доказывать подлинность описываемых событий. Рассказы о фантастических чудесах начинают вызывать сомнение и требуют особой проверки — недаром самый ранний известный нам критический анализ текста с позиций его достоверности связан с Житием Анны Кашинской³².

Видимо, по этой причине поздние агиографические памятники, в первую очередь сибирские и северно-русские, приобретают новую форму, сходную с документальной³³. Эту жанровую разновидность можно назвать «святой из гробницы»³⁴.

Каждое из житий данной группы, как правило, начинается с рассказа о явлении гробницы с останками неизвестного человека и происходящих от нее чудесах. Рассказ этот по форме напоминает официальную отписку, где в начале указывается дата и перечисляются официальные лица, а затем следует изложение событий³⁵. Так, в Сказании о Евфимии Архангелогородском читаем:

154-го года месяца иулиа в 11 день во Архаггельском граде в съезжей избе боярину и воеводам, князю Юрию Петровичю Буйносову Ростовскому да Илии Космичю Безобразову, да диаку Калистрату Жехову, в роспросе сказал колмогорец посадьской человек кузнец Евстафейко Трофимов...³⁶

³⁰ См.: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 41.

³¹ См.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

³² *Белоброва О. А.* Житие Анны Кашинской // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVIII в.). СПб., 1992. Ч. 1. С. 330–331.

³³ Она характерна для житий Василия Мангазейского, Симеона Верхотурского, Иоанна и Логгина Яренгских, Петра Черевковского, Евфимия Архангелогородского.

³⁴ См. подробнее: *Ромодановская Е. К.* «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и северно-русской агиографии // *Русская агиография: Исследования.* Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 143–159.

³⁵ *Отписка, как и челобитная, направлена «снизу» вышестоящим органам (см.: Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 108–109).* В данном случае, по-видимому, текст создается для сообщения о случившемся по инстанциям, прежде всего духовным, которые проверяют подлинность чудес.

³⁶ *Крушельницкая Е. В.* Сказание о Евфимии Архангелогородском // *Рукописные памятники: Публикации и исследования.* СПб., 1997. Вып. 4. С. 114.

Сходным образом в Житии Василия Мангазейского:

178-го году февраля в 3 день стоял на карауле монгазейской служилой человек Иван Еситской. По утру, пришед в съезжую избу, сказал приказным людям, сыну боярскому Микулаю Малинавскому с товарищы...³⁷

В первом из этих примеров упоминается термин «роспрос» («в роспросе сказал», во втором случае просто «сказал»). Этот термин указывает на особую сферу делопроизводства — *судебно-следственные дела*. Как пишет Л. В. Милов, «в судопроизводстве XVI–XVII вв. особое место занимали документы, известные под названием “распросных речей”. Как правило, это показания на допросе подсудимых и свидетелей... “Распросные речи” необязательно связаны с судом, так как *допрос мог быть учинен и вне процедуры суда вызовом в съезжую избу, к воеводе, в приказ...*»³⁸.

Далее и в том, и в другом случае, как положено при следствии, идет распрос свидетелей — в форме тех же «распросных речей». Во всех перечисленных житиях (см. сноску 33) нет связной биографии святого, ее замещают рассказы о его явлениях и чудесах, притом эти рассказы сохраняют форму «сказок», «допросных речей», «роспросов», т. е. чистого вида документов.

Выбор формы изложения, принятой на следственном процессе, не случаен: установление истины — важнейшая задача любого расследования, а следствие по поводу «явления» или «чуда» — неременная обязанность духовных судов.

Документальность особо подчеркивается. Так, ранняя редакция Сказания о Иоанне и Логгине Яренгских продолжена копией с документальных материалов расследования об Иоанне и Логгине, включающих свидетельские показания очевидцев о случившихся чудесах³⁹. В Сказании о Евфимии Архангелогородском тщательно сохраняются все доказательства подлинности документов — указывается писец, копируются подписи участников «роспроса»⁴⁰. О чудесах оставшегося безымянным сумского чудотворца ведутся записи в сумской таможене, при таможенном голове Фаддее Панфилове, а местами отмечен и писец⁴¹.

³⁷ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подготовили Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 345.

³⁸ Источниковедение истории СССР. С. 115. Курсив мой. — Е. Р.

³⁹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 223–225.

⁴⁰ Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском. С. 126, 129, 133.

⁴¹ Панченко О. В. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 480, 481.

Генетически связан с документами следствия и жанр видений⁴². Именно эта связь создает литературную, художественную основу для возвращения к более примитивным формам (своеобразная «память жанра»). При решении проблемы достоверности агиографического повествования лучшей опорой становится именно документ, связанный со следствием.

* * *

Проникновение документа в летопись вряд ли связано со специальным выбором. Летопись с древнейших времен включала документы — договоры с греками, духовные грамоты и т. п. Они могли пройти первичную литературную обработку, но их деловой сути это не отменяло. С течением времени, однако, литературно обработанный текст все более уступает место тексту, сходному с документом, а сама летопись начинает играть роль своеобразного архива⁴³. В XVII в. можно говорить о влиянии архива, приказного делопроизводства и *на структуру* летописей.

Это вполне объяснимо и четко видно на примере сибирских летописей: в конце 1680-х гг. летописная работа переносится из архиерейского дома, главного центра литературной деятельности в Тобольске первой половины XVII в., в воеводскую избу, где в ней принимают участие как воеводы, так и подьячие. Именно тогда в Сибирском летописном своде стала вырабатываться структура, связанная с делопроизводством. В ней центральное место занимает перечень воевод, дьяков, подьячих и письменных голов как Тобольска, так и других сибирских городов, причем само изложение событий ведется по годам правления тобольских (главных для Сибири) воевод, т. е. по трехлетиям правления последних. В итоге летопись все более стандартизируется, превращаясь в официальный исторический справочник, дающий сведения прежде всего о сибирской бюрократии. Можно отметить следующие этапы развития текста: традиционная летопись — использование документа — превращение летописи в реестр (перечень).

* * *

Выбор формы документа характерен на первых порах и для жанра чисто литературного, т. е. не имеющего никакой «пользы» и создающегося ради развлечения и «увеселения». Это — *пародия*, получающая широкое распро-

⁴² См. подробно: Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях. (К вопросу о генезисе жанра видений) // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 141–156.

⁴³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 354–374.

странение в XVII столетии. О ее документальной форме писали уже неоднократно, но важно понять, почему выбрана именно она.

Существеннейшей чертой пародии всех времен является ее изначальная соотнесенность с уже существующим «положительным» художественным произведением. Пародия живет «двойной жизнью: за планом произведения стоит второй план»⁴⁴; без такой внутренней соотнесенности пародия как жанр не может состояться. Она является лишь своеобразным «зеркалом» уже существующего сочинения.

Понимание пародии как литературного явления требует достаточной подготовки читателя. И в новое время для этого необходимо «овладеть художественным языком необычного жанра»⁴⁵; тем более такая необходимость ощущалась на первых порах его жизни.

Именно с этим связано скорее всего пародирование почти исключительно деловой письменности. Деловые жанры (челобитная, церковная служба, судебное дело, опись имущества, лечебник) знакомы любому человеку, даже неграмотному, при этом их прямое назначение неоспоримо. Благодаря этому, пародийная «невязка» (термин Ю. Н. Тынянова) двух планов, смещение их особенно отчетливо, оно нарочито подчеркнуто. Такая нарочитость играет большую роль в воспитании читателя, который таким образом легче осваивает художественный опыт нового, необычного использования давно устоявшихся, стандартизированных форм⁴⁶.

* * *

Как видим, выбор документальной формы в литературе Древней Руси четко определялся теми задачами, которые стояли перед создателями тех или иных сочинений. Как любое художественное открытие, многие отмеченные черты имеют непреходящее значение и продолжают развиваться в литературе новой. Вместе с тем с изменением типа литературы, с зарождением новых направлений — прежде всего сентиментализма — на художественное творчество будут влиять другие виды документа, и в беллетристике появятся «роман в письмах», «записки путешественника», «воспоминания», «дневник» и т. п. Именно они будут отвечать новым задачам, стоящим перед писателем.

⁴⁴ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 201.

⁴⁵ Новиков В. Книга о пародии. М., 1989. С. 6.

⁴⁶ См. подробнее: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени... С. 165–180.

ТЕМА ГРЕХА В ПОУЧЕНИИ ПАТРИАРХА НИКОНА О МОРОВОЙ ЯЗВЕ *

Поучение о моровой язве занимает особое место в творчестве патриарха Никона. Созданное в традиции памятников учительной литературы, посвященных стихийным бедствиям и наказаниям Бога за грехи, оно тяготеет к устной проповеди и публицистическому произведению, поскольку тесно связано с проблемами общественно-политической и церковной жизни России середины XVII в. Автор активно реагирует на события, участником которых стал, дает собственную оценку происходящему и опирается на источники.

Поучение издано на московском Печатном дворе уже после ослабления эпидемии — 6 августа 1656 года ¹. Тираж, составлявший традиционное количество в тысячу двести экземпляров, скорее всего, был передан в патриарший Казенный приказ и разослан по монастырям и приходам под наблюдением самого патриарха Никона. Официальный характер издания объясняет малую распространенность памятника в рукописной традиции ².

Неоднократно переиздававшееся ³, сегодня это поучение патриарха Никона требует тщательного изучения: во-первых, с точки зрения авторского стиля, ведь окружное послание произносилось вслух и могло содержать приемы устной речи проповедника; во-вторых, в поучении отразились как собственные взгляды и идеи патриарха, так и морально-нравственные про-

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

¹ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 270; Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 3. 1651–1675 / Сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. М., 2003. С. 74. № 32.

² Мне известно лишь три списка поучения: ГИМ, собр. Уварова, № 138, л. 253–273 об.; № 349 (605), л. 1–18 об.; РНБ, собр. Михайловского F-180, л. 101–108. Печатный текст подклеивался к рукописным сборникам (ГИМ, Синодальное собр., № 333); на полях печатных экземпляров читатели оставляли записи и пометы бытового характера, см.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. С. 75. № 32.1.

³ Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. М., 1788. 2-е изд. Т. 6. С. 162–182; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 393–401. № 188; *Никон*, Патриарх. Труды / Науч. иссл., подг. документов к изд. и общ. ред. В. В. Шмидта. М., 2004. С. 100–104.

блемы церковной жизни паствы, находящейся в сложной эпидемиологической обстановке; в-третьих, послание содержит элементы автобиографического повествования, ведь Никон излагал слушателям и читателям свое мнение о случившемся.

В основе построения пастырского окружного послания лежал, как правило, составительский принцип, который, в свою очередь, обеспечивал подобие известному образцу. В XVII в. такой тип послания пастве, в котором легко узнавались традиционные источники и фрагменты из сочинений знаменитых современников, становится ведущим. Сборник «Патриаршее поучение» (М., 1643) святителя Иосифа буквально повторяет распространенные в рукописной традиции XV–XVII веков сочинения поучительного характера⁴. Митрополит Ростовский Иона Сысоевич в сочинении, составленном при вступлении его в паству (после 15 августа 1652 года)⁵, и в грамоте о недействительности клятвы, возложенной Никоном на митрополита Питирима, ярко проявил свои составительские способности⁶. В окружном послании к пастве патриарх Адриан почти дословно повторил фрагмент речи патриарха Никона на соборе 1654 года о священстве и царстве⁷. В основу окружного послания 1696 года Афанасий Холмогорский положил переделку послания патриарха Адриана⁸.

Несмотря на составительский характер и уподобление авторитетному источнику, каждое окружное послание отвечает обязательным требованиям жанра: имеет вступление, обоснование причин его составления, благо-

⁴ Булычев А. А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 187–196; Булычев А. А., Поньирко Н. В. Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 99–105.

⁵ Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 172–177.

⁶ Буланин Д. М. 1) Иона Сысоевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 93–98; 2) Иона Сысоевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 724–725; Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662): К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона» // Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 69–73; Румянцева В. С. Патриарх Никон и Ростовский митрополит Иона: Предварительные заметки и наблюдения над источниками // История и культура Ростовский земли — 1995 г. Ростов; Ярославль, 1996. С. 118–124.

⁷ Предстоятельство Патриарха Адриана (1690–1700) // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. Режим доступа: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=700>.

⁸ Панич Т. В. Окружное послание 1696 года Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 241–249 (исследование), 249–264 (текст).

словение читателей (слушателей) в конце и дату. А вот центральная часть, компилятивная, давала автору свободу для раскрытия его творческих потенций.

Грамота Никона о моровой язве начинается традиционно, с приветствия⁹: «Всѣм, повсюду и коемуждо особно пребывающым... православным христианом, возлюбленным во святом Дусѣ чадам нашим благодать, мир и милость отъ Вседержителя Бога Отца и едиnorodнаго Его Сына Господа нашего Иисуса Христа и утѣшителя Святаго Духа и наше благословение и молитва!» (л. 2–3). Затем автор сообщает о причине, побудившей его обратиться к пастве, переходя таким образом к центральной части поучения: «Настоящаго времени, нынѣшняго от создания мира 7164 (1656)-го году, а от еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа 1656 августа въ 6-й день, извѣстно буди вам, яко во многих градѣх моровое повѣтріе есть...» (л. 3–4). Завершается послание благословением патриарха всем православным христианам (л. 53/53–53/54). Композиция Грамоты соответствует требованиям жанра окружных посланий владыки к пастве.

Центральная часть послания условно разделена мной на два раздела. В первом Никон сосредоточил внимание читателей и слушателей на духовно-нравственном состоянии его современников, особенности которого наиболее ярко проявились в тяжелые дни испытания мором и болезнью; автор говорил о нравственной дисциплине и охарактеризовал духовное состояние общества как порочное и греховное. Во втором патриарх призвал паству к покаянной молитве к Богу.

Главной причиной морового поветрия Никон называет грехи в современном ему обществе: «Нынѣ же, грѣх ради наших, и здѣ во царствующем градѣ Москвѣ объявилося повѣтрее, не во едином мѣстѣ» (л. 4). О грехе как отступлении от законов Божиих, «как нарушении норм бытия тварного мира, установленных Богом», учили святые отцы¹⁰. Тема греха пронизывает библейские книги. В Ветхом Завете особое место занимает повествование об истории израильского народа. Божественная мудрость, как показывает опыт Израила, использовала последствия греха в качестве

⁹ В дальнейшем ссылки на текст поучения даны по изданию XVII века (М., 1656) с указанием листов в круглых скобках после цитаты.

¹⁰ *Иванов М. С.* Грех // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 330; *Иоанн Лествичник.* Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. СПб., 1995. С. 300; *Иоанн Златоуст.* Избр. творения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 6, 63; *Макарий (Булгаков).* Православно-догматическое богословие. М., 1999. Т. 1. С. 486; *Игнатий (Брянчанинов).* В помощь кающимся. СПб., 2005. С. 6–7.

воспитательной меры¹¹. Новозаветная традиция учит, что главной предпосылкой преодоления всех разновидностей греха является его осознание; для христианина как члена общества приоритетной остается борьба с собственными грехами¹².

В книгах Нового Завета нет стройной системы грехов человеческих¹³. Непосредственное их перечисление есть у евангелистов Матфея (Мф. 15:19) и Марка (Мк. 7: 21–22): злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления; лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Но это далеко не полный перечень пороков, упоминаемых самими же евангелистами в повествованиях о земной жизни Иисуса Христа¹⁴.

В рамках аскетической традиции в конце IV в. сформировалась восьмеричная схема греховных состояний человеческой души, которая поделила все страсти на группы: «плотские» (чревоугодие, блуд, стяжательство) и «душевные» (гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость); происходящие от пороков, от зла непосредственно (чревоугодие, стяжательство, гнев и блуд), и ведущие свое начало от добродетели, что особенно опасно; открытые и тайные (печаль, уныние, тщеславие, гордость)¹⁵.

В русле библейской и святоотеческой традиции патриарх Никон показывает духовно-нравственное состояние современного ему общества, характеризует пороки и духовные недуги, захватившие его современников. Типичное для средневековых текстов выражение «грѣх ради наших» получает в сочинении патриарха реальное наполнение.

¹¹ Конспект по нравственному богословию / Сост. преподаватель Нравственного Богословия Киевской Духовной семинарии Г. Шиманский. Киев, 1990. Отдел II. Виды нравственности и возрасты нравственной жизни в добром и худом направлении. Режим доступа: <http://www.dorogadomj.com/dr643shi0.html>.

¹² *Иванов М. С.* Грех. С. 333–334, 336–337; *Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетическая проповедь. Поучения в неделю о расслабленном. О наказаниях Божиих. Режим доступа: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=848>.

¹³ Евангельское учение о грехе (по всему Четвероевангелию). Режим доступа: <http://ref.net.ua/work/det-28964.html>.

¹⁴ *Игнатий (Брянчанинов)*. Творения. М., 1993. Т. 4. С. 13.

¹⁵ *Киприан (Керн)*. Православное пастырское служение. Глава: О грехе вообще // Режим доступа: <http://klikovo.ru/db/msg/1198>; *Ефрем Сирин*. Творения. М., 1993. Т. 2. С. 390, 141, 392; *Игнатий (Брянчанинов)*. 1) В помощь кающимся. С. 3–6; 2) Письма о подвижнической жизни (555 писем). Paris; М., 1995. С. 173–174; *Иоанн (Маслов)*. «Симфония» по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2003; Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Т. 1. С. 455, 574; Т. 2. С. 16–18; *Аверинцев С.* Собр. соч. / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Переводы: Многоценная жемчужина. Пер. с сирийского и греческого. Киев, 2004. С. 172.

Для обозначения греховных состояний и действий Никон подбирает формулировки, слова и выражения с конкретным лексическим значением: «от злоб не отступит» (л. 6), «нерадѣния ради... облѣнятся» (л. 9), «в напасти пометати» (л. 16), «непослушанием» (л. 18/19), «от совѣсти // прелщаеми» (л. 18/19–19/20), «ложная видѣния... прелстивше, ...уморити сотвориша» (л. 19/20), «о... злом дерзновении // не стыдятся, и сами сопротивны евангельскому велѣнию» (л. 19/20–20/21), «истиннѣ никогда же хошем покоритися» (л. 22/23), «противницы» (л. 23/24), «внимают... бѣсовским, и ложным их пророчеством» (л. 27/28), «не внимающе правому велѣнию... клеветашу» (л. 27/28–28/29), «себе губяще и братию свою, и на Бога хуляще» (л. 28/29), «в бѣды себе пометати и многих прежде времени лстивыми своими словесы сотвориша умрети» (л. 39/40).

Призывая современников к молитвенному покаянию, патриарх Никон называет пороки, о которых следует просить прощения у Бога: «Согрѣшихом, беззаконновахом, нечестовахом, яко забыхом заповѣди Твоя, и вслѣд мысли наша лукавья идохом; яко недостойнѣ званию и благовѣстию Христа Твоего пожихом и святых Его страстей и еже нас ради истощания; яко быхом поношение Возлюбленному Твоему. Священник и людей отступихом вкупѣ, «вси уклонихомся, купно и нетребѣ быхом; нѣсть творяи суд и правду, — нѣсть до единаго». Затворихом щедроты Твоя и человеколюбие Твое и милосердие милости Бога нашего, злобы ради наша и лукавства начинаний наших, с ними пожихом» (л. 48/49–49/50). Это грех, беззаконие, нечестие (презрение заповедей), лукавые помыслы и следование им, сопротивление и неверие Богу (сомнение в промысле Божиим), жизнь не по чину, без покаяния, молитвы и причастия, гордыня, озлобленность и ложь.

Анализ упоминаемых Никоном пороков, греховных состояний и действий позволяет заключить, что в поучении о моровой язве он выделяет три группы грехов, усматривая между ними определенную зависимость и связь: грехи против Церкви, проявляющиеся в несоблюдении церковных обрядов, правил и канонов, отдаляют человека от Бога и меняют его нравственное состояние, способствуют проявлению грехов духа, которые, в свою очередь, захватив человека, его сердце и душу, служат основанием для возникновения грехов против Бога и веры; реализуются эти последние, наиболее тяжкие грехи, в сознательном сопротивлении Богу, распространении лжеучений, в общении с инославными. По мнению отцов-аскетов, исцеление греховных души и тела человека находится в воле Бога: помощь свыше проявляется явно — в наказании, тайно — в призвании к покаянию. Не случайно центральная часть поучения Никона заканчивается призывом к пастве о раскаянии в грехах со слова «Согрѣшихом», с которого начинались статьи в древнерусских поновлениях — текстах, содержащих перечни

грехов, произносимых от лица кающихся на исповеди¹⁶. Если провести аналогию между грехом и болезнью, то патриарх Никон показывает не острую ее форму, а хроническую, глубоко укоренившуюся в обществе и людях. А моровая язва — наказание свыше за грехи, является средством излечения недуга, способом мобилизации духовных сил, которые подталкивают «больного» — грешника к исповеди, искреннему покаянию и установлению ослабленных грехом взаимоотношений с Богом.

Рассуждения о грехах автор располагает по определенной схеме: сначала обозначается порок и обличаются его носители, затем предлагаются пути преодоления и методы борьбы с грехом. Для подтверждения своих слов патриарх обращается преимущественно к Священному Писанию; в каждом конкретном случае автор делает из традиционного текста выписки.

I. Грехи против Церкви

Нарушение церковных канонов, правил и обрядов, нехристианский образ жизни всегда волновали иерархов Русской Церкви, о чем свидетельствует огромное количество поучений и назиданий на эти темы. Грехи против Церкви — одна из ключевых тем исповедных текстов в России в XIV–XIX вв.. Составители покаянных текстов и вопросников выделяли в ней, как правило, несколько обязательных подтем: причастие, физическая чистота при исполнении обрядов и таинств, пост, посещение богослужений и поведение в церкви, осквернение причастия как святыни и некоторые другие¹⁷. В русле этой традиции патриарх Никон обозначает ряд нарушений церковных канонов и обрядов, ставших привычными для его современников.

1. *Формальное соблюдение заповедей Божиих в делах и поступках.* Патриарх указывает на недопустимое с точки зрения православия поведение людей, которому свойственно: нарушение постов и соблюдение их не по чину («и молитвою, и постом со слезами праведный гнѣвъ Божий устави, и по священным правилом, повелѣвающим преданные Церкви четыре посты опасно хранити, молим поститися... Тѣм же всяк от вас, яко сын восточныя Церкви, по силѣ да постится» — л. 4–6), ослабление молитвы («должны есмы сами о себѣ и о людех молитися и плакатися пред Господем Богом» — л. 4), неискренность покаяния и утаивание грехов («особно молим о своих мимошедших и о настоящих прегрѣшенных каитися и грѣхи своя святым чистым исповѣданием очистити» — л. 4), осквернение причастия — приступление к причастию недостойных, не получивших бла-

¹⁶ *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 33; *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 1. С. 337–339, 447–448.

¹⁷ *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 267–278.

гословения духовника или без исповеди («И елицы, по разсуждению отец своих духовных, аще достойни явятся Пречистых и Животворящих Таин Тѣла и Крове Христовы, да причастятся» — л. 6). Современники шестого всероссийского патриарха, таким образом, не проявляли должного старания к богообщению и духовной жизни: «Сего ради мы, яко же лѣпо пастьрю, по Господни заповѣди, возвѣщаем вам, возлюбленная чада: да по заповѣдем Господним, шествующе, пост и молитву с любовью Господнею имуще, к Животворящим Тайнам приступите, в преумножение всѣх благих, и с помощью Того Самого Иисуса Христа от морового повѣтрея, елико мощно, себе блюдите... Нынѣ же всѣм вам предповѣствуем и не точию нынѣшнею, грѣх ради, язвою к подвигу доброму возставляем и поститися и молитися велим, но всегдашним Господним повелѣнием устрашаем» (л. 9, 24/25).

Настойчиво призывая народ к соблюдению обрядовой дисциплины, патриарх предупреждал о последствиях жизни не по чину: «Аще ли по сем нашем завѣщании кто от злоб не отступит и святым исповѣданием, и постом, и молитвами не присвоется Господеви, и по разсуждению отец своих духовных Святых Таин не сподобится, и обрящет его Бог, якова обрящет, по реченному во пророцѣ: “В чем ты застану, в том ты и сужду”» (л. 6).

Пост, молитва, покаяние и причастие — это важнейшие этапы духовно-нравственного совершенствования человека; каждый элемент этой духовной «цепи», выстроенной Никоном в поучении, обладает собственным значением в деле спасения души.

Пост узаконен особым постановлением Церкви (56-е правило VI Вселенского собора)¹⁸. О необходимости поста как средства нравственного совершенствования неоднократно говорит апостол Матфей (Мф. 9: 15; 17: 21). В церковных уставах и богослужениях правила поста сводятся не только к ограничению в пище и питии, но и к необходимости богомыслия, молитвы, воздержания от страстей, к совершению христианского милосердия¹⁹. Не случайно при первых признаках моровой язвы жители Коломны обратились к находившемуся там антиохийскому патриарху Макарию с просьбой совершить для них освящение воды и благословить на пост. 23 августа 1654 года патриарх совершил водосвятие и крестный ход вокруг кремля, дал благословение на трехдневный пост²⁰.

¹⁸ Кормчая. М., 1653. Л. 195–196; Триодь постная. М., 1974. С. 88.

¹⁹ *Иоанн Златоуст*. Избр. творения: Собр. поучений: В 2 т. Т. 1. С. 126 (Из 8-й Беседы на книгу Бытия).

²⁰ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005. С. 229–231.

Известно, что из всех постов, установленных Православной Церковью, важнейшим является пост Св. Четыредесятницы (Великий пост)²¹. Непостящиеся и нарушающие пост осуждались по 69-му правилу святых апостолов. К тексту этого же постановления обращается и патриарх Никон, делая выписку из печатной книги Кормчей (М., 1653)²². При этом владыка убирает из источника фразу о послаблении во время поста из-за болезни, благодаря чему правило становится более категоричным и не делает исключений для немощных: «Аще который епископ или презвитер или диакон или поддиакон или чтец или пѣвец в 40 дней, сирѣчь в Великий пост, не постится и в прочия посты и во все лѣто во всякия среды и пятки, да извержен будет. *(Далее в Кормчей: “Токмо аще не пакостит ему тѣлесная болѣзнь, немощному бо прощено есть по силѣ вкушати масла и вина” — л. 19).* Аще же мирский человек не постится, да отлучится» (л. 5). Патриарх Никон требует от своих современников особой строгости в соблюдении именно этого поста, следуя в своем отношении к уставам Церкви за святыми отцами, которые не разрешали послабления поста даже в случае болезни говеющего²³.

Молитве и покаянию посвящено немало слов и поучений отцов Церкви²⁴. Во время поста молитвенные и покаянные действия христиан приобретают особое значение: «Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения; напротив, душу просветляет, окрыляет, делает легкою и парящею горѣ»²⁵. Между тем, патриарх Никон призывал паству к соблюдению строго молитвенного правила и покаянной дисциплины не только в пост, но и в периоды между постами: «И вас коегождо вкупѣ и особно молим о своих мимомшедших и о настоящих прегрѣшениих каяться и грѣхи своя святым чистым исповѣданием очистити и молитвою и постом со слезами праведный гнѣвъ Божий // уставити» (л. 4–5). Никон требовал от современников восстановления обрядовой дисциплины таким образом, чтобы соблюдение заповедей Божиих в делах и поступках стало их образом жизни.

²¹ Дьяченко Г. Великий пост. Киев, 2006. С. 30–36.

²² В дальнейшем ссылки на это издание в тексте в круглых скобках после цитаты.

²³ Иоанн (Маслов). Конспект по литургике. Глава «Богослужение великопостное (Период пения Постной Триоди)». Режим доступа: <http://klikovo.ru/db/msg/4906>; *Матфей Властарь*. Алфавитная Синтагма. Начало буквы Н. Глава 4. О посте. Режим доступа: <http://starover.boom.ru>.

²⁴ Григорий Нисский. О молитве // Восточные Отцы и учителя Церкви IV века: Антология. М., 2000. Т. 2. С. 365–373; Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из святых отцов старца Паисия Величковского. М., 1849. С. 1, 35, 58–60; Иоанн Златоуст. Избр. творения. Т. 2. С. 27 (Из 31-й Беседы на послание к Евреям).

²⁵ Иоанн Златоуст. Избр. творения: Собр. поучений. Т. 2. С. 23, 24 (Из 10-й Беседы на книгу Бытия).

2. *Пассивность, отсутствие старания, малая ревность в познании христианской истины.* Грех пассивности в познании истины возникает, как учат святые отцы, на почве умственной лени, небрежения и беспечности, которые проявляются при усваивании основ вероучения, в то время как стремление к истине возвышает человеческую мысль к познанию Бога²⁶. Патриарх Никон подчеркивает, что из-за лени и отсутствия старания в познании Бога постулаты веры усваиваются поверхностно и механически, отчего у человека в конце концов подрывается способность действенно-сознательного исполнения воли Божией в жизни: «Тѣм же убо вси вы, любезная чада, покаянием и молитвою естественую Божию милость на щедроты премѣнिति потщитесь и с помощью Его, елико мощно, опасно от морового повѣтрія ходите, зане еже опасство от сего повѣтрія с помощью Божиею имѣти добро есть и благоприятно» (л. 10).

Нерадение и отсутствие старания в познании Бога подрывают духовную и нравственную основу человека, духовный и нравственный уклад жизни. Беспечность, в которой нет рассудительности, граничит с леностью, нежеланием трудиться, неисполнением своих обязанностей. Грех лени порождает множество других грехов²⁷, из которых особо опасны праздность и уныние. К первой лень примыкает как неделание должного; ко второму — как ослабление души и нераскаянные грехи²⁸.

По наблюдению М. В. Корогодиной, в одном из поучений духовнику, входящем в состав чина исповеди (и, следовательно, постоянно находящемся перед глазами у священника), говорится, что если пришедший на исповедь человек не раскаивается искренно, то он и сам погибнет, и духовника погубит²⁹. Таким образом, обязанность священника и пастыря — привести

²⁶ *Исаак Сирий.* О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Пер. с сирийского, прим., предисл. и послесл. еп. Илариона (Алфеева). СПб., 2006. С. 126–127.

²⁷ Краткая исповедь перед духовниками. Подробное описание грехов и пороков. Извлечение из Полной Исповеди Свт. Димитрия, Митр. Ростовского. Режим доступа: <http://www.dorogadomoj.com/d47isp0.html>.

²⁸ *Николай (Павлык).* Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского. Православное чтение. Информационно-просветительский журнал. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.zavet.ru/novo/duh/001.htm>; Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолюбие. Т. 2. С. 81; Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великаго и Иоанна Пророка. Репринт 1900 г. Подворье Троице-Сергиевой лавры в Москве, 1995. С. 41–42; Духовные поучения Старцев Оптинских. Режим доступа: http://www.hesychasm.ru/library/athon/optina_ger.htm.

²⁹ *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 25.

«беззаконника» к исповеди. В связи с темой искреннего покаяния патриарх Никон делает выписки из книг Ветхого Завета об обязанностях духовника, которому вменялось предупреждать исповедующегося грешника о смертельной опасности нераскаянных грехов (Ис. 58: 1; Иез. 33: 7–9; 34: 2–4). Обращаясь к книгам пророков Исаяи и Иезекииля, Никон выстраивает цепочку из трех цитат: «И паки глаголет Господь // Вседержитель пророком к пастырем: «Возопии, — рече, — крѣпостию, и не пощади; яко и трубу вознеси глас свой, и возвѣсти людем Моимъ грѣхи их». И паки: «Сыне человекъ! стража дах ты дому Израилеву... той беззаконник в беззаконии своем умрет, ты же душу свою избавиши». И еще. «Рцы пастухом, — се, глаголет Аданай Господь, — оле пастуси израилеви, еда пасутся пастуси сами!.. и плавающаяго не обратисте, и погибшаго не поискасте»» (л. 6–9).

Ветхозаветные реалии, персонажи и истории целых царств часто служили для проповедников важнейшими примерами, на которых они учили паству находить пути преодоления наказаний Божиих за грехи.

Основная тема 58-й главы книги пророка Исаяи — «суд Божий над Израилем, раскрытие его виновности, несмотря на внешнюю видимую праведность»³⁰. И первый стих — призывающий к искреннему раскрытию грехов — особенно важен: исполнение религиозных обрядов (в частности постов) должно сопровождаться соответствующим внутренним настроением, приводящим к искреннему осознанию и исповеданию грехов.

В 33-й главе пророк Иезекииль дает грешникам возможность спасения³¹. Прежде всего народ обязан слушать своего пророка, которого автор сравнивает со стражем, предупреждающим о надвигающейся опасности. В критические моменты жизни народа он обязан говорить только от имени Бога. И если пророк не вразумит грешника, то сам наказывается Богом смертью, как убийца³². В связи с этим в святоотеческой традиции всегда была актуальна тема о почтении к священникам³³. 34-я глава книги пророка Иезекииля посвящена обвинению пастырей Израиля, которые вводили народ в заблуждение и по отношению к пастве не исполняли своих обязанностей³⁴. Не случайно и патриарх Никон подчеркивает, обращаясь к слушателям: «И не дивитесь, чада мои, сим реченным: не от себе бо к вам сия глаголю, но Божия пророком на обличение... словеса, и великаго Афанасия Алексан-

³⁰ Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями. Пг., 1904–1913. Т. 2. С. 508.

³¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. М., 2004. С. 1201.

³² Толковая Библия... Т. 2. С. 239, 420.

³³ Иоанн Златоуст. Избр. творения. Т. 1. С. 71.

³⁴ Геллей Г. Библейский справочник. СПб., 2004. С. 334.

дрийского, его же святая православная восточная Церковь столп православия имѣет» (л. 33/34).

Как показывает патриарх Никон, роль пастыря и духовного отца во все времена заключается в возвещении слова Божия, в воспитании паствы в послушании и исполнении высших законов, в покорности Божией воле. Соблюдение пастырем своих обязанностей приведет к духовному оздоровлению общества и спасению народа от наказаний свыше за грехи. Осознавая тяжесть пастырского долга, Никон снимал с себя ответственность за судьбу непослушных духовных чад и призывал их к дисциплине и ответственности: «Аще ли кто от вас нерадѣния ради о сих облѣнится, да вѣсть таковой, яко чист есмь аз от всякаго // поречения, сказав вам волю Господню, о вашем здравии и спасении пекиися» (л. 9–10).

Таким образом, обращаясь к соотечественникам, Никон призывал их слушать своего пастыря и духовного наставника; проецируя ситуацию, описанную в книгах Ветхого Завета, на современную, поучал: Бог наказывает тот народ, который отдаляется от Него в своих деяниях.

II. Грехи духа

Патриарх Никон обращает внимание читателей на грехи, которые не связаны с конкретными деяниями человека, а характеризуют его внутреннее состояние и определяют его поведение.

1. *Гордость*. Это один из восьми тяжких грехов. Священное Писание учит, что гордость, высокомерие и злой путь (Пр. 8: 13), богохульство и безумство (Мк. 7: 22) — явления одного порядка; гордость человека унижает (Пр. 29: 23) и предшествует гибели (Пр. 16: 18). Начало греха — гордость (Сир. 10: 14–15). Святые отцы учили, что гордость есть источник зла³⁵. В молитве ко Пресвятой Богородице великий князь Владимир Мономах просил: «Отъими от убогаго сердца моего гордость и буеть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмь семь житий»³⁶.

В соответствии с библейской и святоотеческой традицией патриарх Никон выделяет у современников два вида гордости — против ближнего и Бога: «...но и прочим многим не наученным... тѣх прелстивше, лютою тою язвою своевольнѣ тѣх уморити сотвориша... и сами сопротивны евангельскому велѣнию и Афанасиеву праведному наказанию, паче же всей восточной Церкви суще... от многия буисти во исполнение злобы своея похваляют...: «Мужаемя в своем сопротивлении и истиннѣ никогда же хоцем покоритися»» (л. 18/19–22/23). Поведение и состояния людей, сопротив-

³⁵ *Николай (Павлык)*. Христианская нравственность в раскрытии свт. Тихона Задонского.

³⁶ Поучение Владимира Мономаха (Подготовка текста О. В. Творогова, перевод и комментарии Д. С. Лихачева) // БЛДР. СПб., 2000. Т. 1 (XI–XII в.) С. 458.

ляющихся Истине-Богу, патриарх Никон характеризует при помощи слов, обозначающих деяния и состояния, противоречащие православной этике: «непослушание», «сопротивны евангельскому велению», «во исполнение злобы своей позволяют», «истине не хотим покориться». Наказание от Бога тем, кто ведет такой образ жизни, как утверждает патриарх Никон, будет не меньше, чем приговор для убийц: гордость, проявляющаяся в неповиновении и неверии, в сопротивлении и противостоянии Богу, есть свидетельство тяжелого духовного недуга, ведущего к духовной гибели³⁷.

2. По Никону, одна из особенностей духовного состояния его современников — «буйство» в злобе: «...и нынѣ буи и о сем своем злом дерзновении...» (л. 21/22). *Гнев и злоба*, как учат святые отцы, — явления одного порядка³⁸. Раздражение напоминает одержимость: «Гневающиеся и неистовствующие от ярости... трясутся, так же как и бесноватые» (Иоанн Златоуст)³⁹. Никон показывает, что гнев у его современников превращается в привычку, от которой избавиться можно только постом, молитвой, любовью к ближнему и Богу⁴⁰. Не случайно в поучении о моровой язве он уделяет немало внимания темам поста и покаяния.

3. *Бессовестность* («прельщенность» от совести) и *бесстыдство*: «...и не точию самех себѣ... в вольную и непотребную напасть вринуша... И еще... не стыдятся...» (19/20–21/22). У человека, охваченного пагубной страстью, притуляется чувство самопознания. Грешник «прельщается» от совести. По заключению психологов, совесть реально существует в человеке; ее нельзя воспитать⁴¹. Апостол Павел под совестью понимал «сознание

³⁷ *Ефрем Сирин*. Творения. Т. 2. С. 396; *Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе, или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. М., 2005. Кн. 2. С. 456; *Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетическая проповедь. Поучение 1-е в неделю мытаря и фарисея. Характер мытаря и фарисея. Режим доступа <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=493>.

³⁸ *Иоанн Златоуст*. Избр. творения. Т. 2. С. 222; Т. 1. С. 45; *Николай (Павлык)*. Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского // Режим доступа: <http://www.stsl.ru/lib/book10/index.htm>; Краткая исповедь перед духовниками. Подробное описание грехов и пороков. Извлечение из полной исповеди Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского. Режим доступа: <http://www.dorogadomj.com/d47isp0.html>.

³⁹ *Иоанн Златоуст*. Избр. творения. Т. 1. С. 46; Т. 2. С. 269.

⁴⁰ *Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 114–115; Преподобного отца нашего аввы Доротея душеполезные поучения и послания... С. 199, 205.

⁴¹ *Герасимов С. А.* Совесть как феномен духа. Режим доступа: <http://www.russian-inok.org/page.php?page=ascetic1&dir=ascetic&month=0208>.

о Боге» (2 Кор. 1: 12; 4: 2; Рим. 9: 1; 1 Тим. 1: 5, 19; 3: 9; 4: 2; 2 Тим. 1: 3)⁴²; термином «совесть» он выразил центральную идею христианского учения о спасении верой (ср.: Рим 14: 1 и далее; 1 Кор 8: 7, 9, 12)⁴³ и связал понятие совести с верой, любовью и действием Святого Духа в жизни отдельного человека⁴⁴.

Состояние совести есть индикатор нравственного и духовного состояния личности. Из «доброй» (Деян. 23: 1; 1 Петр 3: 16, 21; 1 Тим. 1: 5, 19; Евр. 13: 18), «непорочной» (Деян. 24: 16) и «чистой» (1 Тим. 3: 9; 2 Тим. 1: 3) совесть становится «порочной» (Евр. 10: 22), «оскверненной» (Тит. 1: 15), «немошной» (1 Кор. 8: 10, 12). Она может «принять весть откуда-то из мира тьмы и может оказаться этой мыслью захвачена, может переродиться»⁴⁵. У «прельщенного» от совести человека создается ложное представление о себе самом⁴⁶. Усыпление совести осуществляется путем самооправдания и безмерного искажения реальной действительности⁴⁷. Если человек порывает связь со своей совестью, значит голосу Бога он предпочитает свою самость⁴⁸.

Святые отцы учили: совесть есть соперник человека; она обличает грех; она голос Бога⁴⁹. Когда нарушен контакт человека с Богом, когда человек не может руководствоваться духовным в нем, совесть особенно нуждается в исправлении⁵⁰.

В соответствии со святоотеческой и апостольской традицией патриарх Никон призывает своих современников к покаянию, к анализу собственных

⁴² Киприан (Керн). Святоотеческое учение о человеке. Начало: апостол Павел. Режим доступа <http://www.portal-slovo.ru/rus/theology/6240/6772/>.

⁴³ Ианнуарий (Ивлиев). Антропология в Новом Завете. Режим доступа: http://www.spbda.ru/theology/bible_contents/01-101-ianuar-antr-nz.php.

⁴⁴ Платон, архим. О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М., 1991. С. 328.

⁴⁵ Сурова Л. В. Методика православной педагогики. Клин, 2002. Ч. 1. С. 41.

⁴⁶ Филарет (Вознесенский). Конспект по нравственному богословию. М., 1990. С. 3.

⁴⁷ Зорин К. Утрата смысла жизни // Православная беседа. 2004. № 1; Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 1. С. 367.

⁴⁸ Герасимов С. А. Совесть как феномен духа.

⁴⁹ Саржан С. Е. Ценностные ориентации христианства. Режим доступа: http://www.iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/9/articles/sec6/s6a21.html; Иоанн Лествичник. Лествица. С. 111; Савва, схиигумен. Плоды истинного покаяния. М., 2003. С. 6; Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 86–87; Игнатий (Брянчанинов). 1) Слово о человеке // Богословские труды. 1989. № 29. С. 300; 2) Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1. С. 367; Преподобного отца нашего аввы Доротея душеполезные поучения и послания... С. 49–50.

⁵⁰ Исаак Сирий. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 222.

поступков и деяний; именно этот путь ведет к очищению совести. «Покаяние есть очищение совести» (преп. Иоанн Лествичник)⁵¹. Апостол Павел учил: «от мертвых дел» (Евр. 9: 14) совесть человека очищается в таинствах исповеди и причастия.

Патриарх Никон отмечал также, что его современники, охваченные «злым дерзновением» в сопротивлении Богу, потеряли стыд (л. 20/21). Стыд — это эмоциональное состояние или глубинное человеческое переживание, возникшее в результате несоответствия поведения человека с голосом совести⁵². Испытание человека чувством стыда полезно для осознания им своей духовной сущности, для адекватного понимания себя самого в действительности (Сир. 4: 23–30). Чувствование совести и чувство стыда родственны; их отсутствие среди человеческих переживаний есть показатель ослабленной веры человека, утрата духовной связи его с Богом. Сопротивление воле Божией, гордыня, глухота к голосу духовного Я — вот характерные особенности поведения людей, которые с горечью отмечает патриарх Никон в дни посланных свыше русскому народу испытаний. Именно такое состояние бездуховной (бессовестной) одержимости («буйства» и «сумасшествия»), «пагубы» души в сопротивлении Богу запечатлел владыка у своих современников.

4. *Осуждение.* В средневековых исповедных текстах грех осуждения рассматривался с двух сторон: как поступок и как состояние духа. В статье вопросника об осуждении содержался либо перечень тех, кого осуждал кающийся («отца духовнаго или священника, или чернца, или черницу, или своего брата мирянина»), либо вопрос обобщенного характера («Всех человек осуждал?»)⁵³. В русле этой традиции строит поучение и патриарх Никон. Сначала он говорит об осуждении людьми его поступков и деяний, т. е. об осуждении не просто священнослужителя, но патриарха: «А еже в та же мимошедшая лѣта в моровое повѣтрїе мнози купно // и особь собирающесе о нас глаголаху неподобная и грѣхи наша поминающе, их же мы не точию не содѣяхом, но ни же во снѣ помыслихом, и отхождение наше от царствующаго града Москвы... Но инии, дерзающе на ся восхищати суд Божий, и судят искренних, их же отречесе нынѣ и Сам Сын Божий...» (л. 24/25). Обращаясь к тем, кто распускал слухи разнообразного содержания о нем и причинах его отъезда из Москвы, в центральной части окружной грамоты Никон объясняет, что он покинул столицу по просьбе царя: «и отхождение наше от царствующаго града Москвы, еже бысть по указу великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича...» (л. 24/25).

⁵¹ Иоанн Лествичник. Лествица. С. 70; Никодим Святогорец. Невидимая брань / Пер. с греч. Феофана Затворника. М., 2000. С. 270.

⁵² Герасимов С. А. Совесть как феномен духа.

⁵³ Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 263–264.

Отношение к Церкви определяется отношением к духовенству, к жизни Церкви; осуждение священника или епископа есть осуждение того, кто напоминает о Боге и неблагополучии духовного состояния человека⁵⁴. Если рассматривать грех осуждения священнослужителя как нарушение христианином одной из десяти заповедей, то этот грех есть преступление против пятой заповеди — о почитании отца и матери (Исх. 20: 12). Осуждение пастыря есть тяжкий грех против Церкви.

С опорой на Священное Писание Никон говорит и об осуждении близких. Обращаясь к книгам Нового Завета, Никон учит, что осуждающие других совершают свои деяния не по неведению, но точно зная, что их поступки ложные и притворные⁵⁵: «Тии же, которавшии на нас не удовлившеся сим, но и ложная // от лукаваго сердца видѣнниа и сония пред очи простѣйших предлагаху, прости же и ненаученнии, не вѣдуще полезнаго и внимают баснем их крамолным, и бѣсовским, и ложнымъ их пророчеством, о них же божественный апостол, предвидѣв, глаголет: “Внимающе, — рече, — духовом лестъчим и учением бѣсовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совѣстїю...” (1 Тим. 4: 1–2)» (л. 26/27–27/28). Бог — судья грешнику; а тот, кто хочет укорять других, сам должен быть непорочным⁵⁶: «А еже искреняго прегрѣшениа воспоминаги, никому же се не належит. Глаголет бо Христос: “Не судите, да не судими будете; им же бо судом судите, осудитесь; и в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вам” (Мф. 7: 1–2)» (л. 43/44). Патриарх учит: человека, берущего на себя обязанности судии, ждет наказание свыше⁵⁷: «Ноинии, дерзающее на ся восхищати суд Божий, и судят искренних, их же отречеса нынѣ и Сам Сын Божий, глаголя: “Аще кто услышит, — рече, — слово Мое и не приемлет е, Аз не сужду ему: не приидох бо да сужду мирови, но да спасу мир. Отметайся глагол Моих имать судящаго ему: слово, еже глаголах, то судит ему в послѣдний день” (Ин. 12: 47–48)» (л. 26/27).

В святоотеческой традиции человеку, впавшему в грех осуждения, рекомендовалось обратиться прежде к анализу своих поступков⁵⁸. В русле этой

⁵⁴ Николаев С. Школа злословия: о грехе осуждения // Православие и мир. Режим доступа: http://www.pravmir.ru/article_1398.html; Иоанн Златоуст. Избр. творения. Т. 1. С. 72–73. (Из 86-й Беседы на Евангелие Иоанна Богослова.)

⁵⁵ Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... Кн. 3. С. 117.

⁵⁶ Там же. Кн. 1. С. 59.

⁵⁷ Там же. Кн. 1. С. 642–643.

⁵⁸ Иоанн Златоуст. Избр. творения. Т. 1. С. 34–35 (Из 21-й Беседы на послание к Евреям); Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия: Слова и речи. Т. 2: Отпущение грехов и мнимая христианская любовь и всепрощение. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/biblio/averkiy-tom2.htm?p=56>.

традиции патриарх Никон советует христианам заниматься самообличением и самоанализом: «Сия слышаше, чада, разумѣйте, кая полза, еже искренних судити, и не своя грѣхи смотряи?» (л. 44/45); «Послушайте апостола, вѣщающа: “Безъотвѣтен еси, о человеѣче, всяк, судяи, имже бо судом, судиши другу, // себе осуждаеши, та же бо твориши, судяи. Вѣмы же, яко судъ Божий есть на творящих таковая. Помышляеши ли сие, о человеѣче, судяи таковая творящим и творя сам тожде, яко ты избѣжиши ли суда Божия?” (Рим. 2: 1–3). И паки. “Ты кто еси, иже судяи чюждему рабу? Своему Господеви стоит или падает” (Рим. 14: 4)» (л. 44/45–45/46).

Чтобы показать, какой вред душе наносит осуждение близких — «Точию пагуба души и Богу сопротивление. И что сего ужаснѣе?», патриарх Никон обращается к Прологу, к рассказу о преп. Иоанне Савваитском (22 октября). В поучительных целях Никон приводит лишь слова Спасителя, наказавшего Иоанна за осуждение инока: «Сам бо Христос Иоанна Саваитскаго, вегда он осуди нѣкоего, повелѣ от себе отринути, глаголя: “Изрините его, — рече, — вон, яко антихрист Ми есть: преже Моего суда той осуди брата своего!”» (л. 44/45).

Показывая проявление греха осуждения в повседневной жизни, патриарх Никон употребляет глагол «осудати», когда говорит о поступках людей, направленных на них самих, и «судити», когда говорит о поступках людей, направленных на других людей, причем этот глагол используется в сочетании с существительным не в предложном падеже (судить о ком-то, т. е. рассуждать, разбирать и анализировать), а в винительном (судить кого-то, т. е. осуждать, выносить приговор). Отцы Церкви учили различать два суда — Бога и человека: «Поскольку Господь иногда говорит: “Не судите по наружности”, а иногда повелевает: “Но судите судом праведным” (Ин. 7: 24), то не вовсе запрещает нам судить, а показывает различие суда... не надобно осуждать брата... Но защищать суды Божии — непререкаемая необходимость, чтобы умалчивающему самому не вкусить гнева Божия» (Василий Великий)⁵⁹. Отсутствие конкретных имен и дат указывает на пагубное, греховное состояние духа современников Никона: «Но и о сих здѣ назнаменуем, яко мнози... не воспоминающе своих согрѣшений, грѣхи ко грѣхом прилагают, глаголюще, яко “сего ради // человеѣка или онога таковая язва бысть в мирѣ”! И сие глаголют туне... Тѣм не еже иных судити, но еже своя грѣхи зрѣти и себѣ самѣх осудати навькните...» (л. 25/26–26/27, 45/46). Таким образом, для избавления от пагубной и греховной привычки

⁵⁹ *Василий Великий*. Алфавит духовный. М., 2006. С. 322–333; ср.: *Иоанн Златоуст*. Избр. творения. Т. 1. С. 260, 262–263; Православное чтение. Информационно-просветительский журнал. Вып. 1. Режим доступа <http://www.zavet.ru/novo/duh/001.htm>.

осуждать других патриарх Никон призывал паству к изучению собственных пороков, молитве за себя и ближних.

III. Грехи против веры и Бога

1. *Маловерие, сомнение в истинности Священного Писания и Предания.* Доказывая, что моровое поветрие и смертность «в многонародных градѣх и многовѣсных» происходит по воле Бога, поэтому избежать наказаний Господних, переходя из одного места в другое, невозможно, патриарх Никон обращается к беседе Афанасия Великого с князем Антиохом и из печатной книги Скрижаль (М., 1655–1656) делает выписку из ответов Афанасия на 102-й и 103-й вопросы светского правителя о причине стихийных бедствий, о том, можно ли спастись от смерти, переходя с зараженной территории на место, свободное от болезней: «Яко же и святой великий Афанасий свидѣлствует ко князю Антиоху в 102-м и во 103-м отвѣтѣ, глаголя сице: “Вопрос 102. Откуда бывают смертная и чесо ради в нѣких странах пустынных, языческих многажды не бывают, но яко же на мнозѣх во вселенных и многонародных градѣх и многовѣсных? Отвѣт. Глубок воистину вопроса отвѣт и малым на земли вмѣщаем... ваши же и власи главнии вси изочтени суть”. Вопрос. Еда же ползуется или избавляется от смертнаго из града во иную страну бѣгая? Отвѣт. Пророку к Богу глаголющу: “Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего, камо побѣжу?”. Явленно убо, яко Бога убѣгнути никто же может... До здѣх убо блаженный Афанасий» (л. 10–14) (ср.: Скрижаль, л. 142–145).

Никон обращается к Священному Писанию за примерами того, что бегство от гибели — не грех, а исполнение воли Божией. Спасение человека от грозящей ему гибели совершается только по воле Бога, и автор напоминает ситуации, хорошо известные по Библии каждому христианину. Используя такой вид заимствования из традиционного источника, как *указание на библейский сюжет при помощи называния имени персонажа или краткой характеристики сюжета*, Никон приводит примеры:

а) из земной жизни Иисуса Христа: «Но и Христос Спаситель... овогда убо от Ирода, не требуя бѣжати, бѣгаше (ср.: Мф. 2: 13–14; 19–22; 4: 12–13); овогда же хотящим на Нь непокоривым жидом камение метнути, прошед сокровенно посредѣ их (Ин. 10: 30–33; 11: 8), прохождаше, глаголя: “Не у прииде час Мой” (Ин. 2: 4); овогда же хотящим Его с горы низринуту, такжеде утаился от жестосердых, прохождаше (Лк. 4: 28–30)» (л. 14–15);

б) из деяний апостола Павла: «Овогда убо от сонмища, хотящаго его убити, оконцем по стенѣ свѣшен (Деян. 9: 24–25), овогда же сотником восхищен бысть и избѣже ловления (Деян. 27: 41–44; 28: 1). Иногда же иными образы, да несопротивен явится Учителю Христу, спасение себѣ устраеше» (л. 15–16);

в) из истории израильского народа: «Яко же бѣ и на фараона с вои при Моисеи потопление (Исх. 14: 26–31), или в Самарии при Осии царѣ Израилевѣ: ассириане, зане же не восхотѣша прияти закон Божий, лвы поядоша, и нигдѣ же от них кому мощно бѣше укрытися (4 Цар. 17: 24–28)» (л. 16–17);

г) из истории городов Содома и Гоморы: «...егда бо умножится пред Ним злоба людей содомских и гоморских — тѣх убо за беззакония во градѣх их огнем и жупелом на показание непокоривым потопа (Быт. 13: 8–13; 14; 19; Ис. 1: 9–10; Иез. 16: 48–50), а его же восхотѣ от погубления спасти, — праведнаго, глаголю, Лота — не во градѣх, но извед его оттуду вон, спасе, сим путь спасения показа (Быт. 11: 31–14:16; 19)» (л. 22/23).

Короткое и емкое высказывание из традиционного источника становится опорой в рассуждениях Никона, который учит православных христиан руководствоваться в своем поведении постулатами Священного Писания. Автор строит *цитатные цепочки*, располагая рядом короткие цитаты, имеющие одинаковое начало: «Нынѣ же всѣм вам предповѣствуем и не точно нынѣшнею, грѣх ради, язвою к подвигу доброму возставляем и поститися и молитися велим, но всегдашним Господним повелѣнием устрашаем, еже речеся во святом Евангелии: “Бдите и молитесь, яко не вѣсть, в кий час Господь ваш приидет” (Мф. 24: 42). И паки: “Бдите и молитесь, да не внидете в напасть” (Мк. 14: 38)» (л. 24/25). Цитаты, совпадающие в инициальной части, где при помощи глаголов в повелительном наклонении сформулированы правила поведения христиан, обладают усиленной дидактической направленностью. Вслед за евангелистами патриарх призывает паству не к разовым благоугождениям Богу, а к постоянной и искренней молитве, которая приближает к Богу и предостерегает от искушений⁶⁰.

С опорой на Священное Писание патриарх Никон рассуждает о том, что в любой ситуации надо положиться на Бога и молиться Ему о спасении⁶¹. Никон хвалит тех, кто, надеясь на Бога, ушел из Москвы и остался жив, благодаря молитве и «заповѣди спасительныя исполняюще»; в то же время патриарх осуждает тех, кто, оставшись в центре эпидемии и усомнившись в силе Бога, стал распространять «ложная видѣния и лукавая... соня», демонстрируя таким образом маловерие и сомнения в вере.

Вслед за святыми отцами, патриарх Никон показывает, что грех маловерия, заключающийся в отсутствии глубокой убежденности в какой-либо христианской истине, возникает на почве сомнения и ослабления стремления

⁶⁰ Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... С. 176–177, 296.

⁶¹ *Игнатий (Брянчанинов)*. Зрение греха своего // Игнатий (Брянчанинов). Соч. СПб., 1905. Т. 2. Аскетические опыты. С. 122.

к подлинному богопознанию⁶². Сомнение, как плод излишнего доверия себе и чужим мнениям, проявляется в мысли, нарушающей убежденность в истинности учения Христа и Церкви⁶³. Жизнь не по заповедям подрывает основу христианского бытия. Противостояние греху маловерия, а также укрепление в следовании путем спасения и доверия Богу и Церкви лежит в удалении от людей и от случаев, которые приводят к греху. Никон предлагает врачевать маловерие и сомнение исповедью и покаянием, когда в присутствии духовника приходит полное самораскрытие грешника перед Богом.

2. *Сомнения в Промысле Божиим, ложные знания о Боге*: «Мнози бо тогда, не внимающе правому велѣнию и от оных крамолников лживых баснословий напившеся, клеветаху, ов на сего, ов же на иного // яко повинных творяще моровому повѣтрию, и мнози невегласи, бѣсом прелщени, пророчествоваху ложная» (л. 27/28–28/29). В периоды тяжелых испытаний, посылаемых людям свыше, проявляется, по словам святых отцов, истинное знание людей о Боге⁶⁴.

В русле святоотеческой традиции патриарх Никон обличает сам факт существования негативного отношения его современников друг к другу. Поучая паству о христианском отношении к ближним, Никон обращается к книгам ветхозаветных пророков Иеремии (Иер. 31: 30) и Иезекииля (Иез. 18: 2) и вспоминает сюжет, в котором Бог упрекает израильтян в следовании принципу коллективной ответственности, установленному первоначальным законодательством Израиля (что нашло отражение в еврейской пословице о поедании отцами кислого винограда и оскоmine на зубах детей), и в игнорировании принципа личного воздаяния за допущенные ошибки. «И сие глаголют туне, забывше реченное Богом ко пророку, иже аще «кто яст терпкое, тому имут быти и оскомины». Тако: еже кто согрешает, за сие сам и суд восприимет, а не инии за него!» (л. 43/44). Пророки утверждали, что грехи отцов не тяготееют над детьми и освободиться от греховного прошлого можно лишь при помощи искреннего покаяния; Бог судит каждого человека по его личным поступкам и делам⁶⁵, именно эту мысль подчеркивает патриарх Никон в своей комментарии после примера из Священного Писания.

⁶² *Исаак Сирийский*. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 36, 119.

⁶³ Перечень наиболее распространенных грехов с объяснением их духовного смысла. Сретенский монастырь. М., 1999. Режим доступа <http://psylib.org.ua/books/perechg/index.htm>.

⁶⁴ *Исаак Сирийский*. О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 220, 263–264.

⁶⁵ Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. С. 96, 326; Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с коммен. и прилож. М., 2004. С. 1111, 1181; *Геллей Г.* Библейский справочник. СПб., 2004. С. 319, 331.

3. *Ложные пророчества и внимание к ним:* «Бог глагола чрез Иеремию на обличение и нынѣшних лживых пророков, иже лживе вопияху к людям и неутверженных сердца своим лукавым умышлением возмущающе и глаголющим: «Видѣх сон, видѣх сон и извѣщение се, и се, приях от Бога», дабы многих влѣд себѣ отторгнули. И мнози, тому послѣдующе, по их розказанию погибоша... И аще кто хошет присвоитися Господеви, да никако же вѣрует от оных лживых пророк, сновидцов, глаголемых, и не точию да не вѣрует им, но и обличает их скоро, яко сопротивников Божиих и антихристов... Аще убо Бог на таковыя сице вопиет! Кто смѣет с ними совѣщатися, развѣ Богу сопротивляясь? И отвсюду явленно, яко не точию не внимати лѣт есть лжесловесию оных лживых сновидцов, но и блюстися их, яко губителей покрадывающих...» (л. 26/27–27/28, 32/33–33/34, 34/35, 36/37).

В данном отрывке патриарх Никон дал характеристику современным ему лжепророкам и лжеучителям, базируясь в оценке их деяний на традиции, восходящей к Священному Писанию. В книгах Ветхого и Нового Заветов содержатся разные признаки ложных пророков и лжеучителей, а также предупреждения и наказания свыше тем, кто слушает ложных пророков. Через пророка Иеремию (книгу пророка называет и патриарх Никон) Бог предупреждает лжеучителей о возмездии за ложь (Иер. 6: 13–15; 14: 13–16; 23: 28–32). По Новому Завету, главное отличие Божиих пророков от лжепророков состоит в том, что вторые претендуют на полноту истины, а первые владеют ею лишь «отчасти» (Ин. 16: 12; 1 Кор. 13: 8–9); как правило, лжепророки говорят то, что не находит подтверждения в Священном Писании (Гал. 1: 8).

Появление ложных учений, еретических суждений и мнений, противоречащих Священному Писанию и преданию, по убеждению святых отцов и учителей Церкви, связано с богословской необразованностью. Опасность лжепророков, как показывает патриарх Никон, состоит не только в том, что они обвиняют во всех бедах невинных людей, а в том, что при этом они вещают от имени Бога.

Один из источников этой части окружного послания, как уже упоминалось, — книга пророка Иеремии. Согласно толкователям книг Ветхого Завета, книга пророка Иеремии — это «книга угроз». Отступление иудейского народа от Бога привело к безнравственному обществу, и Иеремия призывает свой народ к «обновлению» общения с Богом⁶⁶.

Патриарх Никон делает цитаты-выписки из книги пророка Иеремии. Сначала владыка обращается к стихам с 16-го по 32-й 23-й книги; реферирование текста помогает Никону выписать те стихи, в которых содержится

⁶⁶ Толковая Библия... Т. 6. С. 6–8.

наиболее яркая характеристика пророков и пророчеств; из 29-й главы он выписывает стихи 8 и 9-й — о лжепророках (л. 29/30–32/33). Никон проводит параллель между ветхозаветным состоянием общества и современной ему ситуацией («Яко же и древнии християне, не послушавши лживых учителей. Бяху бо и тогда лживии апостолы, хотящии уподобитися Христовым истинным апостолом. Но не послушаху их християне, постоянно во Христовѣ учении пребывшии к ним же...» (л. 40/41–41/42) и находит близость двух разных эпох в том, что народы в разное время подвержены одним и тем же грехам, и сущность человека, живущего по законам Нового Завета, остается ветхозаветной⁶⁷. Не только лжеучителя своим поведением вредят духовной и нравственной природе людей; но сами люди, спокойно воспринимающие противоречащие Священному Писанию суждения, порочны, поскольку вера их слаба⁶⁸. Показателем ослабленной веры и удаления человека от Бога как раз и служит сближение с лжецами и лжепророками⁶⁹.

Патриарх Никон дает пастве совет, как вести себя с лжеучителями: обличать как антихристов и приводить к духовным отцам для покаяния: «Аще ли не имущии благодати Божия, ни же боящесе Божиа прещениа начнут вѣщати в предъидущее время ложная вѣщания и сония, их же, по пророку, Бог до конца отрину, заповѣдая, никако же послушати сих, не приемлете сих и глаголемых от них, никако же вѣруйте, зане сопротивна суть Богови. И аще кто хоцет присвоитися Господеви, да никако же вѣрует от оных лживых пророк, сновидцов, глаголемых, и не точию да не вѣрует им, но и обличает их скоро, яко сопротивников Божиих и антихристов... Да приводит к нам, пастырю. Мы же данною нам от великаго архиерея Иисуса Христа, истиннаго Бога нашего, властию вязати и рѣшати, подобающее обличение на таковых лжесловницѣх наложим...» (л. 33/34–35/36). Никон призывал своих современников не общаться с лжепророками, избегать встреч с ними, чтобы уберечь свою душу от гибели: «Тако и вы, чада любезная, яко истиннии християне истиннаго сего Владыки нашего Христа повѣления, никако же преслушайте о иных лукавых лжепророков, и ложных их сновидѣний, и лестных словес отнюд не послушайте... Судите сами, чада возлюбленная, // кого вам требѣ послушати? Они бо, лжепророчествующии, повѣлевают вам послушати лукавых своих сновидѣний, мы же молим вас слушати Христа и Его святых и непорочных велѣний» (л. 40/41, 41/42–42/43).

⁶⁷ Ср.: Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 113, 279.

⁶⁸ Творения св. Дионисия Великого, еп. Александрийского, в русском переводе / Пер., прим. и введение свящ. А. Дружинина под ред. Л. Писарева. СПб., 2007. С. 53–54.

⁶⁹ Там же. С. 113.

Проповедь патриарха Никона в той части послания, где речь идет о лжепророках, изобилует ссылками на Священное Писание. Свободно владея цитатным фондом, автор прибегает к разным типам включений из традиционного источника. При помощи единичных цитат, которые перемежаются с рассуждениями и комментариями автора, Никон назидает: «Сам Бог вѣщает пророком: “Грѣшнику же рече Бог: вскую ты повѣдаеши оправдания Моя и восприемлеша завѣт Мой усты твоими, // ты же возненавидѣл еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять?” (Пс. 49: 16–17)» (л. 35/36–36/37); «По реченному апостолом: “Мнози, — рече, — послѣдуют нечистотам их, ими же истинный путь, сирѣчь Христово учение, похулится” (2 Петр 2: 2). О них же Христос, самая Истина, единородный Сын Божий, запрещает нам, глаголяй сице: “Се, прежде рѣх вам. Аще убо рекут вам: «се, в пустыни есть» — не изыдите; «се, в сокровищих» — не имите вѣтры” (Мф. 24: 25–26)» (л. 38/39–40/41).

Иногда патриарх Никон разрывает цитату собственными пояснениями и комментариями; в этом случае авторское повествование обладает наибольшей степенью назидания и убеждения: «И се, Сам Христос Спаситель, предвозвѣщая нам, да не прелщени будем от них, глаголюще: “Блюдите, да никто же вас прелстит; мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: «азь есмь Христось», и мнози прелстятъ... // и будете ненавидими всѣми, имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози; и друг друга предадут, и возненавидит друг друга; и мнози лжепророцы встанут и прелстят многих; и, за умножение беззакония, иссякнет любви многих; претерпевый же до конца (сирѣчь, пребывая во учении Христовѣ и не послушай, по Евангелию, оных лжесловесных сновидцов и богоненавистнаго их пророчества ложнаго, той, яко истинный христианин истиннаго нашего Учителя Христа послушник и ученик) спасется” (Мф. 24: 4–5, 9–13)» (л. 36/37–37/38).

Рассуждая о лжепророках, патриарх Никон использовал в своей речи в основном традиционные выразительные средства и риторические приемы, но те из них, которые делали авторскую речь особенно эмоциональной, взволнованной и выразительной.

Патриарх Никон постоянно *обращается к слушателям / читателям*: «И не дивитесь, чада мои, симъ реченнымъ» (л. 33/34); «Тако и вы, чада любезная, яко истиннии христиане..., лестных словес отнюд не послушайте...» (л. 40/41); «Судите сами, чада возлюбленная, кого вам требѣ послушати?» (л. 42/43); «Сего ради молю, чада возлюбленная, престаните, Божий суд на ся восхищающе, искренних судити» (л. 44/45).

Речь патриарха изобилует *риторическими вопросами, восклицаниями*: «И колико душ православных христиан тою лютою язвою скончашася!» (л. 23/24); «Аще убо Бог на таковыя сице вопиет? Кто смѣет с ними совѣщаться, развѣ

Богу сопротивляясь?» (л. 36/37); «И чудо! Како и сим таковым лживым сновидцом мнози ненаказанныи послѣдуют?» (л. 39/40). Восклицания утвердительного характера подытоживают авторские рассуждения: «Тако: еже кто согрешает, за сие самъ и суд воспримет, а не инии за него!» (л. 43/44).

Никон строит фразу на контрасте, противопоставлении и сравнении: «Они бо, лжепророчествующии, повѣлевают вам послушати лукавых своих сновидѣний, мы же молим вас слушати Христа и Его святых и непорочных велѣний» (л. 42/43). Лексико-синтаксический параллелизм, приведенный в данном примере, служит автору приемом разъяснения, особым способом внушения, скрытым, явно не выраженным поучением⁷⁰.

В речи автора возникает и *непроизвольная рифма*: «да по заповѣдем Господним, шествующе, пост и молитву с любовию Господнею имуще, к животворящим тайнам *приступите*, в преумножение всѣх благих, и с помощью Того Самого Иисуса Христа от морового повѣтрея, елико мощно, себе *блюдите*» (л. 9); «...и вся православная Церковь... и блаженнаго Афанасиа наказания совершителей дерзостнѣ *укаряет*, и неправеднѣ и себе самых от многия буисти во исполнение злобы своя *похваляют*...» (л. 20/21).

В поучении патриарха встречаются фразы с морфемным и лексическим *повтором*: слова с одной и той же лексемой, следуя друг за другом, создают определенный ритм; контактный повтор привлекает внимание к теме повествования, служит своеобразным приемом одновременного эмоционального и смыслового акцентирования в речи автора⁷¹: «...яко мнози, не вѣдуще Божия о нас промысла и не воспоминающе своих *согрѣшений, грѣхи ко грѣху* прилагают...» (л. 42/43); «...яко мы непрестанно о вас *молим* Бога и *молитися* вас самих *молим*» (л. 45/46); «...не послушайте, даже яко *заповѣдей* Христовых исполнители Самого Того Христа, *заповѣдавшаго лжепророчеств и лживых сновидѣний* не послушати. *Мзду многосугубну воспримете*... Еже и сотворившее — здравствуйте, чающее *воспряти* за доброе слово, еже ко Христу послушание, *мзду многосугубну!*» (л. 40/41, 42/43).

Синонимы и слова близкие по значению патриарх располагает подряд не только для более точной характеристики предмета повествования, но и с назидательной целью: «...и внимают баснем их *крамольным, и бѣсовским, и ложным* их пророчеством...» (л. 27/28).

Поступки лжепророков по отношению к Богу и Церкви являются нарушением первой и второй заповедей — «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим» (Исх. 20: 3) и «Не делай себе кумира... Не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20: 4, 5). Деяния ложных учителей, как показывает

⁷⁰ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. М., 2006. С. 64, 69.

⁷¹ Там же. С. 81, 361.

патриарх Никон, сопряжены с богохульством, оскорблением Бога (ропотом на Него и Его Промысл): «По них же всеѣм то явно, яко ничто же от глагол их ложных събытсья, точию себе губяще и братию свою, и на Бога хуляще, аки им извѣщение бысть се» (л. 28/29). По отношению к ближним поступки лжепророков могут быть расценены как нарушение заповедей шестой — «Не убивай» (Исх. 20: 13) и девятой — «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20: 16). Именно ложные учителя и ложные учения, по мнению патриарха Никона, есть причина духовного нестроения современного ему общества. «Убийство» духовное, сопряженное с клеветой, ведет к убийству физическому. Существование среди современников Никона множества противоречащих православной традиции учений, идейные метания, неопределенность в выборе своего мнения, отсутствие стойкой убежденности в приверженности тем или иным позициям приводят к духовной деградации, наказанию свыше, смерти духовной и физической.

Не трудно заметить, что в поучении о моровой язве патриарх Никон выделяет прежде всего социальный грех. Доминирование греха в общественной жизни было причиной несчастий, которые преследовали древние царства за непослушание воле Божией. Патриарх Никон поучает своих современников вести добродетельный и богоугодный образ жизни и показывает, что внутреннее, духовное настроение каждого человека, его добрые привычки и обязанности определяют духовно-нравственное состояние всего общества. Призывая людей к чистоте, богоуподоблению, спасению, воцерковлению и обожению, в поучении о моровой язве патриарх Никон направляет своих слушателей и читателей против тех греховных состояний, пороков и страстей, которые сопровождают и определяют поступки людей. Решительное освобождение от греховных состояний дает, как учит патриарх Никон, искреннее покаяние, раскаяние в порочных поступках и неповторение их впредь, чтобы избежать новых наказаний свыше.

Среди грехов, которые видит и обличает Никон у своих современников, главное место занимают называемые в святоотеческой традиции смертные грехи и грехи против Бога. Среди семи грехов смертных⁷² московский патриарх подробно характеризует гордость, гнев, леность. Среди «язв» общества (термин Игнатия (Брянчанинова)) Никон выделяет разновидности таких грехов, как печаль, уныние, тщеславие, которые по своему содержанию представляют собой грехи против Бога⁷³. По заключению А. С. Новиковой, изучавшей понятие греха в творениях свт. Тихона (Задонского), в проповеди

⁷² *Игнатий (Брянчанинов)*. В помощь кающимся. С. 17; Духовные поучения Старцев Оптиных. Режим доступа: http://www.hesychasm.ru/library/athon/optina_ger.htm.

⁷³ *Иоанн (Маслов)*. «Симфония» по творениям святителя Тихона Задонского; *Игнатий (Брянчанинов)*. В помощь кающимся. С. 15, 18.

патриарха Никона «четко обозначены внешние и тайные грехи... Святейший патриарх призывает своих пасомых к очищению грехов через покаяние и соблюдение постов... Патриарх Никон призывает православных христиан уповать на промысел Божий, слушать только Господа нашего Иисуса Христа и остерегаться всякого рода сновидцев и лжепророков»⁷⁴.

Патриарх Никон немало места отводит вопросам чистоты веры, призывает к сохранению православного образа жизни, что не было случайным. Патриаршество Никона ознаменовалось гонениями на иностранцев, представителей западной религиозной культуры: их выселяли из Москвы в Немецкую слободу, запрещали носить русское платье и держать русских слуг, их перекрещивали вторично по православному обряду, срывали евангелические церкви. Патриарх Никон обрушился и против западных новин, ставших особенно популярными среди русского православного населения после военных походов царя Алексея Михайловича против Польши (1654–1655) и Швеции (1656). На Алексея Михайловича, в ком Никон хотел воспитать идеального православного правителя, культура западных городов производила сильное впечатление. Из походов Алексей Михайлович привозил в Россию вещи, которые трудно было связать с идеалом благочестивого быта православного христианина: оптические приборы, гобелены, мебель, музыкальные шкатулки, кружева, столовые приборы, певчих птиц и кареты. В 1653 году патриарх Никон на своем дворе сжег немецкие и английские платья, парики и шпаги, которые выпросил у двоюродного дядьки царя Никиты Ивановича Романова⁷⁵.

Патриарх Никон придавал особое значение и обрядовой стороне веры. Церковная реформа, проводимая Никоном, охватывала все сферы общественной жизни, что, в свою очередь, требовало унификации церковных обрядов⁷⁶. Изменения обрядов проводились по греческому образцу. В 1654 году по приходским церквям была разослана знаменитая «память» патриарха Никона — поучение о поклонах и крестном знаменнии; в 1655 году изменения обрядов были внесены в богослужебные книги.

Таким образом, в поучении о моровой язве патриарх Никон выступил против пороков, которыми, по его мнению, была заражена церковно-приходская жизнь, против «нерадения» в деле «церковного благочестия», против усиления западного влияния на русскую культуру, против «лжеучений» и «лже-

⁷⁴ Новикова А. С. Понятие греха в «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархим. Иоанна (Маслова) и «Почтение о моровой язве» святейшего патриарха Никона // Глинские чтения. 27 июля 2006. Тезисы доклада. Режим доступа: http://www.glinskie.ru/events/gch_07_06/sekcii/novikova.html.

⁷⁵ Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 114–115, 201.

⁷⁶ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985. С. 129–133.

пророков», против снижения морально-нравственного уровня духовной жизни и быта его современников. В борьбе за чистоту православия в 1656 году патриарх Никон еще неотделим от ставших уже его идеологическими противниками недавних товарищей, «ревнителей древлего благочестия», которые в своей деятельности ратовали за сохранение православных обрядов и укрепление морально-бытовых основ жизни православных христиан.

Завершается поучение о моровой язве призывом к покаянию и молитвой к Богу о прощении грехов, приведших к распространению в Москве и других местах России страшной болезни. Эта часть сочинения Никона представляет собой соединение в цельное повествование двух цитат-выписок из 15-го слова свт. Григория Богослова, «говоренного в присутствии отца, который безмолствовал от скорби после того, как град опустошил поля»⁷⁷.

Окружное послание патриарха Никона о моровой язве издано 6 (19) августа. Знаменательно, что в этот день Православная Церковь отмечает двенадесятый праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, посвященный воспоминанию события на горе Фавор (Мф. 17: 1–13; Мк. 9: 2–8; Лк. 9: 28–36). Избранные апостолы — Петр, Иаков, Иоанн вместе с ветхозаветными пророками — Моисеем и Илией олицетворяли на Фаворе всю Церковь — в этом экклезиологический смысл Преображения⁷⁸. В евангельском повествовании Преображение имело еще одно значение: оно должно было при грядущей смерти Христа укрепить апостолов в их вере, дать им незабываемое свидетельство Божества Иисуса Христа и добровольности Его Крестных страданий и смерти⁷⁹. В богословской традиции Преображение имеет отношение лично к каждому христианину: в стремлении к озарению нетварным Светом состоит духовный смысл человеческой жизни⁸⁰. Христианину, желающему удостоиться своего личного Фавора, надлежит постоянно упражняться в молитве и добродетели, отвращаясь от земных помыслов и устремляя свой ум, свою любовь к Богу⁸¹. Важнейший момент христианского учения о человеке, состоящий в том, что обожение

⁷⁷ Григорий Богослов. Собр. творений: В 2 т. Св.-Троицкая лавра, 1994. Т. 1. С. 240, 238–239.

⁷⁸ Ефрем Сирин. Слава Христова Преображения. Режим доступа: http://www.kupola.info/listok_view.php?id=64

⁷⁹ Об этом поется в кондаке Преображению: «Да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное, миру же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние».

⁸⁰ Иоанн Кронштадтский. Поучение на Преображение Господне. Режим доступа: <http://www.orthodox.spbu.ru/preobr.htm>.

⁸¹ Фаддей (Успенский). Преображение Господне. Слово пастыря. Режим доступа: <http://www.nikolski.kz/blagovest/nb069.htm>.

человеческой природы возможно⁸², реализовал патриарх Никон в поучении о моровой язве, приурочив свой труд к символам праздника Преображения Господня.

Почтение патриарха Никона о моровой язве, в котором московский владыка выявил и охарактеризовал пороки и грехи, захватившие современное ему общество, актуально во все времена: неисполнение морально-нравственных законов, характерных для разных человеческих сообществ, нарушение парадигмы вечных ценностей, закрепленных и обоснованных в сакральных текстах и святоотеческих учениях, приводят к сбою в работе всей социальной системы, разрушают внутреннюю, духовную гармонию целого общества и каждого его представителя. Средством наведения порядка в душах людей и методом духовной гармонизации общества во все времена служили сильные потрясения и войны, катастрофы и стихийные бедствия, перед лицом которых люди, сплотившись, приступали к глубокому самоанализу и духовному самосовершенствованию, обращались к собственному и «чужому» авторитетному культурному прошлому, к традициям и своим корням. Взгляд в прошлое всегда был необходимым условием для выживания цивилизации. В трудные периоды жизни люди определялись и в своем отношении к Богу. Высшие силы, верша свой суд над непокорным народом, давали ему шанс на исправление, надежду на внешний и внутренний мир.

⁸² Преображение Господне. Режим доступа: <http://www.xxc.ru/orthodox/pastor/preobrajenie/index.htm>; Николай (Ярушевич). Слово, сказанное в Преображенской церкви г. Москвы. Режим доступа: <http://www.xxc.ru/orthodox/pastor/preobrajenie/s7.htm>.

Н. Н. МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ И ЕГО «ЗАПИСКИ» *

В пантеоне национальных героев генералу от инфантерии и наместнику Кавказа Н. Н. Муравьеву (1794–1866) сегодня отведено почетное место — уже более десяти лет ни одно солидное биографическое издание-энциклопедия не обходится без безусловно положительных статей о нем, а некоторые авторы даже зачисляют Н. Н. Муравьева в число наиболее выдающихся русских полководцев¹. Эта традиция берет начало от документальной исторической хроники Н. А. Задонского «Горы и звезды», вернувшей российскому читателю уже практически забытое к середине 1960-х гг. имя генерала, названного М. В. Нечкиной «замечательным русским историческим деятелем»². Муравьевым-Карским Николай Николаевич Муравьев стал после покорения турецкой крепости Карс в ноябре 1855 г. Приставка к фамилии появилась не после царского указа — так стали называть Муравьева (пожалуй, единственного генерала-победителя столь неудачной для России Крымской войны) в обществе и даже в широкой народной среде.

Н. Н. Муравьев-Карский родился в семье Н. Н. Муравьева — основателя и руководителя знаменитого Московского учебного заведения для колонновожатых (Муравьевской школы)³. Поступив на военную службу в Свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, он через самое короткое время оказался участником Отечественной войны 1812 г., и в послужной список еще совсем молодого офицера вошли крупнейшие сражения, составляющие славу русского оружия, — Бородино, Тарутино, Вязьма, а чуть позже — Бауцен, Кульм, Лейпциг, Фер-Шампенауз... После войны Муравьев продолжил службу в Петербурге, в Генеральном штабе. Но неожиданно относительно спокойную карьеру столичного генштабиста пришлось прервать из-за до-

* Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-3942. 2010.6.

¹ См., напр.: *Ковалевский Н. Ф.* История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX в. М., 1997; *Георгиевские кавалеры*. Т. 1: 1769–1850. М., 1993.

² *Задонский М. А.* Горы и звезды. М., 1965. С. 5.

³ Значительный след в российской истории оставили братья Н. Н. Муравьева-Карского: Александр Николаевич (1792–1863) — декабрист, администратор, активный деятель реформ 1860-х гг.; Михаил Николаевич, граф Виленский (1796–1866) — министр государственных имуществ, а позже генерал-губернатор Северо-Западного края; Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) — влиятельный чиновник Св. Синода, видный духовный писатель.

статочно романтических обстоятельств. В 1816 г. Н. Н. Муравьев просил руки дочери адмирала Н. С. Мордвинова, получил отказ и, считая невозможным для себя более оставаться в столице, уехал служить в Кавказский корпус генерала А. П. Ермолова. Помимо квартирмейстерских обязанностей Николай Муравьев активно занялся изучением восточных языков и постижением основ дипломатического искусства. После сопровождения Ермолова на переговорах в Персии в 1819 г. он отправился в опаснейшую дипломатическую поездку в Туркмению и Хиву. Отправляясь с миссией, Муравьев даже не предполагал возвратиться назад, думая, что за выполнение поручения наверняка придется заплатить жизнью. Но все завершилось благополучно, после личного доклада Александру I об успехах военной дипломатии в Средней Азии Муравьев получил чин полковника, в столичном обществе был принят как настоящий герой, а также снискал общероссийскую и европейскую известность благодаря своей книге «Путешествие в Туркмению и Хиву», написанной по свежим впечатлениям восточной миссии⁴.

Как командир 7-го карабинерного полка Н. Н. Муравьев удачно действовал во время русско-иранской войны 1826–1828 гг. Получив звание генерал-майора и командование гренадерской бригадой, он участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1832 г. в период обострения турецко-египетских отношений Н. Н. Муравьев с особым дипломатическим поручением находился при турецком султানে. Впечатления очередной дипломатической миссии отразились в его новых трудах — «Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.» и «Русские на Босфоре в 1833 г.». На первых порах правления Николай I благоволил Муравьеву и после его возвращения из Турции даже пожаловал в генерал-адъютанты. Но прямой и честный Н. Н. Муравьев менее всего подходил для роли царедворца, к тому же еще и являлся горячим сторонником реформирования армии и сохранения «ермоловского духа» на Кавказе. Результат не заставил себя долго ждать — и в 1837 г. командир 5-го пехотного корпуса Н. Н. Муравьев на долгие одиннадцать лет был отправлен в отставку. И все же никто из крупных военачальников лучше него не знал Кавказа и востока — с этим обстоятельством оказался вынужден считаться и император, в конце концов, после неудачного начала Крымской кампании, сменивший гнев на милость. Осенью 1854 г. Н. Н. Муравьев, ставший менее года назад генералом от инфантерии, назначается наместником Кавказа и командиром Кавказского отдельного корпуса. А далее — укрепление кавказских соединений русской армии и поход из Александрополя к Карсу. После взятия крепости Муравьев планировал идти на Константинополь, но усту-

⁴ *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I, II. М., 1822.

пил государственной необходимости, подарив карскую победу дипломатам. В обмен на турецкую твердыню Россия по Парижскому договору вновь обрела потерянные в войне Севастополь, Балаклаву и другие города Крыма. По впечатлениям войны Н. Н. Муравьев (уже, собственно, Муравьев-Карский) подготовил объемный двухтомный труд «Война за Кавказом в 1855 г.».

Архив Н. Н. Муравьева представляет собой совершенно потрясающее культурное явление для России. Хозяин оставил его для потомков в идеальном порядке. Эпистолярное наследство — это аккуратно переплетенные в хронологическом порядке тома писем, в среднем по две книги за год с пометами Н. Н. Муравьева на каждом послании: «Получено (такого-то числа)» и «Ответ дан (такого-то)». В таком же идеальном порядке сохранены его дневники, частично переработанные в «Записки». Когда-то Н. Н. Муравьев имел намерение составить на базе дневниковых записей воспоминания, но со временем отказался от этой идеи, причиной чего, конечно же, стала нехватка времени. И так получилось, что, собственно, со строгой источниковедческой точки зрения «Записками», т. е. мемуарным наследием, можно назвать лишь их первую часть — об Отечественной войне 1812 г., опубликованную в «Русском архиве» в конце 1880-х гг., и одну из последних частей, посвященную событиям Крымской войны, кавказского наместничества Н. Н. Муравьева и взятия Карса. Остальные части «Записок» — это переработанные и отредактированные дневниковые записи. Но необходимо обратить особое внимание на то, что автор аккуратно сохранил и все первоначальные, черновые (в том числе и отрывки, не предназначенные для печати — личного, субъективного или даже политического содержания) варианты, в которых содержится подчас ценнейшая информация. Существуют две крупных публикации фрагментов записок Н. Н. Муравьева-Карского: в «Русском архиве» (основная) за 1885–1889, 1891, 1893–1895 гг., а также в серии «Русские мемуары» с выдержками опубликованной ранее части «Записок» об Отечественной войне 1812 г.⁵ Конечно, важнейшей задачей сохранения отечественного историко-культурного наследия является публикация наиболее полного текста «Записок» Н. Н. Муравьева, но эта работа представляется архисложной, так как непрерывным ее условием должны стать учет и сверка всех вариантов рукописного текста, подготовка к печати всего гигантского объема источника.

Можно без преувеличения сказать — нашей культуре несказанно повезло, что именно такой человек, как Н. Н. Муравьев-Карский, оставил для потомков «Записки» — систематический своей свод жизни, и какой жизни!

⁵ *Муравьев Н. Н.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 73–157.

В истории не так много людей столь богатой и насыщенной событиями судьбы. Прибавим к этому еще незаурядный литературный талант автора, способность живым и точным языком передавать события, свои мысли и чувства, резюмировать и рассуждать. Помимо всего прочего, Николай Муравьев — философ, способный давать оценку буквально каждому явлению окружающей действительности. Он эстет, способный ценить красоту окружающего мира, описывать свои чувства, столь, возможно, типичные для русского человека.

В качестве примера показателен один эпизод из «Записок». В самом начале заграничного похода, остановившись с полком в одной из прибалтийских деревень, Муравьев вечером вышел на берег моря. И здесь его захватило необычайной красоты зрелище: на фоне прибрежного рыцарского замка огромные стаи лебедей в лучах заката и окружении туч приближающейся грозы кружились над водой, садились на берег, на воду, плавали, устремлялись в полете к горизонту... Очарованный этой фантастической картиной юноша забыл обо всем на свете, кроме величия мироздания и величия рыцарской романтики. Здесь, в этом потрясающем художественном эпизоде, заключено все — и русская ментальность, и философия русского самосознания, горизонты соприкосновения культур и искусств, поиски «русского рыцарства», столь актуальные для братьев Муравьевых как носителей отечественной дворянской культуры⁶. Вспомним, ведь именно этот «лебединый» сюжет вдохновил П. И. Чайковского на создание символа национальной музыкальной и духовной культуры, остающегося и по сей день образцом величия «русскости», воплощением идеала «русской души».

Но парадоксальная ситуация — «Записки» Н. Н. Муравьева, более ста лет назад частично опубликованные в «Русском архиве», до сих пор практически не востребованы наукой. На то были, конечно, и свои причины — николаевская эпоха, героем которой был Н. Н. Муравьев, мягко говоря, не принадлежала к разряду популярных тем в советской исторической литературе. Отношение историков к «Запискам» было чисто утилитарным — они искали информацию по своим узким темам исследования. И, как правило, всегда находилось достаточно много. Но даже специалисты не всегда справлялись с текстом (поэтому «Записки» до сих пор оставляют фору не только для научного поиска, но и для научных открытий). Подобный подход таил в себе и самый настоящий риск. Выхваченный из контекста повествования какой-либо факт сам по себе часто терял первоначальный смысл, нередко неправильно истолковывался и излагался исследователями. В этом опас-

⁶ См. об этом: Туманик Е. Н. Декабрист А. Н. Муравьев в организации Священная Артель // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 134–157.

ность «муравьевского» текста. Его нужно рассматривать только как единое целое, в котором каждый сюжет связан с предыдущим и последующим единой повествовательной нитью; иными словами, «Записки», не взирая на их внешнюю структурную дробность, необходимо воспринимать как единый универсальный текст, из которого нельзя «вырывать» отдельные фрагменты и эпизоды.

Сегодня увлекательнейшие с литературной точки зрения «Записки» не находят массового читателя и остаются достоянием лишь узкой аудитории. У многих специалистов отношение к «Запискам» следующее: это элитарный текст, доступный пониманию лишь избранного круга людей из числа литературоведов и историков. И в то время, когда на электронных носителях выложены многие редкие тексты первой половины XIX в. (например, письма М. А. Волковой к В. И. Ланской), Н. Н. Муравьев-Карский так и не заслужил права даже на виртуальную публикацию.

Да, действительно, «Записки» сложны для восприятия. С информативной точки зрения они очень насыщены и даже, порой, перегружены. Часто на одной странице текста вмещается столько информации, что ее трудно воспринимать как нечто целостное. Сравнивая с другими аналогичными источниками, нетрудно заметить, что иной мемуарист растекался бы мыслью по бумаге и рассказывал о том же самом в десять раз дольше. При этом, обратим внимание, живость изложения и литературная сторона текста Н. Н. Муравьева совершенно не страдают. Естественно, человек-читатель не компьютер. Попадая в столь обширное информационное поле, он выхватывает что-то свое, наиболее интересное для него в данный момент, а другой пласт информации остается «за кадром». Но тем и ценнее «Записки» Муравьева! Возвращаясь к интересному тексту снова и снова, читатель всякий раз узнает для себя нечто, что ускользнуло от него в первом прочтении — это обстоятельство возводит текст Муравьева на ступень вечных культурных ценностей, на уровень универсального и любимого чтения. Еще одна сторона — именно такая информативная многогранность делает «Записки» всеобъемлющими. Читая этот источник, в общем-то, и не требуется привлекать какие-то другие тексты, весь XIX в. предстает как на ладони — быт, нравы, характеры, политика, общественная жизнь, мир русской дворянской семьи, женские образы, формы взаимоотношений между людьми.

Еще одна особенность, пожалуй, не потерявшая значения и в наши дни. «Записки» не стали любимым чтением широких, а особенно высших кругов русской публики в период их публикации в «Русском архиве», так как были беспощадно правдивы. Возможно, и сейчас при их прочтении у ряда людей возникнет много вопросов. Кстати, печатание «Записок» остановилось по банальной причине: еще были живы многие их герои, и они вы-

разили банальный протест публикаторам — мы, дескать, не хотим, чтобы нас так характеризовали. Но, зная нравственную сторону жизни и характер Н. Н. Муравьева, трудно усомниться в его необъективности и предвзятости... С этой опасностью, конечно же, придется столкнуться и современному публикатору «Записок» — и он должен это учитывать. Н. Н. Муравьев с его текстом достаточно нетипичен для русского самосознания. В России другой менталитет — наши соотечественники любят, чтобы их хвалили и, в равной степени, любят сами в той или иной форме чем-либо хвалиться. Н. Н. Муравьев не делает ни того, ни другого, не щадя ни себя, ни близких, ни сослуживцев: жесткая правда жизни как она есть. Вот, например, столь несоответствующая хрестоматийному образу характеристика М. И. Кутузова со страниц «Записок»: «...Человек умный, но хитрый; говорили также, что он не принадлежал к числу искуснейших полководцев, но что он умел окружить себя людьми достойными и следовал их советам»⁷.

Интересная черта «Записок», которая невольно располагает к автору и делает их приятными и легкими для восприятия — это самоирония и ирония в передаче событий, а также неизменное чувство юмора. При этом Н. Н. Муравьев (что особенно важно с учетом вышесказанного) никогда не доходит до гротеска или сарказма. Чувство юмора — достаточно редкая черта для русского мемуариста первой половины XIX в. Как правило, все наши «рассказчики» серьезны. Кстати, именно такая особенность «Записок», как юмор и, в связи с этим, некоторая легкость изложения, позволяют сглаживать многие серьезные проблемы, страшные реалии военного времени — автор не «нагружает» читателя «темным» и «тяжелым», что часто очень любят делать писатели. Важно отметить и то, что Н. Н. Муравьев всегда избегает и излишней моралистики. В качестве примера можно привести рассказ о самых первых неделях Отечественной войны под Смоленском: «Мне очень хотелось побывать в сражении, но корпус наш не трогался... Посему я решился в дело съездить без позволения... Я встал до рассвета, когда у нас все еще спали... Выехал за Малаховские ворота..., пули летали через меня спереди и с правой стороны, но я не знал еще, что это пули, а узнал это только тогда, когда увидел, что они, минуя меня, ударялись об досчатый забор... Пуля упала у моих ног. Я поднял ее в намерении сохранить, как памятник первого виденного мною дела с неприятелем, долго держал ее в кармане и, наконец, потерял. ...Скоро... через голову мою стали летать ядра; тут пришла мне мысль о возможности быть раненым... Заслуги от того никакой не было; напротив того, мог я еще получить выговор...»⁸.

⁷ *Муравьев Н. Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 244.

⁸ Там же // Русские мемуары... С. 99–100.

В «Записках» есть и лирический сюжет, что приближает их, если так примерно говорить, к роману. Это тема безответной и несчастной любви автора к Н. Н. Мордвиновой. Здесь мы сталкиваемся с множеством очень сильных эпизодов, достойных пера лучших романистов. Это рассказ о том, как четырнадцатилетний Муравьев ночью тайно пробирается на остров в своем имении, где гнездятся лебеди, выдерживает с ними схватку, воображая себя защищающим возлюбленную рыцарем, а затем, в знак победы вырезывает ее имя на деревьях, спустя годы навещая эти «памятники любви». В 1812 г., ночуя в крестьянской избе, он, увидев маленького мальчика, чертами похожего на Наталью Николаевну, рисует ее портрет, который затем свято хранит и всегда носит с собой. Очень сильное впечатление производит сцена, в которой Н. Н. Муравьев описывает случайную встречу с вереницей экипажей семейства Мордвиновых, отправляющихся из деревни на зиму в Петербург. В этот момент он уже отвергнут адмиралом как претендент на руку его дочери и вынужденно покидает Петербург, отправляясь на Кавказ к Ермолову. Итак, вечер, поздняя осень, неудобные, убранные поля, холод, отвергнутый Муравьев стоит на обочине дороги и видит свою возлюбленную, необыкновенно прекрасную. Она проносится мимо к новой блестящей жизни, совершенно не замечая его. И никто из семейства Мордвиновых даже не смотрит в его сторону! После поездки в Хиву Муравьев вернулся в высший свет героем, сразу же получив полковничьи эполеты. (Естественно, тема любви к Наталье Николаевне проходит «красной линией» в его воспоминаниях и о среднеазиатской дипломатической миссии.) Но и тогда ситуация не меняется — возможности быть принятым в доме Мордвиновых нет. И вот полковник Муравьев, рискуя репутацией, поздним вечером пробирается в мордвиновский усадебный сад и тайно прячется под окнами дворца, чтобы хоть издали увидеть свою возлюбленную, танцующую на балу.

Собственно, сами «Записки» начинаются так: «Родился я 14-го июля 1794 г., воспитывался и учился в родительском доме. В феврале месяце 1811 г. отец привез меня в Петербург для определения в военную службу. Я не имел опытности в обращении с людьми, обладал порядочными сведениями в математике, не имел понятия о службе и желал вступить в нее. Уже четыре года был я влюблен»⁹. Интригующее начало, не правда ли? Безусловно, именно это раннее и очень сильное чувство и стало побудительной причиной для написания «Записок». И здесь мы обязаны поблагодарить Н. Н. Мордвинову, пусть столь жестоко обошедшуюся с Муравьевым, но прямым и непосредственным образом содействовавшую появлению жемчужины русской мемуаристики.

⁹ Там же // Русский архив. 1885. № 9. С. 5.

Муравьев, без сомнения, рефлексирующая натура, человек, постоянно стремящийся анализировать свои поступки, осознать себя в мире и мир вокруг себя. Это натура страдающая, и не только от несчастной любви. В «Записках» Н. Н. Муравьева мы видим то, что очень характерно для бесконечно обширной сибирской польской мемуаристики — желание взглянуть со стороны на свое страдание, погрузиться в него с целью нравственного очищения. Именно эта черта делает «Записки» Муравьева надкультурным явлением, безусловно, они будут близки и понятны не только русскому читателю. А впрочем, вполне возможно, даже более понятны именно человеку западной культуры.

Интересно, что в повествовании Н. Н. Муравьева отразились и литературные направления его эпохи. Муравьев всегда очень много читал, был в курсе литературных новинок. В конце жизни он даже успел прочесть начальные главы «Войны и мира» Л. Н. Толстого и высказать писателю свое мнение о прочитанном. Так вот, если первая часть «Записок», несмотря на ужасающие подробности войны, выдержана в романтическом духе, и сам герой и автор повествования предстает перед нами в виде романтического героя, то далее мы видим все более и более реализма, и дело здесь даже не в том, что Муравьев становился старше и начинал по-иному смотреть на мир. Это требование литературных вкусов эпохи, взгляд на литературный процесс самого мемуариста, который, при желании, мог бы стать писателем и прославить русскую литературу. Но Муравьев отверг писательский труд, как и многие люди его поколения, потому что был занят более серьезными делами...

Итак, возможно, именно сегодня наступает эпоха, когда «Записки» будут, наконец, востребованы обществом, пусть даже не слишком широким кругом читателей. Информационная культура наших дней существенно отличается от той, которая была даже пять лет назад. Обилие фактов, информативная насыщенность текста уже не пугают современного, особенно молодого представителя читательской аудитории. Более того, «Записки» призваны помочь человеку в восприятии нынешнего многопланового культурного пространства, лучше ориентироваться в потоках информации. Собственно потому этот уникальный источник никогда не станет архаичным и имеет шанс занять в нашей культуре место одного из культовых универсальных текстов XIX века.

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ОЧЕРКОВ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В СИБИРЬ *

Тема переселения в Сибирь в рецепции русской классической и сибирской литературы послереформенного периода наглядно демонстрирует активные поиски новых эстетических форм диалога культур центра и провинции, обновление самих его принципов во всей их сложности и перспективности. Предметом данного исследования являются очерки (местных и столичных авторов), которые занимают преобладающее место среди сочинений о переселенческом движении XIX в. и переселенческой проблеме в целом. Позиционируемая как некий бессюжетный жанр, далекий от художественного вымысла, опирающийся на строгие цифры и факты, очерковая литература о переселении в Сибирь между тем отличается активным использованием довольно объемного комплекса разнообразных мотивов. Обратимся к названной проблеме в аспекте семантической трактовки мотивов, их структуры и системности, эстетической значимости, связи с темой и жанром, ориентированным на определенную группу реципиентов, на обеспечение желаемого воздействия на них.

В первую очередь рассмотрим очерки, посвященные истории заселения Сибири, в которую впоследствии влилось переселенческое движение XIX в. К ним относятся, например, «Ермак. Краткий очерк завоевания Сибири» анонимного автора, опубликованный в Санкт-Петербурге отдельным изданием в 1875 г., «К вопросу колонизации тайги. Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги» А. Духовича, вышедший в Томске в 1896 г., очерк «Как заселялась Сибирь» местного неизвестного автора, опубликованный в 1895 г. в «Томском листке», а в следующем году отдельной брошюрой.

Исследуя заявленный уже в заглавиях очерков вопрос, все авторы вводят в повествование мотив покорения Сибири, как нам представляется, генетически связанный с древнейшим мотивом завоевания (отвоения) невесты, в трактовке которого О. М. Фрейденберг подчеркивает «равносильность» отвоения «новому оживанию»¹. Интерпретация названного мотива сибирскими и столичными очеркистами, разумеется, специфична. Завоевание Сибири понимается как покорение сибирской природы, неизвестной евро-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 08–04–64401 а/Т (региональный).

¹ *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 237.

пейцам и пугающей их мощью и своенравным характером. Так, например, очерк «Ермак» начинается с цитаты из «Повести временных лет», с упоминания в ней о том, как зыряне в 1093 г. «прорубили оконце» в Сибирь, т. е. просеку «лесом чрез Уральский хребет до Оби и проложили себе путь от реки Вогулки до реки Сосвы»². И далее в очерке речь идет о стремлении европейцев овладеть несметными природными богатствами сибирского края. Как об одном из первых шагов на пути к покорению Сибири говорит очеркист о зарождении торговли, которую удалось развить новгородцам, добывавшим сибирские меха и серебро, золото и медь и продававшим все это Европе.

Мотив завоевания Сибири как освоения ее природных богатств, прежде всего, ее земель, приспособление их под земледелие находим и в очерке анонимного автора «Как заселялась Сибирь», где очевидна семантика посева зерна в землю как овладения ею, как оплодотворения ее новой жизнью: «... истинная основа жизни в крае залегла, когда в землю завоеванных ... пало первое хлебное зерно завоевателя». Зерно, брошенное в сибирскую землю переселенцами, здесь осмысливается как «сильнейшее орудие», которое может помочь завоевать «такую обширную страну, как Сибирь»³, знак победы над Сибирью⁴. Мотив завоевания Сибири сопровождается также темой семьи, тесно связанной с образом семени, мотивом посева. Автор очерка перечисляет все царские указы, согласно которым в Сибирь переселяли «женок» казаков, а также «девиц для женитьбы казаков», позже стали ссылать женщин-преступниц, а также переселять жен и детей ссыльных (по их желанию).

Не менее частотной оказывается трактовка анализируемого мотива как покорение русскими посланцами местных племен, в связи с чем автор очерка о Ермаке вспоминает походы в Сибирь под предводительством Василия Скробы (1462), Федора Курбского и Ивана Тропина (1483), но главной фигурой завоевателя предстает Ермак. Именно здесь к мотиву покорения присоединяется мотив даров, с помощью которых осуществлялась русско-сибирская «дипломатия», мирное продвижение русских в Сибирь, дополняющее ее завоевание с помощью силы. Благодаря дарам, пишут очеркисты, устанавливались отношения между сибирскими князьями и русскими царями, поселенцами и государством, между Ермаком и остяками, Ермаком и царем Иваном Васильевичем и т. д. Интересен и показателен характер даров: Сибирь отдаривалась «соболями и белкой», а власть даровала «жалованные грамоты», позволяющие владеть сибирскими землями, заводить на

² Ермак. Краткий очерк завоевания Сибири. СПб., 1875. С. 2. Далее страницы этого издания в тексте в скобках.

³ Как заселялась Сибирь: Очерк. Томск, 1895. С. 5.

⁴ Там же. С. 70.

них селения и пашни. Только Ермаку в ответ на его победные походы против Кучума царь дарует вместе с прощением преступлений деньги, сукно, серебряный ковш, шубу «с своих плеч» и два «богатых панциря», которые и принесли смерть покорителю Сибири (по легенде, Ермак, одетый в тяжелый панцирь, не смог переплыть реку, уходя от врага).

Покорение Сибири, трактуемое как распространение царской власти на сибирские земли, нередко интерпретируется и как распространение православной веры на восток и север Российского государства. Неслучайно Ермака и его предшественников автор «Краткого очерка завоевания Сибири» называет «христианскими витязями», «грудью стоявшими за область христианскую» (с. 10). С точки зрения очеркиста, Ермак завоевывает Сибирь потому, что его воины «стреляли огнем», отличались «неодолимым мужеством» и, главное, шли на бой с молитвой на устах. В письме к царю Ермак, «человек весьма набожный», по характеристике автора, писал, что его казаки «шли на смерть и присоединили к России великую державу во имя Христа» (с. 19). Иван Васильевич же, узнав о покорении Сибири Ермаком, служит благодарственный молебен и раздает бедным милостыню.

Параллельно в повествование вводится мотив предсказания сибирскими шаманами того, «что держава Кучума падет от нашествия христиан» (с. 10). Мысль о завоевании Сибири как богоугодном деле подтверждается и царским повелением отправить в Сибирь десять священников «с их семействами для водворения православия в неверном крае» (с. 19). И ниже, описывая последовавшее за завоеванием заселение сибирского края, автор указывает, что оно «совершалось в духе христианском; везде сооружались часовни, церкви, монастыри и соборные храмы. Где было зимовье, там крест или часовня; где крепость, там церковь» (с. 20). Однако тут же упоминается, что «для окончательного усмирения жителей Иоанн прислал туда несколько сот стрельцов» (с. 20).

Рассмотренные интерпретации мотива завоевания Сибири, открывающего и ей, и России новую, лучшую жизнь, и мотивы, сопутствующие ему, свидетельствует о явной идеализации очеркистом процесса колонизации сибирских земель и колонизаторов (особенно Ермака). В полном соответствии с этим находится и представление о Сибири как о некоем почти потустороннем «благодатном крае», который может стать «неоценимым приобретением» для России (с. 25). В описании этой «целой обширнейшей страны» на первое место вновь выходит мотив даров. Но на сей раз речь идет о дарах природы, которые она щедро «расточила» в Сибири, представленной в очерке неиссякаемым рогом изобилия, «сокровищницею богатства России». Сибирский регион возводится до образа «первозданного мира, каким он вышел некогда из рук Божьих ... со всеми красотами творения» (с. 28).

Спустя 20 лет после выхода рассмотренного сочинения А. Духович⁵ начнет свой очерк с весьма красноречивым названием «К вопросу колонизации тайги» с того же мотива: Сибирь — это *terra incognita*, так и не покоренная, не раскрывшаяся в своих естественно-исторических и экономических условиях и возможностях. Автор, например, с удивлением констатирует, что даже границы Сибири, отдельных ее областей, особенно с севера, до сих пор не обозначены.

Главное же внимание автора сосредоточено на таком специфическом явлении, как сибирская тайга, о которой, как он пишет, «до настоящего времени не имеется почти никаких сведений»⁶. В своем очерке А. Духович делает попытку назвать хотя бы «предполагаемые границы» тайги, дать приблизительные описания таежных рек и их притоков. Автор в соответствии с жанром⁷ приводит множество цифр, которые, однако, отличаются, в противовес очерковой установке на точность и конкретность, приблизительностью. Протяжение Чулыма, например, указывается так: «верст на 600–700», его ширина в верховье — «7–12 сажень», ближе к низовьям «30–40 и 50 сажень», и далее: «ниже ... верст на 200» (по течению Чулыма. — И. А.) «выступает каменный уголь» (с. 4).

Развивая мотив непокоренности и непокорности Сибири, А. Духович представляет своим читателя тайгу как живой, целостный, самодостаточный и саморазвивающийся организм. Таежные реки «выполняют миссию» (с. 8) дренирования земли и абсолютно не приспособлены для сплава леса. Таежная земля болотистая, но именно «эти болотца, соединяясь между собой проточками и ручейками, вливаясь ... одно в другое, дают начало ... притокам» рек (с. 8). После пожаров, возникающих исключительно в полосе, прилегающей к населенным местам, тайга самовосстанавливается, «под пологом лиственных пород появляется подрост хвойных», и тайга снова

⁵ А. Ф. Духович — выпускник Московской земледельческой академии, неоднократно попадал под надзор полиции за связь с народовольцами, в 1887 г. был выслан в Сибирь и остался после ссылки служить лесничим в Туринске, затем в Томской губернии, в дальнейшем исполнял обязанности управляющего государственным имуществом Енисейской губернии.

⁶ Духович А. К вопросу колонизации тайги. Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги. Томск, 1896. Далее страницы этого издания в тексте в скобках.

⁷ Жанр сочинения А. Духовича сложен по своей природе: очерковые принципы нарратива удваивают свое звучание за счет авторской установки на жанр проблемной статьи («К вопросу колонизации тайги»), кроме того, важен подзаголовок публикации «Доклад Томскому отделу Императорского московского общества сельского хозяйства», подчеркивающий документальный характер текста.

приобретает свой характер «черной тайги», т. е. темной, непроходимой, каковой и делают ее хвойные породы деревьев (с. 8).

Жизнь тайги как символа Сибири представлена А. Духовичем вечным движением по кругу, имеющим свои онтологические смыслы. И автору очень важно понять, может ли человек, особенно пришлый, более того, переселенный в Сибирь чаще всего насильно, с помощью приказов и приговоров, войти в этот круг, и какими могут быть последствия такого вхождения, в реальной практике выливающегося в попытки подчинить себе (покорить, завоевать) это космического масштаба круговращение.

В раскрытии проблемы «поселенец и тайга» очеркист активно пользуется мотивом пожара. Типичное для сибирских лесов явление — пожар — представлено автором в свете вечных метафор борьбы человека с природой, его «нашествия» на нее, в котором главной оказывается семантика смерти и жизни, движения вперед и возвращения. Лесные пожары, происходящие от неосторожного обращения новоселов с огнем или даже с целью выжечь тайгу и освободить земли под пашню, осмысливаются А. Духовичем как события, ведущие к «циклическому возврату в первооснову»; пожар в тайге — это, безусловно, гибель природы, за которой обязательно «наступает реновация»⁸. В результате пожаров тайга перерождается в елани, появляются гари, почти беслесные пространства, заваленные валежником и покрытые кочками. Но и то, и другое остается непригодным для земледелия и потому со временем становится новой тайгой, по-прежнему не желающей отступать перед поселенцем, а если и пускающим его в свои пределы, то только для того чтобы в конце концов выдворить его. На протяжении всего очерка А. Духович подчеркивает, что хлебопашество, главное, ради чего и осуществлялось переселение в Сибирь, не приживается в тайге, которая губит посевы полеганием, вымерзанием или вымоканием.

Выживают в тайге лишь те, кто сумел органично войти в естественный круговорот ее жизни. К таким, по убеждению А. Духовича, относятся весьма немногие, например, «раскольники-богомолы», занимающиеся сбором грибов и ягод, рыбной ловлей, охотой. Что же касается их методов земледелия, то они характеризуются пониманием того, что нужно земле: они оставляют ее «на отдых», пускают ее «в залежь», оставляют «под паром», входя в естественный круговорот: «залежь — пар — хлеб — пар — хлеб — залежь» (с. 25). Позиция автора очерка в отношении освоения (завоевания) тайги очень близка к этому. Он считает необходимым предоставить переселенцам возможность заниматься не столько земледелием, сколько лесным хозяйством, для чего научить их лесотехнике, помочь в расчистке рек и пр.

⁸ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. С. 164.

Во всех рассмотренных нами очерках можно усмотреть амбивалентность мотива завоевания Сибири. С одной стороны, он несет в себе (за счет сопутствующих образов семени, семьи) семантику укоренения новоселов на новом месте, начала новой жизни и для осваиваемой территории, и для ее новых поселенцев, с другой — идею нестабильности, постоянного движения, вследствие чего одним из центральных в повествовании о переселенцах оказывается мотив дороги. В очерках о переселении в Сибирь движется всё и все. Автор описывает сибирских князей, которые едут в Москву, чтобы принять русское подданство; казаков, едущих в Сибирь по указу царя; бегущих туда преступников; крепостных, сосланных в сибирскую каторгу; переселенцев, добровольно покидающих центральную Россию и отправляющихся в Сибирь за лучшей жизнью, а затем скитающихся по сибирской земле с той же целью и мечтающих о возвращении на родину; ходоков, которые едут в Сибирь «на разведку», чтобы найти переселенческому коллективу подходящие земли, и т. д.

Сибирь, в которой всем новоселам сразу бросается в глаза отсутствие дорог, предстает в очерке пространством хаотичного, часто бессмысленного и безрезультатного движения, захватывающего своей мощью не только людей разного социального положения, возраста, пола, но и потоки хлеба, пошлин, льгот, оброков, документов, а также страданий, болезней, смерти. Однако позиция авторов чаще всего сводится все же к идее упорядочивания процесса заселения Сибири с помощью межевых комиссий, переселенческих комитетов, создаваемых на местах и т. п.

Одним из самых востребованных в очерках о переселении в Сибирь оказывается «двуединый», как его называет Н. Д. Тамарченко⁹, мотив преступления и наказания, развиваемый во всех сочинениях о ссыльных поселенцах. Специфика его использования заключается, во-первых, в том, что, осмысливая причинно-следственные связи наказания и преступления, авторы подчеркивают их несоразмерность: в Сибирь могли сослать за самую малую провинность или даже невинных людей, поскольку ссылка почти изначально выполняла не столько пинциарную, сколько колонизационную функцию. Более того, в «Исторических очерках русской ссылки в связи с развитием преступлений» известный сибирский публицист и общественный деятель, исследователь Сибири, один из основоположников сибирского областничества Н. Ядринцев пишет о том, что наказание ссылкой использовалось как средство реформирования России, и потому сослали за «сопротивление брдобритию», за мелкое воровство, за долги, за «старую веру»,

⁹ Тамарченко Н. Д. Мотивы преступления и наказания в русской литературе (Введение в проблему) // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2: Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 38.

«в зачет рекрутов», за то, что помещику не нравилось или, напротив, очень «нравилось» лицо крепостной женщины, и т. д. Петр I, по словам Ядринцева, с помощью ссылки в Сибирь «приучает народ к правильной уплате податей, принуждает чиновников к исправности, дворян к военной службе и обязательному образованию»¹⁰. Вследствие этого в Сибири оказывалось огромное количество людей озлобленных, с «затаенной тоской», с антипатией к новому месту жительства, с чувством совершенной по отношению к ним несправедливости и т. д.

Во-вторых, во всех очерках о сибирских ссыльных речь идет о том, что наказание ссылкой, которое, как любое другое, должно снимать вопрос о преступлении, само практически всегда превращается в преступление против личности и преступников, и тех, кто их окружает в Сибири. Здесь прежде всего важен акцент, который делают все очеркисты на восприятии ссыльными поселенцами Сибири как тупика, адского дна. Поистине с кругами ада ассоциируется классификация преступников и меры их наказания, данная в соответствии с жанром очерка в виде таблиц, цифр, подтверждаемых документально, в «Историческом очерке колонизации Сибири» (1859) известного этнографа и бытописателя Г. Пейзена. Автор упоминает и цитирует именной указ 1797 г., в соответствии с которым преступников, отправляемых в Сибирь, принято было делить на три группы. Уголовных преступников, убийц и «произносителей дерзких слов против Императорского Величества, возмутителей народа» после телесного наказания следовало «отсылать в Нерчинские работы»; преступников «других родов, приговариваемых на поселение, отправлять в Иркутск, на тамошнюю суконную фабрику; осужденных ... за долги ... отправлять к крепостным строениям, куда кто способен»¹¹.

Далее автор, подобно герою «Божественной Комедии», начинает спуск по «кругам» истории сибирской ссылки, давая им яркие описания, которые в отличие от средневековой поэмы, не являются плодом авторской фантазии. География (пространство) в очерке тесно переплетается, как и у Данте, с историей. Так, сначала Пейзен представляет первое место, выбранное для ссылки в Сибирь — им были берега реки Лены и впадающих в нее Вилюя и Амги. «Водворенные среди якутов, ... не имея нигде ... сношений с русскими», сосланные сюда люди «все заняли от якутов, вступая с ними в брак, утратили даже тип русского происхождения» (с. 21). Не выполнив возло-

¹⁰ Ядринцев Н. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. С. 225. Далее страницы этого издания в тексте в скобках.

¹¹ Пейзен Г. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. 1859. № IX. С. 19. Далее страница этого издания в тексте в скобках.

женной на них задачи, они не распространили земледелие на севере Сибири, не научили этому якутов, а, напротив, сами потеряли свою индивидуальность, впали в нищенское состояние, привыкли довольствоваться в еде рыбой и скудными дарами северной природы, например, сосновой корой.

Позже, пишет Пейзен, стали ссылать в Охотск и на Камчатку с той же целью, но природа и там «наотрез отказала в хлебопашестве» (с. 23), заставив ссыльных подчиниться голоду и холоду. В 1761 г. «положено было приступить к заселению» ссыльными тракта через Барабинскую степь до Томска. Подробнее описывая, как происходило освоение этого пространства «непроходимых лесов» и «необитаемой степи», Н. Ядринцев в очерке 1870 г. «Колонизационное значение русской ссылки» писал, что здесь «легли костями» тысячи ссыльных поселенцев «под изнурительными работами, под жестокими наказаниями, в лихорадках, тифе, в цинге»¹².

Во второй половине XVIII в., сообщает Пейзен, был издан указ о ссылке на берега рек Бухтарма и Иртыш, «на удобные к хлебопашеству места» (с. 25). Однако, отмечает очеркист, при этом не было учтено, что многие земли здесь на самом деле непригодны для земледелия, а «удобные» уже заселены казаками и крестьянами Кольвано-Воскресенских заводов, и кроме того, что эти районы входили в опасную пограничную зону с Китаем. Спуск в «сибирский ад» продолжился по указу о заселении ссыльными дороги между Якутском и Охотском, славящейся тем, что не всякая лошадь выносила ее от начала до конца. Тракт был «проложен» среди болот и тундры, превращавшихся летом в непроходимые топи, или среди гор и горных рек, постоянно менявших свое направление, так что невозможно было устроить «перевозы» (переправы). До Забайкалья же, куда начали ссылать по указу Павла I и где всем переселенцам полагались большие льготы, вплоть до постройки домов за счет государства, люди просто не доезжали, умирая по дороге. Доехавшие не находили практически ничего из обещанного.

Томская и Иркутская губернии в Москве представлялись самыми удобными местами для ссыльных поселенцев. Здесь их ждали дома, строившиеся на две семьи, запасные магазины, куда они должны были уже с первого урожая сдавать хлеб, и непосильный труд на старожиле за кусок хлеба и какую бы то ни было одежду. Домом такого переселенца чаще всего, пишет Г. Пейзен, становился кабак, а семьей — целовальник.

В «Историческом очерке русской ссылки в связи с развитием преступлений» Н. Ядринцева находим дополнительные характеристики «адской Сибири». Автор подчеркивает мысль о том, что ссылка в Сибирь означала

¹² Ядринцев Н. Колонизационное значение русской ссылки. Исторический очерк // Дело. 1870. № 12. С. 8. Далее страница этого издания в тексте в скобках.

лишение всех прав, что поселенец переходил на новом месте в разряд даровой рабочей силы, и главное — что в Сибирь ссылали пожизненно. В целом ряде своих очерков о ссылке автор утверждает, что такая «утилитаризация преступников», в которую превратилось наказание ссылкой, «уничтожила личность человека ... и законность самого наказания» (с. 222). Ссылка своей жестокостью, стремлением ограничить наказуемых «в личной свободе, в занятиях, в приобретениях», наложить на них знаки отверженности (клейма, бритые головы, особая одежда (с. 237)), что начиналось уже по пути к местам поселения, воспитывала в людях только страх и злобу всех на всех.

Болезненная работа ума, заставлявшая ссыльных искать выход из своих страданий и унижений, подсказывала им идеи побега, самоубийства и подталкивала к продолжению преступной деятельности. Причем Н. Ядринцев, Г. Пейзен, С. Чудновский, А. Малиновский, Н. Шелгунов и другие авторы, писавшие о сибирской ссылке, ни в одном своем очерке не привели примера исправившегося в Сибири преступника. Напротив, судьбы ссыльных поселенцев, представленные разными авторами, описаны как под копирку, они параллельны друг другу и своей повторяемостью показывают пространство Сибири как совершенно не подходящее для наказания и исправления преступников.

Закреплению в ссыльном тяги к преступлению способствует, по мнению очеркистов, то, что они отправляются в Сибирь без средств к пропитанию, полураздетыми, больными. Н. Ядринцев пишет о беременных женщинах, рожавших по дороге к месту ссылки в телегах. Не меньшую роль играет «казенное», формальное отношение чиновников к ссыльным. В историческом очерке «Колонизационное значение русской ссылки» Н. Ядринцев пишет, например, о «казенных деревнях», устраивавшихся в Томской губернии, и сравнивает их с военными поселениями Аракчеева. Из этих деревень, в которых немедленно давала о себе знать «полнейшая деморализация» поселенцев, бежали так часто, что приходилось прибегать к чрезвычайным мерам, к каковым относились избивание палками и розгами и так называемая «общая ответственность», заключающаяся в том, что в случае кражи, побега и т. п. секли всех подряд, пока кто-нибудь не указывал на преступника.

Не лучшее обстояло дело и в специально для ссыльных подготовляемых земледельческих колониях, где поселенцы «строили дома, сеяли хлеб ... , пока их принуждали, но ... как только прекращались принудительные меры», поселенцы «разбрелись на все четыре стороны» (с. 18).

Осознания своего преступления, раскаяния, желания начать новую жизнь в таких условиях не возникало, так что Сибирь с ее первозданной природой, патриархальностью, множеством свободных земель, по мнению Н. Ядринцева, не выполняла и не могла выполнять исправительной функ-

ции. Голодные, «вечно желчные», проклинающие Сибирь ссыльные, забывая окончательно о своей человеческой природе, о Боге, не испытывая мук совести и не боясь греха, всегда были готовы «вступить в первое же отважное предприятие. <...> Нередко через несколько дней по присылке они уже за какую-нибудь провинность препровождались в местный острог» (с. 26).

Особое искушение для ссыльных представляли, по наблюдению Н. Ядринцева, золотые прииски, где они были востребованы, потому что не имели семьи, хозяйства и могли надолго уходить в тайгу. Здесь работали «среди вьюг и непогод», болели, платили хозяину втридорога за «испорченную солонину» и плохую одежду, и все ради того, чтобы по окончании работы, получив расчет, «неделю или две ... провести в разврате и буйных оргиях», продолжая свое падение в пропасть. «Соблазн, опутывающий поселенцев, так велик, — пишет Н. Ядринцев, — что от него не удерживаются самые стойкие» (с. 30). И далее он приводит историю, рассказанную ему одним поселенцем, семь лет не выходившим с приисков и копившим деньги. «Наконец вышел оттуда с порядочным запасом денег и с твердым намерением зажить теперь своим домом оседло в Сибири. Он, конечно, очутился прежде всего в торговом таборе, выехавшем встречать рабочих. «Захотела душа моя, — говорит он, — один шкалик, только один. <...> Захотела душа моя еще один шкалик... Ничего не поделаешь с душой! <...> на другой день лежал без шаровар в канаве»» (с. 30).

В историческом очерке «Исправительное значение русской ссылки» Н. Ядринцев делает особый акцент на идее бурного распространения преступности на территории всей Сибири, где ссыльные становятся не добродетельными людьми, а закоренелыми преступниками. Не касаясь провиденциального смысла мотива преступления и наказания, автор сосредоточивается на его социально-криминальном и отчасти нравственно-психологическом звучании. «Нравственный переворот», возбуждающий раскаяние, «сожаление о прошедшем и надежду на будущее»¹³, — все это ссыльный поселенец, утверждает автор, переживает только в теории. В действительности сама разлука с родиной и семьей уже обрекает его на совершение новых преступлений (побегов и связанных с этим грабежей и убийств) — ради возвращения домой. Эта «изнанка» мотива возвращения к людям как условия возрождения преступника к новой жизни заставляет очеркиста воскликнуть: «Невольно задаешь себе вопрос: в какой мере справедливо побег ссыльных на родину считать преступлением». Преступление ходит по кругу не только в Сибири, сибирская ссылка возвращает России ее преступников, которые

¹³ Ядринцев Н. Исправительное значение русской ссылки // Дело. 1871. № 1. С. 193.

пробираются на родину «ползком, тайком», «волей-неволей воруют, грабят <...> Упорство, с каким они стараются достигнуть своей родины, ... делает их совершенно непреклонными и готовыми на самую ожесточенную борьбу»¹⁴.

Другая сторона проблемы, по мнению Н. Ядринцева, заключается в том, какое негативное влияние оказывают ссыльные на коренное население, «которое находится в постоянном страхе за свою жизнь и имущество, в результате чего местные крестьяне вооружаются: в лесах Сибири ведется ожесточенная война со ссыльными <...> Победенные бродяги мстят выжиганием сибирских сел. Дороги и большие тракты Сибири ... крайне небезопасны» (185). Убийства, пишет очеркист, начинают совершать даже в городах, «на больших улицах; в многолюдных кварталах вырезались целые семьи. Жители, выходя из дома, вооружались ножами» (186–187). По рассказам полицмейстера Л., переданным Н. Ядринцеву, Томск, например, «представлял открытое поле грабежей и разбоев, ... хаотическое смешение всех ... мошенников». Ссыльные поселенцы «заражали и соблазняли мирных граждан», не только привлекая их к своей преступной деятельности, но огрубляя их нравы «вследствие жестокой борьбы», которую местные крестьяне и горожане вынуждены были вести с поселенцами. Ссылка распространяла «свой яд», развращая даже «целомудренные убежища крестьянских семей» (191). И несмотря на энергию полиции, «злодейства» в Сибири невозможно было победить, «они только видоизменялись», но не исчезали (188). Идея выхода преступления из-под контроля на территории, предназначенной для наказания и исправления, лейтмотивом проходит через весь очерк Н. Ядринцева, по убеждению которого, в Сибири никакие суды «не утрашали и не предупреждали преступлений» (189).

Новые семантика и функция мотива преступления и наказания, связанные с очерковой природой нарратива, с его публицистичностью, бытописательностью, документальной конкретикой и выходом на глубинное осмысление кризисных общественно-исторических ситуаций, оказывались способны трансформировать весь мотивный комплекс текста. Особенно показательным в этом отношении является яркое сочинение И. П. Белоконогого¹⁵, отличающееся синтезом жанровых традиций очерка и травелога, что закреплено авторской волей в самом заглавии — «По тюрьмам и этапам.

¹⁴ Ядринцев Н. Исправительное значение русской ссылки (Окончание) // Там же. № 2. С. 177. Далее страницы этого издания в тексте в скобках.

¹⁵ И. П. Белоконогов – писатель; больше года провел в одиночном заключении и затем был сослан в Восточную Сибирь (1879), где стал постоянным сотрудником «Восточного Обозрения», «Сибири», «Сибирской Газеты», посылая вместе с тем статьи и в центральные издания («Отечественные Записки», «Дело»).

Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска». Автор активно использует целый арсенал древнейших мотивов, наделяя их новой семантикой, структурой, функциями и выстраивая их в строгую систему.

Очерки И. П. Белоконского открываются одним из самых востребованных в литературе мотивов — мотивом утра как начала не только нового дня, но новой жизни, как вечного возобновления бытия, как пробуждения ото сна, традиционно уподобляемого смерти, уходу от реальности. Описание утра заключенных, которым в ближайшем будущем предстоит пойти по этапу в Сибирь, начинается с вполне сочетаемых с ним мотивов усиливающегося света (свет постепенно освещает здание тюрьмы, двор) и тишины (как предвестника рождения нового)¹⁶, но они приводятся наряду с мотивами мрака, камня, смерти (в «тюремном замке» «мертвая тишина», светает над «мрачной, каменной, мертвой тюрьмой», «все страдания утонули в глубоком утреннем сне»). Характерен и акцент на неестественно резкой границе между утром и ночью, которую «проводит» для заключенных «шумный треск барабана», «вдруг» раздающийся «среди невозмутимой тишины». «Утренняя зора» — барабанная дробь «тррр-трах-та-та, трах-та-та, тррр...», будящая арестантов, прямо противоположна утренней заре, она не столько извещает их о начале нового дня, сколько дает им «чувствовать всем, находящимся в месте печали, что они все тут, а не на свободе, что все, виденное ими только что, ... было лишь сном»¹⁷. Неслучайно лейтмотивом через данное описание проходят вырванные из утренних разговоров часовых и заключенных фразы «Умираю!» и «Одним меньше, сдыхай!».

Мотив ночи, также активно используемый И. П. Белоконским в очерке, как и мотив утра, оказывается значительно трансформированным, лишенным одной из важнейших своих семантических и функциональных составляющих. Ночь в повествовании очеркиста выступает лишь метафорой

¹⁶ Интересно, что с мотивом утра, света, пробуждения ото сна в очерке И. П. Белоконского связан, в соответствии с традицией, мотив ворот, определяемый, как известно, семантикой небесно-загробного горизонта, борьбы смерти и света, границы между «тем» и «этим» светом, «светового и воскрешающего из смерти божества», рождения новой жизни (см. *Фрейдсберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 70, 143, 183, 189–190). Ворота в тюрьме или пересыльном пункте — это, по описанию, очеркиста, «всегдашний сборный пункт, особенно утром; всякий инстинктивно подходит к этому единственному выходу из тюрьмы, точно ожидая чего-то..., их влечет к этому месту какая-то непонятная сила; всякий, как только просыпается, ... стремится к воротам и чего-то ожидает, чего-то высматривает» (с. 4).

¹⁷ *Белоконский И. П.* По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 2. Далее страница этого издания в тексте в скобках.

смерти и не пересекается с темой любви, с мотивами огня, песни, с актами рассказывания, произнесения слова как преодоления мрака. Ночь в тюрьме для будущих ссыльных передается следующими деталями: хождение по коридорам внутренних часовых, прислушивающихся к каждому шороху в камерах, их неожиданные окрики «Стой! Кто идет?», от которых только мертвый «не вскочит, как сумасшедший», «лязг дверных замков, пьяная ругань офицеров» и, наконец, наступающая «безмолвная, мертвая, тяжелая тишина» (с. 49, 52).

«Ночные» мотивы любви, музыки и песни, между тем, достаточно активно востребованы в очерковом нарративе, но они связаны у И. П. Белоконоского с описанием дневной «публичной» жизни арестантов. Их любовные свидания, например, происходят «на виду у всех». Боятся лишь часовых, из-за которых любовникам приходится идти на встречу «тихими шагами», «прислушиваясь к стуку у ворот»; горячо целуясь на глазах смотрящих на них во все окна заключенных, «они быстро разбегаются в стороны» от малейшего шороха часового.

Тюремные песни и музыка (исполняемая без музыкального инструмента, языком) звучат только днем и всегда в присутствии «публики», передавая при этом внутреннее состояние арестантов, приговоренных к ссылке в Сибирь, их мысли и мечты. Здесь автор очень близок к архаической трактовке мотивов пения и звучания музыки как замены словом и ритмом желаемых действий, подчеркивается также их амбивалентность, равноценность в них семантики смерти и жизни. Приведем пример:

Обыкновенно молчаливый, он (заключенный старик. — *И.А.*), по просьбе молодежи, играет языком, взяв лишь для большего обмана слуха две палочки, которые заменяют ему скрипку и смычок; играет до того хорошо, что даже зная, что в этой музыке принимает участие лишь один язык, обманываешься и слышишь звуки сельской скрипки. Воображение переносит тебя на какую-нибудь сельскую свадьбу, где под непрехотливую музыку сельского скрипача пляшут молодые пары, а иногда и старик войдет в круг. И как грустно, тяжело делается, когда действительность, после минутной иллюзии, заставит осмотреться вокруг и увидеть высокие стены тюремного двора (с. 24–25).

Или:

Одна (песня. — *И.А.*) произвела на нас особо сильное впечатление <...> автор этой песни мечтает, как бы он ушел в «лес зеленый» и «вольной пташкой» улетел бы на «волю» в милые места, где его семья, дети. Песня вообще чрезвычайно поэтическая и весьма подходящая к тюремным условиям; при грустном мотиве она производила очень сильное впечатление на арестантов; обыкновенно

после пения все стихало и наступала мертвая тишина, среди которой, в 9 часов вечера, громко раздавалась вечерняя «зб́ря» (с. 47).

Возвращаясь к мотивам утра и ночи, обратим внимание на особую поэтику описания предпасхальной «чудной, весенней» ночи и утра светлого Христова Воскресенья, таинство которых позволяет заключенным, которым предстоит спуск в «сибирский ад», вместе с «миллионами душ» не спать, готовиться к встрече великого праздника, о наступлении утра узнать по колокольному звону (он воспринимается как «море гармонии», в которое вливается и тюремный колокол, «звучащий как-то особенно приятно среди ночной темноты»), не чувствовать никакой злобы, «точно всех любишь», и забыть, «где ты». Сопровождающим мотивом здесь становится сакральный мотив огня, света, поддержанный богатой звуковой палитрой, разрушающей мотив «мертвой тишины», встречающейся во всех остальных «ночных» фрагментах очерка: «На площадке и по дорожкам зажжены плашки, освещающие светлыми пятнами тюремные стены; церковь вся залита огнями, а вверху таинственная тьма, переполненная звуками. <...> Сегодня их праздник, праздник страждущих, несчастных, которых Великий Учитель не отталкивал, находя и для них слова добра и прощения. Умолкли звуки колоколов, слышен говор, шум, поцелуи, веселые поздравления» (с. 69). Три дня Пасхи для арестантов — это время щедрых подаваний и относительной свободы и равенства («арестантов не затворяли, а все поверки производились во дворе»), «начальство даже лобызалось в ответ на хором произнесенное арестантами “Воистину, Ваше Высокоблагородие, воскресел!”», (с. 72). К этой идиллической картинке, построенной на мотиве воскресения, автор добавляет лишь одну деталь, сразу превращающую повествование в очерковое: все «льготы» предоставлялись заключенным «потому лишь, что все ... в лоск были пьяны» (с. 72)¹⁸.

Одним из главных в «Очерках тюремной жизни» является мотив пути, отмеченный семантикой изгнания, отверженности, страдания, смерти. Для арестантов дорога из московской тюрьмы в Сибирь оказывается тяжелым испытанием и началом наказания, своего рода инициацией, после которой, однако, очень немногие становятся новыми людьми, очищенными от греха, осознавшими его и готовыми к новой жизни. Путь в Сибирь описан И. П. Белоконским как спуск в ад. Своеобразным «лимбом» этого адского

¹⁸ Не очень смешной пародией мотива воскресения (обновления) оказываются сцены, в которых описываются банные дни в тюрьме. Автор постоянно подчеркивает, что в тюремной бане всегда не хватало воды, веников, времени, что после бани арестантам выдавали старое, рваное белье, что в бане не было предбанника, и арестанты «голыми, красными, как раки, путешествовали по двору в камеры» (с. 55).

пространства оказывается пространство за воротами тюрьмы, где «всех расставляют рядами и несколько раз пересчитывают» (с. 77). Красноречивыми деталями этого «лимба», где уже начинается нивелировка личности, становятся одинаковые арестантские халаты и шапки ссыльных, монотонный звон их кандалов.

Следующим этапом пути в Сибирь является вокзал и посадка на поезд, окна вагонов которого взяты в решетку и всегда закрыты. Далее арестантам предстоит движение по реке на барже, которая в описании очеркиста (как и поезд) предстает преисподней. Мотив воды и корабля здесь полностью утрачивают семантику рождения новой жизни, возрождения, подчеркивая усиливающуюся отгороженность заключенных от общества, их разрыв с людьми. Баржа представляет собой большое судно «с маленькими невысоко над водою окнами и крытой палубой; крыша палубы укреплена на железных столбах, между которыми натянута густая проволочная решетка...; такая же решетка разделяет палубу на две ... части, которые сообщаются посредством двигающейся на блоках, решетчатой железной двери; такие же двери при входах. <...> палуба напоминает те клетки, в которых ... возят на базар животных» (с. 84). Наконец последний этап сибирского бездорожья арестанты преодолевают пешком или на тройках, двигающихся в облаках пыли летом и в сопровождении жутких ветров зимой.

Особую роль в описании пути ссыльных в Сибирь И. П. Белоконский отводит образу пограничного столба, разделяющего Россию и Сибирь, он интерпретируется как черта между «тем» и «этим» светом. Неслучайно автор обращает внимание читателей на надписи, которыми испещрен пограничный столб. Они сделаны теми, «кто въезжая в Сибирь, уже не надеялся вернуться». Общий пафос надписей сводится к формуле «Прощай, жизнь!», «впереди тьма, голод и холод, быть может, опять преступление» (с. 108), так что мотив пути, образы арестантов-путников, поезда, корабля, повозки, генетически связанные в культуре с актом рождения и возрождения, полностью утрачивают в очерках И. П. Белоконского свою исконную семантику, приобретая прямо противоположное ей значение движения к смерти, духовной и физической.

Таким образом, семантические акценты сюжета переселения в Сибирь, развиваемого в очерках сибиряков и столичных авторов, дают возможность интерпретировать их как мотивный комплекс, а очерки как некий единый текст о так и несостоявшемся (или во всяком случае дающем совсем не те, что ожидалось, результаты) завоевании Сибири. В этом заключалась на конец XIX в. правда о диалоге российского центра и периферии, адекватно отражаемая в мотивах покорения, смерти, пожара, изгнания, отверженности, преступления и наказания, превращающегося в новое преступление,

страдания и испытания. Отражая деформированность, искаженность диалога России и Сибири, долженствующего и способного, судя по успехам колониционной политики США, с которой заселение Сибири постоянно сравнивают, принести обществу прогресс, трансформируются и многие архаические мотивы, используемые в очерках о переселенцах. Перевернутость самой природы этого диалога наиболее ярко запечатлена в новой трактовке мотивов пути, возвращения на родину, ночи и утра, любви, музыки и песни, воскресения и др. Их семантика часто оказывается буквально вывернутой наизнанку, смещая общее звучание текстов о завоевании Сибири, которое задумывалось как великое благо и для сибирского края, и для всей России, в сторону бессмысленной национальной трагедии, длящейся на протяжении нескольких столетий. Вся печаль рецепции этих «сочинений» заключалась в том, что читателю предлагался очерковый дискурс, далекий от художественной условности, но, напротив, построенный на документах, цифрах, личных наблюдениях и прогнозах специалистов и, главное, честных, порядочных людей, душой страдающих за Россию и Сибирь.

СЮЖЕТ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В СИБИРСКИХ ОЧЕРКАХ Н. И. НАУМОВА *

Николай Иванович Наумов — один из тех сибирских писателей, которому до сих пор так и не определена роль в литературе, и в основном речь идет о нем как о писателе «второго ряда». В многочисленных статьях Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, А. М. Скабичевского, Г. В. Плеханова, написанных на рубеже XIX–XX вв., его творчество большей частью не рассматривается с эстетической точки зрения, но в основном под углом общественно-социологической составляющей¹. Дальнейшие попытки исследователей вписать творческое наследие Н. И. Наумова в общелитературные процессы приводили, как правило, к выводу об «ограниченности» его художественного кругозора и сосредоточения писательского внимания исключительно на «локальных проблемах» жизни сибирского крестьянства².

Наиболее продуктивной оказалась работа, связанная с материалом архива писателя, хранящегося в Научной библиотеке Томского университета. Впервые к его изучению обратился С. Е. Кожевников в связи с подготовкой собрания сочинений Н. И. Наумова в трех томах, изданного в Новосибирске в 1938–1940 гг. В дальнейшем с архивом писателя работали Н. Ф. Бабушкин и Н. Н. Прозоров³. Современные научные концепции, наряду с интерес-

* Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08–04–64–401 а/ Т.

¹ Потанин Г. Н. (Авесов). Роман и рассказ в Сибири // Сибирь. 1876. №№ 40, 44, 51; Ядринцев Н. М. Н. И. Наумов // Русские ведомости. 1892. № 298; Скабичевский А. М. Н. И. Наумов // Новое слово. 1897. № 2; Плеханов Г. В. (Н. Каменский). Н. И. Наумов // Новое слово. 1897. № 5.

² См.: Бельчиков Н. Ф. Вступительная статья // Наумов Н. И. Сочинения. М.; Л.: Асадемия, 1933. С. 7–41; Беспалова Л. Г. Рассказы и очерки Н. И. Наумова. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1962; Соколов Н. И. Наумов // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 1. С. 375–386; Горячкина М. С. Художественная проза народничества. М., 1970; Попов И. Г. Жизнь и творчество Н. И. Наумова. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1967; Постнов Ю. С. Н. И. Наумов // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 391–399.

³ См.: Наумов Н. И. Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. С. Е. Кожевникова. Новосибирск: ОГИЗ, 1938–1940; Речь писателя Н. И. Наумова в день 300-летия покорения Сибири / Публикация Н. Ф. Бабушкина // Томск. Альманах. Вып. 3. Томск, 1948. С. 114; Прозоров Н. Н. Н. И. Наумов в 60–70-е гг. XIX в. // Уч. Зап. Енисейск. пед. ин-та. 1960. Вып. 4. С. 149–154.

ным и убедительным привлечением архивного материала, отличают работы Е. Г. Новиковой и Н. В. Серебренникова⁴. Наша работа продолжилась в русле изучения архива, что позволило обнаружить ряд неопубликованных ранее текстов и документов, выявляющих специфику уникального метода писателя.

Важно помнить, что в свой последний сибирский период жизни и творчества (1880–1900-е) Н. И. Наумов работал в должности чиновника по крестьянским делам и связан был с такого рода деятельностью, что был вынужден постоянно общаться со всеми теми, кто определял специфическую «физиономию» российской колонии: ссыльными, каторжниками, беглыми, разбойниками. Особо значимой для него станет организация быта русских переселенцев в Сибири.

Такой активный интерес к проблеме объясняется тем, что вопрос о крестьянах-переселенцах в основе своей был решен в последней четверти XIX в. на основании Закона от 13 июля 1889 года. По закону государственные земли в Европейской части России представлялись переселенцам сначала в аренду на 12 лет, а затем в бессрочное пользование, в Сибири же — сразу в постоянное бессрочное пользование. Именно поэтому в 1880–1990-х годах наблюдается их невиданный приток в Тобольскую, Томскую, Семипалатинскую области, так как крестьяне получали здесь землю.

Но несомненное возрастание общего интереса к сибирскому региону произошло и в связи с пониманием особой значимости сибирского края. Сибирь к этому времени представала не просто как очередной вариант русской колонии, но открывалась как «страна», во многом по-новому определяющая самосознание России, ее границ и ментальности. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература, вырабатывающая, при явном осознании «идеи места», свой тип художника. Его творческое сознание, как правило, изначально конфликтно, поскольку в нем вынуждены уживаться разнонаправленные тенденции, ведь писатель-регионалист, с одной стороны, входит в обособленный мир духовной культуры собственного края, но, с другой стороны, участвует в общенациональной литературной традиции⁵.

⁴ Новикова Е. Г. 1) Жанровая специфика поздних произведений Н. И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая. «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. С. 132–156; 2) Жанровая специфика поздних произведений Н. И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья вторая. «Эскизы без теней» // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 208–221; Серебренников Н. В. Н. И. Наумов: неоправданная надежда // Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 175–183.

⁵ См. об этом: Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в. Автореф. дис ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2005.

Показательным в этом плане является феномен Н. И. Наумова, который не только в топографических, но и в творческих исканиях демонстрирует характерную ситуацию внутреннего мировоззренческого конфликта. Пространство, которое собирается из вещей и событий человеческого существования, всегда исполнено равновесия и свободы, не имеет границ только в физическом смысле слова. Поэтому движение в пространстве представляет собой и путь, который проходит человек, чтобы образовать «свое» пространство, пространство-сферу. Сама судьба Н. И. Наумова — это, по сути, постоянное пересечение границы и осмысление ее не только в контексте областничества, вечной оппозиции Востока и Запада, но и личного, индивидуального мирозерцания, нахождения своего, особого места в сибирском локусе, хотя отношение к нему крайне неоднозначно.

Многочисленные письма писателя из Сибири друзьям, соратникам по цеху наполнены бесконечной тоской по Петербургу, стремлением вырваться из привычной среды, каждодневной рутины. Вместе с тем, несмотря на явную тоску-печаль, он продолжает активно следить за новыми литературными публикациями, соотнося их со своим собственным служебным опытом. В письме к А. М. Скабичевскому от 4 октября 1886 г. он пишет: «С каким интересом я прочитал “Пестрые письма” Щедрина в сентябрьской книжке “Вестника Европы” — вот это талант! < ... > Глубокое впечатление произвел на меня также своей жизненной правдой рассказ, помещенный в той же книге, “Лето среди переселенцев”. Ах, как верно все это схвачено! Я чуть не каждый день вижу эти сцены и потому имею право сказать об них слово, тем более что каждое лето мне, как мировому посреднику, приходится разбирать возникшие между новоселами и старожилами-сибиряками споры о земле и примирять их. Верно, верно... все верно. Обрати внимание на этот рассказ»⁶. В итоге эпитет «верно» становится той высшей похвалой, которой писатель мерит ценность художественного произведения, так как критерий «жизненной правды» для него, безусловно, ведущий.

В июле 1888 г. в Томске произойдет знаковая встреча Н. И. Наумова с Г. И. Успенским, которая еще более обозначит принципиально иное восприятие сибирского пространства писателем-областником и писателем-европейцем. Г. И. Успенского, который окажется здесь после ряда сомнений и душевно-топографических скитаний, Сибирь не только восхитит, но и во многом возродит. «Забрала меня Сибирь за живое», — напишет он Н. И. Наумову уже на обратном пути из Томска⁷. Тот же в письме к А. М. Скабичевскому от 29 августа 1888 г. укажет, что Сибирь Г. И. Успенскому понравил-

⁶ ИРЛИ. Архив А. М. Скабичевского (ф. 283), оп. 1, № 27. 22 письма Н. И. Наумова к А. М. Скабичевскому, 1881–1899 гг. Л. 10 об., 11.

⁷ ИРЛИ. Архив А. М. Скабичевского, л. 15.

лась, но и выразит сомнение, что в ней «можно нравственно отдохнуть». «Она ему понравилась сгоряча», — резюмирует он, испытывая грусть от расставания и от того, что его мечта о Петербурге становится все нереальнее⁸. Но в том же письме Г. И. Успенский возразит Н. И. Наумову: «Как ни плохо в Сибири, — но ей-богу она не повредила Вам так, как бы повредил за все эти годы Петербург. Уверяю вас, что Вы там были бы раздражены не так, как раздражает Вас сибирская кляуза, а смертно, т. е. до безнадежности»⁹.

В переписке с С. Н. Кривенко, известном публицисте-народнике, знакомство с которым у Н. И. Наумова произошло еще в 1870-е гг. в Петербурге, он сообщает о своей службе крестьянским чиновником, пишет о страшных условиях жизни переселенцев, которых наблюдал в мороз, об их выселении из Алтая. Важно, что благодаря этим впечатлениям родится рассказ «Картинка с натуры». Писатель сетует, что не успел отправить его в сборник «В путь-дорогу», создававшийся в помощь голодающим и переселенцам, так как «отняла время сама служба по переселенцам». В то же время добавляет: «Я без похвальбы скажу, что первый поднял вопрос о необходимости подавать переселенцам пособия. <...> А с моей легкой руки из казны стали подавать им подобные пособия сначала одним хлебом, а теперь уже выдают деньгами»¹⁰.

Как видим, письма Н. И. Наумова этой поры отражают не только явную тоску по культурным центрам, но и напряженную работу, как в общественном, так и в творческом плане. Глубокий внутренний «пограничный конфликт» писатель во многом снимает своим конкретным социокультурным действием. Более того, в силу своих служебных и писательских пристрастий, он выдвигает на первый план проблему русских переселенцев, которая еще только получает разработку в литературе конца века, но уже отчетливо звучит в сибирской периодике. Основные темы ее таковы: выход переселенца из общества и ликвидация его хозяйства на родине; выбор места переселения; условия переезда; водворение на новых местах и проблема упорядочивания переселенческого движения. В то же время самодержавная власть желала видеть в Сибири такого же мужика, какой обитал в центре, и отнюдь не стремилась стимулировать развитие капитализма в Сибири.

Подобного рода проблемы получают разработку и в творчестве Н. И. Наумова, но, на фоне общего изображения чиновничьего произвола, он сам, будучи чиновником, показывает его нередкое бессилие против общей без-

⁸ Архив Н. И. Наумова. Отдел редкой книги Научной библиотеки ТГУ. Ф. 2, оп. 1. Д. 181. Л. 1.

⁹ Архив Н. И. Наумова. Д. 181. Л. 1.

¹⁰ Неизвестные письма Н. И. Наумова / Публикация, вст. статья и примечания Н. Якушина // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 158.

душной системы. «Это какая-то поголовная оргия хищничества, — пишет он А. М. Скабичевскому. — Хищничество, возведенное в закон»¹¹. В описании Сибири, ее громадных пространств у писателя всегда доминирует мысль о судьбе отдельного человека, обживающего этот «дикий край», о его страданиях и надеждах.

Таким образом, в творческом сознании Н. И. Наумова, который напишет по следам разнообразных впечатлений в свой последний сибирский период ряд очерков, все больше будет проявляться характерная типологическая особенность — наличие своеобразного «свободного сюжета», сформированного самой жизнью. Казалось бы, речь тогда должна идти о фабуле, так как фабульный событийный ряд организован, в отличие от сюжета, не по законам искусства, а по логике жизни. Но писатель участвует именно в развитии общего, большого сюжета в русской культуре и литературе — «сибирского сюжета».

Если учесть, что Сибирь всегда была связана с самой печальной темой в литературе и культуре — темой глухоты, бесприютности, бродяжничества и, в то же время, постоянного стремления на родину, в «Рассею», — то переселенческая тема сформировала иные мотивы, также связанные с пересечением границы. История все больше начинает работать на этих границах, где понятие периферии постепенно смещается. В свое время стремление на запад создало уникальный вариант Америки. Можно утверждать, что движение на восток в последней трети XIX в. создало для русских европейцев и новый вариант России.

Для облатников, в свою очередь, была принципиальной концепция Сибири как края, который, несмотря на свою культурную неразвитость и отсталость, имеет колоссальные возможности духовного роста. Специфика же взгляда Наумова на Сибирь выразилась как раз в разработке темы ее отсталости. В незаконченном рукописном отрывке «Из жизни в сибирском бедламе», представляющем собой автограф писателя, Сибирь предстает лишенной понятия европейского края: «здесь царствуют грязь, дикость, невежество»¹².

В поздних текстах Наумова все больше проявляется архетипическая кумулятивная сюжетная схема, которая связана с нанизыванием однородных событий, вследствие чего преобладающим становится не сюжет-мотив, а сюжет-ситуация, сюжет-становление с открытым финалом. В сюжете о русских переселенцах в Сибирь для писателя будет потенциально заложена и определенная жанрово-родовая структура, которая станет адекватна

¹¹ Цит. по кн.: *Очерки русской литературы Сибири*. Новосибирск, 1982. Т. 1. Дореволюционный период. С. 393.

¹² Архив Н. И. Наумова. Д. 37.

как принципам сюжетосложения, так и жанровой «синтетической» структуре его воплощения.

В 1876 году в газете «Сибирь» была опубликована статья-рецензия Г. Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири». Проблему жанра критик, в силу своего мирозерцания, решает в определенном социо-культурном плане, исходя из того, что жанр романа тесно связан с дворянской культурой и поэтому не адекватен Сибири. С учетом же реального социального состава края, по его убеждению, «беллетристика в Сибири могла начаться только рассказом из народной жизни»¹³. Закономерно, что, анализируя творчество сибирских писателей (И. Оммулевского, И. Кушевского, Н. Наумова), Г. Н. Потанин явное предпочтение отдает последнему.

Особенности повествования, стратегии межкультурного диалога в произведениях Н. И. Наумова связаны, как мы уже подчеркнули, с его личным опытом и сибирским материалом, задающим самую разнообразную жанрово-нарративную природу его текстов. Но если учитывать, что многое может дать взаимодействие жанров, чьи контуры пересекаются в пределах одного произведения, то преобладающее место в творчестве писателя занимает очерк, позиционируемый как некий универсальный в плане содержания жанр, размывающий границу между художественным и документальным письмом. Основная тема его произведений — жизнь народа в многообразных ее проявлениях, изображение пестрого люда, крестьян, купцов, обозников, переселенцев, пустившихся в путь по России. Практически все сюжеты очерков Н. И. Наумова связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Такого рода ракурс видения проблем, где все движется, развивается, изменяется, не получив завершенную форму, задает и специфику жанра, выраженную в характерных подзаголовках к его произведениям: «сцены», «психологический этюд», «истинное происшествие», «бытовые наброски», «очерк из сибирских нравов». По рукописным архивным источникам, сохранившимся в ходе работы писателя над очерком «Эскизы без теней», обнаруживаются различные варианты его подзаголовков, выявляющие скрупулезный поиск адекватной формулы уже на уровне номинации: «Из жизни сибирского крестьянства», «Из записок невольного туриста», «Дневник невольного туриста», «Из дневника невольного туриста», «Сцены из жизни темного люда», «Картинки обыденной жизни темного люда»¹⁴.

¹³ Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 7. С. 231.

¹⁴ Архив Н. И. Наумова. Д. 15–17.

В итоге понимание писателем особенностей современной Сибири приводит к отказу от традиционного жанра рассказа, о чем он пишет в одном из писем к А. М. Скабичевскому в 1896 г.: «Ведь как, например, хорошо знакомо мне положение переселенцев. <...> Но никак те картины, которые я видел, не укладываются в рассказ, а именно только в те сцены, в тот род, который, как ты говоришь, совсем не идет мне»¹⁵. В результате перед читателем предстает не просто цикл очерков человеческих судеб, а многоголосый и разноязыкий диалог, переходящий в своеобразный полилог — т. е. все то, что уже можно назвать «говорящей Сибирью».

Первым произведением Н. И. Наумова, связанным с проблемой русских переселенцев, является очерк «Роковая встреча» 1883 года, написанный еще в петербургский период его деятельности. Очерк мало переиздавался, поэтому относится к числу малоизвестных текстов писателя. Между тем в нем затронуты чрезвычайно важные и болезненные для Сибири проблемы — бродяжество и разбой. Главный сюжет выстраивается как первая встреча переселенцев с Сибирью, которая действительно станет роковой, приведет к разрушению привычных иллюзий и надежд, сложившегося мифа о «земле обетованной». Сами образы переселенцев еще не занимают основного места в сюжете, они представлены больше как наивные жертвы сибирского разбойника. Принципиально и то, что повествование ведется от третьего лица, некоего безличного автора-повествователя.

Следующий очерк «Картинка с натуры» (в рукописной редакции с подзаголовком «По переселенцам») Н. И. Наумов создает уже в Сибири в 1893 г. Автограф хранится в томском архиве писателя и демонстрирует напряженную работу над текстом, что выражено в многочисленных следах правки, подчеркиваний и помет на полях¹⁶. В этом произведении более очевидна типологическая составляющая жанра очерка, так как из самого сюжета выявляется, как на опыте собственного, личного впечатления Н. И. Наумова рождается творческий замысел, а его наблюдения и раздумья буквально «прорастают» в ткани художественного текста. И постоянный лейтмотив его писем — «Я чуть не каждый день вижу эти сцены» — закономерно выливается в другой: «Ах, если б было время писать!»

Художественное единство очерка создается, прежде всего, за счет образа рассказчика, который сначала знакомится с положением дел в переселенческом поселке, а затем, опираясь на этот материал, высказывает общие соображения об улучшении участи прибывающих в Сибирь крестьян. Писатель показывает, как в целом благотворное явление переселения крестьян в Си-

¹⁵ ИРЛИ, архив А. М. Скабичевского. Л. 33.

¹⁶ Архив Н. И. Наумова. Д. 19.

бирь принимает страшные формы для конкретных переселенцев. Несовершенными оказываются законы, сами условия организации быта. Важно, что теперь уже и сибирские крестьяне выражают сочувствие русскому мужику. История переселенцев дана с двух точек зрения: сибирского мужика и сибирского интеллигента-народника, так как в центре повествования находится чиновник, Миколай Иванович, с кем и ведет диалог вся эта «говорящая Сибирь». Поэтому «стихийное» слово сибирского мужика здесь не менее активно, чем «разумное», аналитическое слово автора-повествователя. Но теперь эти привычные голоса подкрепляются и третьим звучащим словом — русского переселенца¹⁷.

Об истории создания этого рассказа-очерка Н. И. Наумов подробно рассказывает и в письме к С. Н. Кривенко от 9 сентября 1893 г., о котором мы упоминали выше: «Свой рассказ “Картинка с натуры” я начал писать по получении приглашения принять участие в издании сборника “В путь-дорогу”. Но едва написал страницу, как подоспела казенная неотложная по службе работа, <...> тоже по поводу переселенцев. Исполнив ее и закончив рассказ, я рассчитал, что он уже не поспеет в сборник, и послал его в “Русское богатство”. Но совесть не мучит меня, что я не дал посильной лепты для вспомоществования переселенцам. Я много потрудился на пользу их в бытность мою крестьянским чиновником. <...> Теперь у меня по тому же вопросу, об устройстве переселенцев, водворившихся на жительство на Алтае, завязалась упорная борьба с томским губернатором, которая, по всей вероятности, будет небезынтересна для Вас, и Вы, может быть, найдете возможным по поводу того, что я сообщу Вам, сделать заметку в “Русском богатстве”. <...> Я прямо объявил ему, что не подпишу ни одного журнала о выселении переселенцев из Алтая»¹⁸.

Как видим, в письмах этой поры проявляется характерная и принципиальная позиция Наумова-писателя: в последний сибирский период он относится к литературному творчеству как закономерному и органичному продолжению служебной и общественной деятельности. Помощь переселенцам крестьянского чиновника, участие писателя в благотворительном сборнике в пользу переселенцев, наконец, создание произведения о них — явления одного порядка, объединенные и уравненные ценностными ориентациями писателя-народника. За счет этого проявляется и специфика жанровой позиции писателя, который ищет форму, адекватную содержанию. В том же письме к С. Н. Кривенко он сообщает: «Вообще о своих литературных занятиях могу сказать одно, что я растерялся в той массе материала, каким обладаю, и не

¹⁷ См.: *Наумов Н. И.* Собр. соч.: В 3 т. Новосибирск, 1938. Т. 3. С. 121–141.

¹⁸ *Сибирские огни.* 1969. № 3. С. 158–159.

знаю, за что взяться и в какие рамки что уложить. <...> Думаю, что лучше всего писать небольшие картинки из народной жизни, захватывая ту или другую сторону ее»¹⁹. В письме от 19 января 1897 г. уточняет: «О, Боже мой, да каких, каких картинок не насмотрелся я, ну как их уместить, в какую рамку!»²⁰.

Деятельность Н. И. Наумова в последний сибирский период, подобно деятельности его современников, П. И. Макушина, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и других, носит типичный культуртрегерский характер. Он одновременно совмещает писательское творчество и службу чиновника по крестьянским делам, корреспондента центральных и местных изданий вкупе с популяризацией современных научных взглядов. Принципиальной в этом плане является народническая позиция писателя при актуализации всего его теоретического и практического опыта. Проблема самопознания, на которой сосредоточилась молодая сибирская культура конца века, требовала нового самобытного материала, который, прежде всего, необходимо было накопить. И писатель понимает, что этот материал подчас ценнее художественного, так как фиксирует всю ту подвижную, разнообразную и зыбкую действительность, изображение которой, так или иначе, ведет к размыванию привычных жанров и границ.

Эстетика Н. И. Наумова базируется на методологии позитивизма. При таком подходе крайне важной становится проблема материала, а также вопрос о том, как его «внедрить» в художественную ткань текста. В итоге для писателя одной из самых принципиальных и трудно разрешимых проблем становится проблема жанра. Показательно, что на первом этапе своего развития, он нашел, казалось бы, наиболее адекватный для своих сюжетов жанр, организующий его многочисленные очерки и рассказы в некое художественное единство, — жанр сборника. В 1870–1880-е гг. с определенной последовательностью выходят его известные сборники, представляющие мир крестьянской провинции: «Сила солому ломит», «В тихом омуте», «В забытом краю». Но ориентация на живой голос крестьянина приводит постепенно к формированию уже иной жанровой единицы — очерка, который, в свою очередь, разбивается на «картинки», «этюды», «зарисовки». Эта жанровая реконструкция вытекает из самого метода писателя, для которого характерно выделение отдельных индивидуальных голосов, перерастающих в своеобразный народный «хор», так называемую «говорящую Сибирь», снова и снова возвращающих к реальной действительности. И этот поток сибирского материала уже невозможно воплотить с помощью привычных жанровых форм.

¹⁹ Сибирские огни. 1969. № 3. С. 159–160.

²⁰ Там же. С. 162.

Специфика нарратива поздних очерков о переселенцах закономерно проявляется в двухчастной структуре: сначала подается определенная «зарисовка», «сценка», «картинка с натуры», а затем следует авторская рефлексия, уже практически размывающая грань между образом повествователя и «чинovníком по крестьянским делам» — Николаем Ивановичем Наумовым.

В архиве писателя сохранился третий неопубликованный вариант художественного воплощения темы русских переселенцев — черновой набросок очерка «По новоселам», написанный в 1890-е гг.²¹ Судя по сохранившейся рукописи, писатель намеревался осветить большой в те времена в Сибири вопрос о взаимоотношениях старожилов и новоселов в борьбе за землю. В черновике набросан небольшой, но крайне показательный диалог, выявляющий попытку разрешения вечного конфликта и признания силы и мощи «новоселов», перед которыми вынуждены сдаваться даже самые талантливые сибирские старожилы.

В центре повествования Н. И. Наумов предполагал изобразить богатого крестьянина-старожила Рогожина, представляющего уже новый сибирский вариант крестьянина-кулака: «Человек он был крупно зажиточный и, по мере возрастания благосостояния, у него возрастали и процессы с крестьянами соседних деревень о потраве лугов, пашен, о порче лошадей и т. п. Особенно много причиняли ему “вредительства”, как выражался он, переселенцы, появившиеся вблизи его заимки»²².

В черновике набросан диалог небольшой, но крайне показательный, так как в нем выявляется попытка разрешения вечного конфликта и признания силы и мощи «новоселов», перед которыми вынуждены сдаваться даже самые талантливые сибирские старожилы:

Афанасий Иванович под конец всегда переводил разговор на переселенцев, и при этом ничто уже не могло остановить потока его жалоб.

— И што это за народ плывет к нам, братец, из России? Диву даешься, — обычно говорил он, разводя от удивления руками. — Ровно, слышь, отродясь они путного хлеба не едали, право. <...> И гляди, как обижают нашего брата старожила.

— Да чем же они обижают?

— Жадны. И-и, Боже мой, как это завистливы. Ведь уж дали им земли, кажись бы, вдвое. Нет, все снова, это, норовят кабы ишо урвать и у тебя, хоть клочок, какой, да урвать. Сколь это греха у меня с ними, не доведи Господи, прорва, как есть, прорва²³.

²¹ Архив Н. И. Наумова. Д. 31.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 2.

Поездка к Афанасию Ивановичу для рассказчика в итоге становится удобным поводом для постановки волнующей его социальной проблемы, которая к финалу отрывка уже звучит подчеркнуто публицистически: «Меня давно интересовало посмотреть, как устраиваются в Сибири переселенцы, хлынувшие за последние годы широкою волною из России, тем более что мне много доводилось слышать жалоб, как от переселенцев, так и от сибирских крестьян-старожилов на возникавшие между ними неурядицы с землепользованием»²⁴.

Во всех этих текстах ощущается, что симпатии и автора, и самого писателя-чиновника Н. И. Наумова на стороне переселенцев, так как очевидна ирония по отношению к старожилу-кулаку и сочувствие его противникам. Писатель, демонстрирующий явные народнические установки, приветствует умение русского человека преодолеть границу: не просто внедриться в чужое пространство, но и ассимилировать его под себя, придать ему новые смыслы. В итоге повествователь реализует идею общественного договора между различными классами русского общества и тем самым воплощает мысль о бескровном примирении конфликтующих сторон. Несомненно, что лаконизм его образа, ограниченность в словесном выражении однотипными репликами связаны не со «скудостью таланта», а с глубоко трагической концепцией жизни, когда вечные «проклятые вопросы» невозможно решить по закону.

Этот отрывок, тем не менее, остался неопубликованным и не вошел в первое прижизненное собрание сочинений Н. И. Наумова. Скорее всего, причина кроется все в том же поиске адекватной жанровой формы, которая вытекает из сложной, хаотичной, еще не обретшей «кристаллических» форм самой сибирской жизни. Это, вероятно, и стало препятствием на пути к воплощению текста²⁵. Не случайно поиски новых форм продолжились у Н. И. Наумова и в других словесных жанрах: статьях, письмах, записной книжке, сохранившейся в архиве писателя. Как видим, в поздний период творчества для него становится важнее не «эстетизация» материала, а сам этот материал, организованный по принципу «дневника», «заметки», «наброска» — всех тех жанров, которые относятся, по терминологии Л. Я. Гинзбург, к разряду «промежуточных».

Таким образом, можно уже определенно говорить, что в очерках Н. И. Наумова последнего сибирского периода создается своеобразный переселенческий дискурс. И писатель не просто работает на местном материале, но

²⁴ Архив Н. И. Наумова. Д. 31. Л. 2.

²⁵ См. об этом: *Новикова Е. Г.* Жанровая специфика произведений Н. И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая. «Картинка с натуры» С. 132–156.

пишет такие произведения, которые позволяют наблюдать вехи становления регионального самосознания, что крайне показательно по сравнению с сознанием общеевропейским. Более того, сам дискурс о переселенчестве, сформированный к концу XIX в., обнаруживает свою широту и самостоятельность, так как данная проблема уже ассимилируется с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Ведь в Российской империи странничество всегда имело одновременно и жизнестроительный, и дискурсивный характер, причем в последнем своем качестве оно отнюдь не исчерпывалось одной эстетической сферой. В своеобразии проблематики, особенностях нарративной позиции, жанрово-родовой специфике воплощения темы у Н. И. Наумова задается проблема сибирского травелога. Это уже напрямую связано с выработкой стратегий межкультурного диалога, нарастающим взаимотяготением культурных импульсов столицы и Сибири в подходе к общим проблемам и их отражению в литературе, так как писатель участвует в создании большого «сибирского сюжета».

В итоге по отношению к текстам Н. И. Наумова речь, на наш взгляд, должна идти не о сюжете как таковом, но «*сюжетосложении*» как обозначении одного из слагаемых творческого процесса. По утверждению Л. М. Цилевича, «уяснению специфики различных стадий этого процесса может способствовать введение таких понятий, как протосюжет и предсюжет — нечто, возникшее и существующее в сознании художника, но еще не реализованное в тексте»²⁶. Действительно, как мы показали, в очерках Наумова происходит характерная переработка жизненного материала, точнее — наблюдений писателя над действительностью, впечатлений, порожденных фактами и процессами жизни, — переработка, в результате которой создается сюжет как художественная реальность. В этом специфика его творческого метода, в этом, быть может, и разгадка тайны Наумова-художника.

²⁶ Цилевич Л. М. Об аспектах исследования сюжета // Вопросы сюжетосложения. Рига, 1978. Вып. 5. С. 5.

МЕМУАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И. А. БУНИНА: РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АВТОРА И ЕЕ ИСТОКИ

Публицистика и воспоминания И. А. Бунина хорошо изучены как идеологический феномен, непротиворечиво обозначивший эстетическую и политическую позицию писателя, однако как явление литературы они исследованы далеко не в полной мере. Особенно остро стоит вопрос об исторической поэтике этого «уникального», по словам Ю. Мальцева¹, раздела бунинского творчества. В настоящей статье мы предложим несколько тезисов, являющихся попыткой локализовать эти весьма своеобразные тексты художника в истории русского публицистического слова.

1. Публицистика и воспоминания И. А. Бунина теснейшим образом слиты, представляя собой единый текст, характеризующийся общностью мотивных линий, а также образом повествователя. Характерно высказывание из дневника 1918 г.:

Думал о своей «Деревне». Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку — верь мне, я взял типическое. Да вообще пора свою жизнь написать, спустить шкуру со всей сволочи, какую видел, со всех этих Венгеро-вых и т. д.²

Несколько упрощая, можно сказать, что первая часть приведенного высказывания относится к истории (повесть «Деревня» понимается как профетическое сочинение), последняя — к «врагам», которых на склоне лет И. А. Бунин будет клеймить в «Воспоминаниях», а центральная — к жанру автобиографии. Разные повествовательные установки здесь соединяются.

2. В отношении писателя к современникам и современности бросается в глаза резко выделенный прием оценки — *argumentum ad hominem*, причем в его характерной разновидности абьюзивного аргумента, или «аргумента личностной атаки», заключающегося не в анализе высказывания по существу, а в компрометации самого говорящего. Роли этой риторической фигуры рассмотрены в специальной монографии Д. Уолтона³, а на примере художественного текста — В. Е. Ветловской в работе «Роман Ф. М. Достоев-

¹ Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 349–350.

² Бунин И. А. Дневник 1917–1918 гг. // Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подг. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М., 1990. С. 45.

³ Уолтон Д. Аргументы *ad hominem*. М., 2002. С. 16, 38.

ского «Братья Карамазовы»⁴. Бунинские обращения к этой полемической стратегии хорошо известны:

Что читал Потапенко, не помню. Да и не важно было, что именно он читает, — для публики было вполне достаточно, что это Потапенко, автор знаменитой повести «На действительной службе». Кроме того, был он тогда кумиром еще и потому, что был красив — красотой немного дурного тона, но весьма яркой и лихой какой-то⁵.

Вечером на «Среде». Читал Ауслендер — что-то крайне убогое, под Оскара Уайльда. Весь какой-то дохлый, с высохшими темными глазами, на которых золотой отблеск, как на засохших лиловых чернилах⁶.

Поэтика приема двояко ориентирована. С одной стороны, перед нами развернутая в сторону антропологии знаменитая «внешняя изобразительность». С другой — как можно предположить, опираясь на работы Г. Ю. Карпенко⁷, — это рефлекс позитивистских теорий наследственности. При этом у приема имеется глубокое историческое измерение, позволяющее обнаружить включенность творчества И. А. Бунина в весьма неожиданные связи и контексты.

3. Восходя еще к античным риторикам, *argumentum ad hominem* получил широкое распространение прежде всего в русской средневековой полемической литературе. Древнерусский публицист, апеллируя к духовному миру оппонента, не затрудняет себя аргументацией *ad rem* (т. е. по существу вопроса) и, что особенно важно, часто упирает именно на внешность и биографию своего визави, которые в древние эпохи символизировались. Так, замечания Ивана Грозного, касающиеся «эфиопского лица» (внешность) и «дудиного племени» (происхождение) оппонентов (соответственно, Курбского и Полубенского), сделались обязательными моментами «кусательного стиля», не без блеска применявшегося царем⁸. Своего расцвета в древне-

⁴ *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. С. 84–171.

⁵ *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С. 44.

⁶ *Бунин И. А.* Окаянные дни. С. 72.

⁷ *Карпенко Г. Ю.* Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара, 1998.

⁸ См.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 225–235. Примечательно (см.: Там же. С. 294), что предшественником Грозного оказывается в рамках данной стилиевой стратегии митрополит Даниил, классик русской церковной проповеди XVI в.

русской культуре этот прием достигает в старообрядческой публицистике второй половины XVII в. и, в первую очередь, у протопопа Аввакума.

4. Внимание Бунина к русскому XVII столетию и, в частности, к фигуре Аввакума, хорошо известно. «Житие» Аввакума процитировано в «Жизни Арсеньева» и в созданном одновременно с первыми главами романа (1927) рассказе «Алексей Алексеич». Кроме того, источником для историософских аллегорий художника, посвященных революции, понимавшейся как новая «смута», послужили именно события бунташного века:

Дальше, говорю, все то же: шатание умов и сердец из стороны в сторону, саморазорение, самоистребление, разбои, пожарища, разливанное море разбитых кабаков, в зельи которых ошалевшие люди буквально тонули порой, «захлебываясь до смерти», а наутро — тяжелое похмелье и приступы лютой чувствительности, слезы покаяния перед святынями, вчера поруганными, «поклоны» перед Красным Крыльцом отрубленными головами лжецарей и лжеатаманов — помни, помни это, «самая революционная часть человечества», засевшая в Кремль! <...> Нет, «не прошла еще древняя Русь!» Я утверждал это упрямо в свое время, утверждаю и теперь, — увы, с еще большим правом⁹.

5. В случае с И. А. Буниным обращение к реалиям XVII столетия (вообще частое в это время — вспомним, например, Н. А. Клюева или М. А. Волошина) продиктовано не только внешне-тематическим интересом, но, в первую очередь, сдвигами в структуре литературного процесса и трансформациями языка литературы, которые не могли не вызвать к жизни прозрачных аналогий.

Во-первых, отметим тяготение Бунина-публициста к насыщению речи иконическими знаками, которые принципиально не «делятся» на форму и содержание. Экспансия иконики обоснована именно в «Окаянных днях»:

«Я как-то физически чувствую людей», — записал однажды про себя Толстой. Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, «пристрастности». Для большинства даже и до сих пор «народ», «пролетариат» только слова, а для меня это всегда — глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге — все естество произносящего ее¹⁰.

Недвусмысленно выставленный здесь знак равенства между содержанием речи и внешностью говорящего является приметой иконического знака и,

⁹ Бунин И. А. Из «Великого дурмана» // Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 2000. С. 51, 52–53, 59–60.

¹⁰ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 94–95.

восходя в историческом отношении к средневековому искусству, в риторическом плане открывает большие возможности для применения *argumentum ad hominem*. Речь в такой перспективе сильно понижается с точки зрения своей понятийно-коммуникативной функции и становится одной из телесно-пластических характеристик личности¹¹. Поэтому использование в качестве инструмента развенчания оппонента *argumentum ad hominem*, т. е. апелляции не к логике говоримого, но к естеству самого говорящего, оказывалось по-своему логичным ходом художника.

Во-вторых, основанием для предлагаемой историко-культурной аналогии видится структура литературного процесса 1920-х гг., зримо напоминающего именно вторую половину XVII в., когда впервые появился прообраз литературы диаспоры. Аввакум и И. А. Бунин, в судьбе которых изгнание сделалось основным сюжетом, являются несомненными лидерами литературы диаспоры.

Наконец, в-третьих, обращает на себя внимание ярко и рельефно выраженное автобиографическое начало, впервые в истории русской словесности зафиксированное именно в самосознании лидеров раскола. При всех параллелях в культурном пространстве эпохи модерна, чему посвящены объемные исследования Б. Аверина и Е. Болдыревой¹², самосознание И. А. Бунина было, несомненно, мессианским и в этом смысле представляло собой секулярный аналог религиозного мессианизма Аввакума.

Все сказанное позволяет поставить вопрос об изофункциональности художественных миров И. А. Бунина и Аввакума в литературном контексте их эпох¹³.

¹¹ См. анализ бунинской «сенсорной» поэтики в работе: *Фиш М. Ю.* Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

¹² *Аверин Б.* Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. Гл. 3. «Метафизика памяти. (“Жизнь Арсеньева” Ивана Бунина)». С. 176–230; *Болдырева Е. М.* Memini Ergo Sum. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма. Ярославль, 2007.

¹³ Приведем пример того, как схожим образом, т. е. в связи с культурной ситуацией XVII в., исторический аспект стиля литературы диаспоры проблематизировался А. М. Ремизовым. 2 февраля 1948 г. он писал своей корреспондентке: «Аввакума, заговорившего на природном русском языке, сожгли и в то же время возвеличили до звания первого писателя Симеона Полоцкого: писал вирши на “невозможном” языке, искажая русский лад, русские ударения. С этого Симеона Полоцкого (XVII в.) и пошло все литературное разорение, увенчанное Великим Муфтием» (*Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 86. Указанием на источник я обязан Н. Л. Блищ). «Великий Муфтий» – прозвище И. А. Бунина. В данном случае мы

6. Творчество И. А. Бунина и Аввакума обнаруживает столько спонтанных совпадений, само перечисление которых заставляет усомниться в их спонтанности.

Во-первых, И. А. Бунин и Аввакум — сильнейшие пейзажисты своих эпох, причем острое чувство природы у обоих авторов — продолжение напряженного переживания своей собственной телесности. В известном видении, описанном в челобитной Алексею Михайловичу, Аввакум говорил, что

в ночи вторья недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, все и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вмести в меня небо, и землю, и всю тварь¹⁴.

В его же «Книге обличений» читаем: «Небо и землю Азь исполняю, глаголет Господь, исполняет все. Паки тоже: небо Ми престол, а земля подножие ногама Моима»¹⁵. У Аввакума телесное соединение героя с природным миром восходит к посланиям ап. Павла к коринфянам. Ср.: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» (1 Кор. 6: 15). «...Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа» (1 Кор. 6: 19). Ср.: «Слава наша Христос, утверждение наше Христос, прибежище наше Христос. Апостол рече:

можем наблюдать характерную самопроекцию А. М. Ремизова на образ Аввакума и отталкивание от фигуры И. А. Бунина, стиль которого автор письма ассоциирует с искусным (а подчас – искусственным) маньеризмом барокко. Понятно, что в данной ситуации сам И. А. Бунин занял бы прямо противоположную позицию: орнаментальность А. М. Ремизова ничем не отличалась в его восприятии от, скажем, словотворчества футуристов. Впрочем, непримиримость подходов не отменяла самой фундаментальной базы сопоставления: аутентичности Аввакума и противопоставленной ей заимствованности, неорганичности барокко. Исследование соответствий барокко и футуризма см. в работе: *Смирнов И. П.* Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в. // *Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи.* М., 1979. С. 335–361.

¹⁴ *Аввакум П.* Послания и челобитные / Вст. ст. А. Ф. Замалева, сост., подг. текста и коммент. А. Ф. Замалева и Е. А. Овчинниковой. СПб., 1995. С. 69–70. Обсуждение источников образа и литературу вопроса см.: *Ранчин А. М.* Эсхатологические и апокалиптические мотивы в сочинениях протопопы Аввакума // *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 255.

¹⁵ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стб. 611.

вы тело Христово и уди отчасти. Слыши, — что оне сделают нам? Мы же с вами оболчены во Христа»¹⁶.

Телесность всей поэтики Аввакума, несомненно, имеет религиозные истоки. Природа, человек и Бог в рамках этих представлений нераздельны в буквальном смысле.

И. А. Бунин при всех его религиозных исканиях — человек секулярной эпохи, однако структура его «природно-телесной» топики аналогична.

«Как эта скорбь и жажда — быть вселенной, / Полями, морем, небом — мне близка...»¹⁷. Ср. также хрестоматийные строки:

Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, — ты послушай, как я вздыхаю, — ведь правда, есть? Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном осеннем ветре¹⁸.

Частным моментом этого неожиданного родства является экспансия у обоих авторов такого «природного» параллелизма как *жизнь — плавание на корабле*. Параллелизм, имеющий множественные догматические истоки, весьма часто встречается в литературе (например, у романтиков, у А. П. Чехова), но явно доминирует именно у этих художников. В нашей науке об этом писалось неоднократно, однако по отношению к Аввакуму и И. А. Бунину — изолированно¹⁹.

Во-вторых, Аввакум и И. А. Бунин были удивительно едины в восприятии наблюдаемых ими исторических катаклизмов как трансформации языка: в узком смысле — как «новин» справщиков в XVII в. и сторонников новой

¹⁶ Книга бесед протопопа Аввакума. Изд. Археографической комиссии. Пг., 1917. Стб. 351–352. «Апостол» — Павел (см.: 1 Кор. 12: 27). Недвусмысленное соединение себя с Христом осуществляется Аввакумом на основании тщательно продуманной — хотя при этом и граничащей с ересью — программы «очеловечения» самого Христа. См.: *Замалеев А. Ф.* «Протопоп всея Руси» // Аввакум. Послания и челобитные. С. 10. В предпринятом П. Хант специальным исследовании проблемы отмечается: «Аввакум подчеркивал, что человек не может постичь Бога своим разумом, своей способностью анализировать жизнь: это достижимо только через самую жизнь, бесконечную, но и зависимую от человека» (*Хант П.* Самооправдание протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32. С. 75).

¹⁷ Цит. по: *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 52.

¹⁸ *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 3. С. 98.

¹⁹ *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни». С. 209; *Плюханова М. Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 3. XVII – начало XVIII в. С. 432–433, 442–452.

орфографии в начале XX в., в широком — как видоизменения всего коммуникативного поля культуры (социальных приоритетов, бытового поведения, моды, гендера). Даже на самом поверхностном уровне интерпретации нельзя не заметить, что Аввакумовы похвалы «природному русскому языку» и частые злые замечания И. А. Бунина по адресу тех, кто «за всю свою ... жизнь» не сказал «ни единого словечка в простоте»²⁰, оказываются созвучны.

Неприятие книжной sprawy старообрядцами было основано на трех важнейших положениях: новая обрядовая культура профанна, внедрена насильно и идет вразрез с национальной идентичностью. «Другия немцы руския»²¹ — именовал никониан Аввакум. Все три эти слагаемых воспроизведены в публицистике Бунина.

Специально для П. Б. Струве Бунин разъяснил, что он ничего не имеет против А. А. Шахматова и других ученых, готовивших реформу, стрелы его критики направлены исключительно на большевиков, потому и отношение к новой орфографии выражается в форме *argumentum ad hominem*, т. е. не как спор о предмете, «который был еще далеко не решен и остается спорным и доньяне», а как отторжение тех, кто «приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию»²². Новая орфография характеризуется не как видоизмененная старая, а как вообще новый, причем заведомо профанный «заборный язык, упрощенный заборным правописанием»²³.

В определенном ракурсе большевистский новояз, подкрепленный новой орфографией, мог описываться не только как профанный («заборный») и внедряемый насильно, но и как иностранный: и в этом пункте он мог соотноситься с пробудившимися на обломках империи национальными языками — высвобожденными революцией формами лингвистического самоутверждения локальных сепаратизмов. Самым ярким среди них был, вне всякого сомнения, украинский национализм, опиравшийся на украинский язык. И. А. Бунину, воспринимавшему Украину как древнюю аутентичную Русь²⁴, петлюровский проект казался таким же гротеском, как и больше-

²⁰ Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 29.

²¹ Книга бесед протопопа Аввакума. Стб. 292.

²² Бунин И. А. О новой орфографии // Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. С. 233.

²³ Бунин И. А. Суп из человеческих пальцев. Открытое письмо к редактору газеты «Таймс» // Там же. С. 65.

²⁴ См.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 38; Юрченко Л. Н. Диалектика образа Украины в творчестве И. А. Бунина. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2000; Сваровская А. С. Образы украинского мира в русской малой прозе 1890–1910-х гг. // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры: Сб. ст. / Под ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск, 2007. С. 68–81.

вистский: «“Мова” не более противна и нелепа, чем наш революционный жаргон. “Комиссар Хоперского уезда Сидор Карпов” — эта смесь французского с нижегородским стоит “мовы”»²⁵.

Точно совпадающим публицистическим топосом обоих авторов в описании своих противников в широком контексте языка как бытового и социального поведения оказывается игра, театр, скоморошество, у Аввакума естественно обретающие дополнительную «бесовскую» коннотацию.

Он (никонианин. — К. А.), мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево — по латыне поют, плясавцы скоморошы!²⁶

У И. А. Бунина в инвективах новой реальности органично сочетаются проблема нового языка и тема маскарада, правилам которого, на взгляд писателя, были подчинены революционные будни: «Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь»²⁷; «Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна»²⁸ и т. д.

Детали маскарадного облачения представителей новой власти подчеркиваются неоднократно: в особенностях их сочетания просматривается тот же принцип, что и в лексико-стилевом строе революционного языка: макаронизм, эклектика, пестрота: «Одеты (красноармейцы. — К. А.) в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х гг., иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля»²⁹; «В первый раз в жизни увидел не на сцене, а на улице, среди бела дня, человека с наклеенными усами и бородой. Так ударило по глазам, что остановился как пораженный молнией»³⁰. Театральность происходящего подчеркнута в цитируемом со смешанным чувством удовольствия и брезгливости объявлении о вечере в клубе «имени товарища Троцкого», программа которого, в числе прочего, включала в себя и следующий номер: «...товарищ Конкарди, *вызывая интерес и удовольствие* слушателей, подражал лаю собаки, *визгу цыпленка*, пению соловья и других животных, *вплоть*

²⁵ Бунин И. А. «Страна неограниченных возможностей» // Бунин И. А. Публицистика. С. 117. Ср.: Записная книжка // Там же. С. 197.

²⁶ Книга бесед протопопа Аввакума. Стб. 292.

²⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 70.

²⁸ Там же. С. 91.

²⁹ Там же. С. 123.

³⁰ Там же. С. 152.

до пресловутой свиньи»³¹. Курсивом И. А. Бунин выделил языковые несообразности «документа» и тем самым подчеркнул его своеобразную внутреннюю логику: абсурду содержания соответствует не менее абсурдный стиль.

7. Наконец обратимся к формам *argumentum ad hominem* в оценках оппонентов. Внешность и биография — два важнейших слагаемых инвектив и Аввакума, и И. А. Бунина. В плане исторической поэтики выбор этих акцентов не случаен: темы телесного уродства и благодати / фальши происхождения в книжности Средних веков весьма сильны и продуктивны. Первая повлияла на легендарно-географическое повествование³², а также хронографию, в которой рассказы о монстрах «далеких земель» — обязательный элемент композиции³³. Вторая сформировала жанры агиографии³⁴ и легендарных династических генеалогий.

Внешность. В глазах Аввакума никониане были толсты от сытой мирской жизни и напоминали женщин как внешностью, так и поведением: ему казалось, что естественная противоположность полов заменилась в «последние времена» их содомским неразличением.

Вспомяни о себе, Яковлевич, попенюк! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площадь, чтобы черницы — ворухиниянки любили³⁵.

Помнишь ли? Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам, поясом усненным, сиречь кожаным: чресла глаголются под пупом опоясаться крепко, да же брюхо не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываеся по титкам!³⁶

³¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 137.

³² См., например: Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютона-виль, 1993.

³³ Водлазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). Мюнхен, 2000. С. 90–100, 213–232.

³⁴ Реконструкцию биографического археосюжета русской агиографии см. в книге: Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX в. (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2010.

³⁵ Книга бесед протопопа Аввакума. Стб. 303.

³⁶ Там же. Стб. 280. О «тучности» никониан, как мотиве социальной сатиры Аввакума, см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 280–284. См. также в продолжение темы: Менделеева Д. С. Мотив «телесной толстоты» в творчестве протопопа Аввакума // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 475–481.

В определенном смысле настойчиво подчеркиваемый Аввакумом гендерный сдвиг никониан соотносился с монструозно-химерической трансформацией их внешности: к обычному мужскому облику «пририсовывались», как на гротескном изображении, длинные волосы, «брюхо», напоминавшее «чреватую жонку» и т. д. Таким образом, инвективы «толстоте» и гомосексуальности обнаруживают свой общий смысловой знаменатель. В христианской литературе издавна считалось, что телесное уродство — результат небесного наказания за грех отступничества. Наказание заключалось в том, что виновные лишались образа и подобия Божьего³⁷.

В интересующей нас оценочной перспективе точно такими же свойствами наделялся век двадцатый. Так, И. А. Бунин вместо неприемлемых для него убеждений и эстетических ориентиров своих визави часто комментирует их физическую неполноценность, желчно описывая «тщедушного, дохлого от болезней Арцыбашева», «педераста Кузмина с его полуголым черепом и гробовым лицом». Не укрываются от его препарирующего взгляда «чахоточная и совсем недаром писавшая от мужского имени Гиппиус», «малорослый и страшный своей огромной головой и стоячими черными глазами Минский» и т. д. и т. п.³⁸. Череда намеков на измененный гендер оппонентов продолжена в облике Ф. Сологуба. За пределами «Воспоминаний», но в рамках все того же мемуарного нарратива Бунин описал свою первую встречу с автором «Мелкого беса».

И вот что произошло при этой первой нашей встрече: уходя, он вдруг задержал мою руку в своей и неожиданно ухмыльнулся, на мой же вопрос о причине этого смеха ответил:

— Я тому смеюсь, что все гадаю: любите ли вы мальчиков?³⁹

В итоговой книге писателя данная тема представлена не только в рамках прямых обличений, но также и более тонко — как нюанс внешнего облика героев. Так, постоянной характеристикой целого ряда персонажей становится намек на смещенный гендер. Начинает И. А. Бунин издалека: истоком «традиции» является здесь ранняя русская революционная демократия в лице одного из своих основоположников М. В. Буташевича-Петрашевского, который однажды

пришел в Казанский собор в женском платье, стал между дамами и притворился чинно молящимся; тут его несколько разбойничья физиономия и черная

³⁷ *Водолажкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси. С. 96.

³⁸ *Бунин И. А.* Воспоминания. С. 40–41. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в скобках.

³⁹ *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 574.

борода, которую он не особенно тщательно скрыл, обратили на себя изумленное внимание соседей; к нему подошел наконец квартальный надзиратель со словами: «Милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина»; но он дерзко ответил: «Милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина», и так смутил квартального, что мог, воспользовавшись этим, благополучно исчезнуть из собора... (162).

Максимилиан Волошин, которому в «Воспоминаниях» посвящена специальная глава, при чтении стихов «поднимал свои толстые плечи, свою и без того высоко поднятую грудную клетку, на которой обозначались под блузой почти женские груди, делал лицо олимпийца, громовержца и начинал мощно и томно завывать» (186–187). Алексей Толстой «был породист, рослый, плотный, бритое полное лицо его было женственно...», иногда он «кричал тонким бабьим голосом» (202–203). Показательно, что по словам И. А. Бунина, А. Н. Толстой называл и знаменитую желтую кофту В. Маяковского именно «женской» желтой кофтой (211).

Биография. Дискредитация М. Горького и особенно А. Н. Толстого через известную историю с Бостромом⁴⁰ имеет точный аналог в аввакумовой интерпретации рождения Никона. По Аввакуму, патриарх Никон

...смолода тому (церковной службе. — *К.А.*) научен в Низовке деревне, — от моей родины та деревня не далеко, верст с пятнадцать; я знаю, много там таких чародеев. А он детинка-бродяга был, и у Макарья Желтовоцкаго поводился в крылосе, — Никитка Минин. А таки одва не татарка ли его родила, — там-веть татар-тех много. Да плюнем на него! Кто его ни родил, однако блядин сын от дел звание приемлет. Блядь пишется ложь. Правда от Бога, а ложь от диявола⁴¹.

Здесь развенчание противника производится в соответствии с канонами агиографии, а точнее — с его инвертированным отражением. В инвективе Аввакума по поводу рождения его будущего гонителя соединились этнический, конфессиональный и эротический аспекты дискредитации. Православный патриарх оказался сыном магометанки, он родился вне брака, при этом данное обстоятельство трактуется как заведомое отступление от христианской нормы.

Если М. Горький третируется И. А. Буниным как обладатель «ложного» статуса — «полуинтеллигент, начетчик» (128), то А. Н. Толстой не просто «ложный» граф, но вообще непонятно как родившийся на свет человек.

⁴⁰ См. подробнее: *Варламов А.* Алексей Толстой. М., 2006. Гл. 1. «Свидетельство о рождении».

⁴¹ РИБ. Стб. 463.

Тут (в официальной биографии. — К. А.) без хитрости сказано только одно: «родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии...» Но где именно? В имении графа Николая Толстого или Бострома? Об этом ни слова, говорится только о том, где прошло его детство. Кроме того, полным молчанием обходится всегда граф Николай Толстой, так, точно он и не существовал на свете: полная неизвестность, что за человек он был, где жил, чем занимался, виделся ли хоть раз в жизни с теми, кто весь свой век носил его имя, а от его титула отрекся только тогда, когда возвратился из эмиграции в Россию. Сам он за все годы нашего с ним приятельства и при той откровенности, которую он так часто проявлял по отношению ко мне, тоже никогда, ни единым звуком не обмолвился о графе Николае Толстом... (203–204).

Процитированный объемный пассаж посвящен развенчанию официальной биографии писателя, которая на взгляд И. А. Бунина оказывается подложной, как и биография Никона в интерпретации Аввакума.

Приведенный перечень историко-культурных соответствий (каждое из положений которого, несомненно, может быть детализировано) демонстрирует, что биографический и живописно-пластический ресурсы абьюзивной формы *argumentum ad hominem* не только обнаружили при таком подходе свои разветвленные исторические корни, но и немалые художественно-концептуальные возможности.

**СЮЖЕТ В ОЧЕРКЕ М. ГОРЬКОГО «ПОЖАРЫ»
(из цикла «Заметки из дневника. Воспоминания»)**

Очерк «Пожары» был включен М. Горьким в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания». Состоит он из нескольких небольших зарисовок, разных по своему объему и сюжету. На первый взгляд, объединяет их вместе лишь обозначенная в заглавии тема «Пожары»: так или иначе каждый из маленьких очерков связан с темой огня и пожара. Связаны они и фигурой рассказчика, повествование ведется от первого лица, иногда вкрапляется речь персонажей. Казалось бы, единого сюжета этот очерк не предполагает, а представляет собою ряд этюдов.

Однако книга «Заметки из дневника. Воспоминания», куда входит составной частью очерк «Пожары», — не совсем для М. Горького обычная. Жанровая природа книги и составляющих ее очерков не определяется однозначно. М. Горький работе над этой книгой придавал большое значение, считая ее попыткой отойти от своего традиционного стиля, воспринимая ее как новый творческий этап¹. В последнее время интерес к этой горьковской книге возрос, о чем свидетельствует ее переиздание, а также новые исследования и публикации. Н. Лейдерман предполагает, что, только кажущиеся разрозненными, заметки должны представлять нечто единое и цельное: «Внешне эти заметки кажутся конгломератом никак не упорядоченного материала, сваленного, что называется, “в кучу”. Такая непривычно свободная компоновка материала получила высокую оценку у строгих ценителей. Но, оказывается, сам Горький требовал, чтоб каждую “заметку печатали отдельно, придерживаясь моей нумерации страниц и оставляя между каждой пропуски”, он также не раз переделывал окончательный состав и последовательность расположения “заметок”. Следовательно, в этой кажущейся неупорядоченности есть какой-то порядок, а в нем прячется какой-то концептуальный замысел»².

Итак, пока достоверно неизвестно, являются ли источниками горьковской книги «Заметок...» реальные воспоминания или дневниковые записи. Содержание книги не противоречит названию, записи, представленные в ней, имеют мемуарное оформление, часть из них по своей интимной интонации

¹ См.: *А. И. Овчаренко* М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1978. С. 31–33, 46–47.

² *Н. Лейдерман*. Непрочитанный Горький. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2008/7/le13.html>. Дата обращения 23.04.09.

близка по характеру дневниковым записям. Книга продумана и организована, импровизированные воспоминания различных эпизодов, возможно, из реальной горьковской жизни, здесь служат какой-то пока не выявленной, но уже предполагаемой литературоведением единой концептуальной цели.

Каждый эпизод в «Пожарах» локализован — действие происходит в Нижнем Новгороде; в некоторых эпизодах указана дата, т. е. соблюдается фактографичность или ее иллюзия. Так, каждый из семи эпизодов очерка содержит сведения не только о месте, времени, но и человеке, с которым обычно рассказчик наблюдает пожар и беседует на тему пожаров; каждый из них касается стихии огня в разных ее проявлениях и в каждом говорится о человеке, замороженном «волшебной силой огня». Причем степень этой «замороженности» у героев от заметки к заметке возрастает: от наблюдателей, зрителей огня в первой заметке — к человеку от огня зависимого, от огнепоклонника — к поджигателям, а в финале — к человеку, который совершает самоожжение. Можно сказать, что от людей вполне трезвых и здравомыслящих рассказчик переходит к полоумным и откровенно помешанным. Но тип героя — это только одно из свойств, связывающих заметки. Каждая из них, являясь частью целого, кажется в достаточной степени автономной. Первая заметка — о начале ночного пожара, который наблюдает рассказчик: «Темной ночью февраля вышел я на Ошарскую площадь — вижу: из слухового окна какого-то дома высунулся пышный лисий хвост огня и машет в воздухе...»³. Но оказывается, автор не одинок — рядом на площади также заморожено на огонь смотрит ночной сторож Лукич. Вместе они начинают будить горожан: «Я чувствовал, что действую энергично, однако — неискренно, а Лукич, постучав в окно, отбежал на середину площади и, задрав голову вверх, кричал с явной радостью: «Пожа-ар, э-эй!» (134).

Далее следует заключение к первой заметке, которое выглядит одновременно как предисловие к последующим наблюдениям: «Велико очарование волшебной силы огня. Я много наблюдал, как самозабвенно поддаются люди красоте злой игры этой силы, и сам не свободен от влияния ее. Разжечь костер — для меня всегда наслаждение, и я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку» (135). На эту черту Горького обратил внимание В. Ф. Ходасевич: «Он сам был немножечко поджигателем. Ни разу я не видал, чтобы, закуривая, он потушил спичку: он непременно бросал ее непотушенной. Любимой и повседневной его привычкой было — после обеда или за вечерним чаем, когда наберется в пепельнице довольно окурков, спичек, бумажек, — незаметно подсунуть туда зажженную спичку. Сделав это, он старался отвлечь внимание окру-

³ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 15. С. 133. Далее ссылки на это издание с указанием страниц в скобках.

жающих, а сам лукаво поглядывал через плечо на разгорающийся костер. Казалось, эти “семейные пожарчики”, как я однажды предложил их называть, имели для него какое-то злое и радостное значение»⁴. Но помимо этой биографической подробности, есть и другой контекст — эпоха, в которую огонь, пожар, факел, костер и другие огненные образы были излюбленной метафорой революции, как в публицистике, так и в художественной литературе, и в искусстве в целом. Контекст этот действительно обширен и в силу своей тематической и мотивной близости не может быть проигнорирован. Прежде всего это современная горьковским «Заметкам...» литература.

Концентрация в русской литературе огненной образности в начале XX в. велика. Огненная стихия ассоциируется с революционными преобразованиями. У каждого автора ее конкретная реализация имеет свою специфику, однако очевидно, что в литературе первых двух десятилетий начала XX в. создается свой «текст о революции», словно написанный различными модификациями образов огня. Уже после 1905 года многие метафорически именуют революцию «грозой и бурей», достаточно вспомнить А. Блока и М. Горького. Восприятие революции как властной стихии было присуще самым разным художникам, философам, публицистам, примерами знаковых названий могут послужить названия статей Р.В. Иванова-Разумника: «Испытание огнем» (о войне), «Испытание в грозе и буре» (о революции). А после 1917 года образ революции как бури и пламени довольно быстро становится избитым клише. Лексика и метафорика со значением горения, воспламенения и других проявлений огненной стихии широко используется в литературе и публицистике первых послереволюционных лет как для создания грандиозного стихийного образа русской революции, так и для передачи масштабности постигшей Россию исторической катастрофы. Назовем лишь несколько: цикл стихотворений «Неопалимая Купина» М. Волошина, книга «Огненная Россия» А. Ремизова, поэма Н. Клюева «Погорельщина», рассказ А. Веселого «Реки огненные», «Горящая Россия» И.С. Соколова-Микитова. Огненная образность активно используется в названиях пролетарских изданий, а также в произведениях нового пролетарского искусства в связи с революционной тематикой. Более того, к огненной образности, говоря о революции, прибегает сам Горький: в «Несвоевременных мыслях», печатавшихся на протяжении 1918 года, истинный революционер неоднократно уподобляется Прометею, а огню революции приписывается очищающая сила духовного преобразования: «Да, да, да — мы живем по горло в крови и грязи, густые тучи отвратительной пошлости окружают нас

⁴ Ходасевич В. Ф. Горький // В. Ф. Ходасевич. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 363.

и ослепляют многих; да, порой кажется, что эта пошлость отравит, задушит все прекрасные мечты, рожденные нами в трудах и мучениях, все факелы, которые зажгли мы на пути к возрождению. Но человек, все-таки, — человек, и в конце концов, побеждает только человеческое, — в этом великий смысл жизни всего мира, иного смысла нет в ней. Может быть, мы погибнем? Лучше *сгореть в огне революции*, чем медленно гнить в помойной яме монархии, как мы гнили до февраля»⁵.

У этой символики и образности много источников, в том числе и в русской литературе. Тема перерождения в огне генетически связана с обширной традицией, начиная старообрядческой и вплоть до поэзии символизма⁶. А от А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока идут нити к мотивам бунта-пожарища и огня-революции⁷. Горьковское размышление об упоении огнем созвучно словам героев Ф. М. Достоевского. В «Бесах» разрушительная сила огня напрямую, а не метафорически, связана с деятельностью будущих революционеров: террористической ячейкой задумано устроить в городе пожар и переполох. Пожар, дающий далее повод рассуждать об огне, затеян с целью посеять смуту в городке и одновременно должен явиться своеобразной «репетицией» общероссийской смуты. Пожар действительно случается. И в связи с этим пожаром возникают следующие наблюдения героя: «Другое дело настоящий пожар: тут ужас и все же как бы некоторое чувство личной опасности, при известном веселящем впечатлении ночного огня, производят в зрителе (разумеется, не в самом погоревшем обывателе) некоторое *сотрясение мозга и как бы вызов к его собственным разрушительным инстинктам*, которые, увы! таятся во всякой душе, даже в душе самого смиренного и семейного титулярного советника. Это *мрачное ощущение почти всегда упоительно*. “Я право не знаю, можно ли смотреть на пожар без некоторого удовольствия?” Это, слово в слово, сказал мне Степан Трофимович, возвратясь однажды с одного ночного пожара, на который попал случайно, и под первым впечатлением зрелища».⁸ Эта выдержка из романа Ф. М. Достоевского могла бы послужить прологом к очерку М. Горького: тут и о разрушительных инстинктах, которые таятся в любой душе, и об упоительности самого зрелища... Весь горьковский очерк, вся серия лиц и случаев напоминает последовательное развитие высказанного здесь мнения. М. Горький отрицательно отзывался о произведениях Ф. М. Достоевского,

⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 157. Курсив в цитатах здесь и далее наш. — Н. Н.

⁶ См.: Романова Е. «Мы сжигаем... и горим!» // *Natales grate numeras?* Сб. в честь 60-летия Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 485–500.

⁷ См.: Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 340.

⁸ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 394.

не принимал инсценировки его произведений. Идеи и герои произведений Ф. М. Достоевского для М. Горького становились предметом ожесточенной полемики и воспринимались им не только как эстетический феномен, но и как идеологические и философские категории. Его «спор» с Ф. М. Достоевским становился по сути спором о судьбе России и революции⁹.

Горьковская публицистика о революции (например, «Несвоевременные мысли») демонстрирует его приверженность к тем же метафорическим «огненным» образам, что и предшествовавшая и современная ему литература. Книга «Заметок...», куда помещен очерк «Пожары», во многом о революции, об осмыслении ее первых результатов, о степени ее влияния на российскую жизнь, о тех изменениях, которые она пробуждает в душе обывателя.

Если допустить, что сюжет «Пожаров» состоит не только в описании различных происшествий и вовсе не бытовой, а метафорический, то логика его развертывания предстает в ином свете. Перед нами не разрозненные заметки, объединенные общей темой пожаров и взаимоотношений человека и огня, а последовательно расположенные этюды-размышления о человеке и революции, имеющие свои «отражения» и перекличку с ними в других частях горьковской книги. Если посмотреть на отрывки под таким углом, то в очерке «Пожары» проявится новый сюжет, объединяющий их в единое смысловое целое.

В первом отрывке действие происходит «темной ночью *февраля*», т. е. время действия — февраль, а ведь именно февральская революция у многих действительно вызывала чувство эйфории, ощущение завороченности происходящим. Рассказчик «готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая слушать *музыку*» (135). Здесь и «упоительность мрачного ощущения», и удовольствие, с которым человек смотрит на огонь пожара, о котором говорит герой «Бесов» Ф. М. Достоевского. Одновременно данный отрывок замыкается словом *музыка*, — еще одна стихия, с которой ассоциировалась революция, та «музыка революции», которую призывал слушать А. Блок. Ему в книге отведено особое место, есть отдельный очерк о нем. Он и поэт революции, и ее жертва, хотя в очерке «Пожары» имя А. Блока нигде не упоминается и прямо не цитируется, но аллюзивно присутствует в этой первой заметке и далее — в заключительной. В последней заметке рассказывается о человеке, бросившемся в огонь. «Там человек сгорел», — этот эпиграф из А. Фета предвещает одно из известных стихотворений А. Блока «Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим». Вторая часть стихотворения может служить «ключом» к тексту «Пожаров» М. Горького:

⁹ См.: *Туниманов В. А.* Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб., 2004.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
 Строй находить в нестройном вихре чувства,
 Чтобы по бледным заревам искусства
 Узнали жизни гибельный пожар!¹⁰

«Ночной кошмар» рифмуется с горьковским «ночной пожар», «строй находить в нестройном вихре» также может быть прочтено как возможность найти в «нестройном» ряду заметок свою особую логику, а метафорический ряд «притворяться непогибшим» — «бледные зарева искусства» — «гибельный пожар жизни», т. е. метафора о «сгоревшем» в огне жизни поэте сродни горьковской метафоре революционера-Прометея.

Для М. Горького Прометей — это истинный революционер, «вечный революционер», который, «воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей, двигающих человечество к совершенству...»¹¹. Более того, «вечный революционер — это дрожжа, непрерывно разлагающая мозги и нервы человечества, это — или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, *сгорающий тихим, иногда почти невидимым огнем, освещая пути к будущему*». ¹² Именно так, полемизируя с большевиками в «Несвоевременных мыслях», М. Горький определит суть истинного революционера. Образ этот, идеализированный и романтизированный, сразу воскрешает в памяти другой образ, уже литературный, — хрестоматийный образ горьковского Данко. Героя, готового пожертвовать жизнью ради того, чтобы вывести людей из дебрей их темной жизни к светлому и радостному будущему. Героя, который горящим сердцем, вырванным из груди, осветил людям путь во мраке. Еще раньше в поэме «Человек» в уста человека вложена мысль о собственном предназначенье: «Я — в будущем — *пожар во тьме* вселенной! Я призван, чтобы *осветить весь мир*...»¹³. Таким образом, уже в самом начале горьковского очерка завязан целый клубок различных аллюзивных отражений: и интертекстуальных, и автоцитатных.

И сразу после этого отрывка — новый эпизод, где основным содержанием является описание игры с огнем щеголеватого человека в галстук и панаме, отскакивавшего от катящихся бревен и кричащего «Ур-ра!»: «Эта игра особенно увлекает солидного человека в щегольском пальто, в панаме

¹⁰ Блок А. А. «Как тяжело жить среди людей...» // Собр. соч.: В 8 т. М.: Л, 1960. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. С. 27.

¹¹ Горький А. М. Несвоевременные мысли... С. 110.

¹² Там же. С. 111.

¹³ Горький А. М. Человек // Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 5. С. 366–367.

на голове и в ярко начищенных ботинках <...> Но человек этот ничего не видит и, кажется, не слышит, у него цель храбреца-мальчишки: подождать, пока горящее бревно подкатится вплоть к ногам людей, и отпрыгнуть от него последним» (135). Игра, плохо закончившаяся: человека сбивает с ног одно из летящих бревен и бьет горящим концом в бок. Пожарные его уносят, и остается только панاما, которая мгновенно сгорает. Бревна и «ура» — атрибут баррикад, но революция — не игра. Она опасна, а уж тем более опасно заигрывание с революцией...

Далее — целая галерея сумасшедших. Для одного огонь — inferнальная сила, которой он приносит жертву в виде своих остриженных ногтей и пятак, и тогда в его жизни происходят удивительные вещи: ему во всем сопутствует необычайная удача. Весь эпизод написан как история о договоре человека и темных сил и частично воспроизводит сюжет о договоре человека и дьявола¹⁴. Рассказчик, наблюдая за пожаром, встречает человека, который излагает ему историю своей жизни. Когда-то, будучи бедным студентом, он хотел покончить с собою, и когда с этим намерением герой сидит на скамейке на Страстном бульваре в Москве и думает: «Прощай Москва, прощай жизнь, черт бы вас взял!» — словно из ниоткуда рядом с ним возникает «черная старуха». Эта старуха говорит, что несчастный и отчаявшийся герой «осужден жить долго и легко, хорошо», стоит только ему соблюдать некий странный ритуал: кидать свои остриженные ногти в «чужой огонь». Герой, не особо веря, все же последовал совету. С тех пор ему необыкновенно везет в жизни и всякий раз — после того, как он на пожаре кинет ногти в огонь. Собеседник рассказчика иронизирует, однако чувствуется, что он не верит в то, что ему помогают добрые силы, недаром в его речи постоянно звучат слова «темная ерундища», «черт», «чертовщина», «дьявол». Его отношение к «Его Сиятельству огню» обозначено в словах: «отношение дикаря к существу, обладающему силою обрадовать и уничтожить» (140).

Заметка начинается с того, что читающему сообщается: «Горит “дом трудолюбия” в Нижнем (1896). Погибли 20 старух-работниц, задушены едким дымом». Это все наблюдает Капитон Сысоев, «крепкий здоровяк, несмотря на его 50 лет и пьяную, распутную жизнь. <...> А на пожар смотрел взглядом человека, для которого вся жизнь и все в ней — только зрелище» (137). Соглядатай, извлекающий собственную выгоду из происходящего, человек, лишенный сочувствия к людям, — таких в революционное время тоже было немало, об этом много написано М. Горьким в «Несвоевременных мыслях», а также в самих «Заметках...» постоянно встречаешь героев, ищущих сво-

¹⁴ См.: *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 87–90.*

ей выгоды в происходящей смуте. Ключевыми здесь являются следующие слова героя: «“Химия — это химия, но все-таки в огне скрыто, кроме того, что мы знаем, нечто, чего нам не понять. И прячется огонь невероятно искусно. Так — никто не прячется. Кусочек прессованного хлопка или несколько капель пикриновой кислоты. Несколько гран гремучей ртути, а между тем...” — он щелкнул языком и замолчал». Неизвестно, что руководит таинственной стихийной силою. Нельзя предсказать и просчитать ход революционных событий, революция — та же стихия. Невозможно при помощи только понимания химических свойств, материалистического объяснения постичь метафизическую сущность огня. Человек становится его пленником, рабом, а то и фанатиком. И два следующих эпизода именно об этом.

Первый эпизод рассказывает о священнике, просидевшем тридцать лет в монастырской тюрьме. Единственной утехой узника была возможность топить печку и смотреть на огонь: «Он вышел из тюрьмы огнепоклонником и оживлялся только тогда, если ему позволяли разжечь дрова в печке и сидеть перед нею» (143). Ничто не оживляет этого человека, лишь вид огня выводит из оцепенения, наблюдая за огнем, он бормочет цитаты из священного писания, где упоминается огонь. И вот старик увидел электрическую лампочку: «Велик был ужас Золотницкого, когда он увидел электрическую лампочку. <...> “И его — ох! — и его... почто вы его? Не дьявол ведь! <...> Лучик солнечный в плен ввергли!”» (144).

Для одного огонь нечто inferнальное, для другого — божество, но оба они: и Сусоев, и Золотницкий — рабы огня. Про них можно сказать словами героя следующего эпизода: «Как слепые». Именно о слепоте людской говорит молодой крестьянский парень, обвиненный в поджоге. Для окружающих людей все выглядит так, будто он балуется с огнем. И вот во время судебного заседания парень неожиданно начинает рассказывать о своих опытах с огнем: «Да что ты знаешь? Чать не сразу бывает — фукнуло и полыхнуло! Слепые! Сначала — червячки, красные червячки поползут во все стороны по соломе, а потом — взбукнут они, собьются, скатятся комьями, вот тогда уж и полыхнет огонь. А у вас — сразу...». Парень изображен на судебном процессе, где он в качестве обвиняемого хранит полную отстраненность от происходящего до того момента, как свидетель начинает описывать поджог как вменяемость с огнем этого парня. Адвокат подает прошение об экспертизе на вменяемость, однако оно отклонено, парня все происходящее в суде мало трогает, он уходит из зала суда, бормоча свое «как слепые».

Оба, и священник Золотницкий, и безымянный парень любят огонь до фанатизма: один стал идолопоклонником за долгие годы заключения, другой даже не понимает, что за свои опыты с огнем будет посажен в тюрьму. Осмысленности в их действиях нет, они увлечены самой стихийной

сущностью огня, не отдавая себе в том отчета, становясь его пленниками, и потому их внешняя несвобода, наложенная людьми, для них не имеет значения.

Следующий эпизод о лесных пожарах близ Нижнего Новгорода. Он распадается на три условных части. В первой описывается город в дыму и горожане. Акцент делается на извечной людской беспечности, бездумности, цинизме:

Ругаясь и кашляя, люди по вечерам выходили на крутой берег реки, на Откос и, глядя на пожар, ели мороженое, пили лимонад, пиво, убеждая друг друга, что это мужики подожгли леса. Кто-то мрачно сказал:

— Первая репетиция пьесы «Гибель земли».

Знакомый поп, глядя вдаль красными глазами пьяницы, бормотал:

— Апокалипсическая штучка... а пока выпить надо... (147).

Вокруг города бушуют пожары, но — «ели мороженое, пили лимонад...». Праздная публика все воспринимает как очередное зрелище, не думая, что это может коснуться каждого лично. Дальше — «часть вторая»: рассказчик описывает солдат и крестьян, принимающих участие в тушении пожаров. Солдаты поймали мужика и обвиняют в поджигательстве. За него вступается староста, говоря, что мужик тот не в себе, и его отпускают. Крестьяне, кажется, только бесцельно переходят с места на место, сетуя, что «своя работа стоит», а со стихией не справишься: «Хожу вот, а чего — хожу? Что может сделать человек против такого огня? А своя работа стоит! Может, не меньше тыщи людей время теряют эдак-то вот...» (152).

Закрывает этот эпизод пространное описание лесного пожара, могучего, величественного, хитрого и дикого, большая часть сравнений, метафор и эпитетов — зооморфны: «Сил нет лежать в этой жгучей, едкой духоте, а уйти не хочется: когда еще увидишь столь великолепный праздник огня? Из лесу, горбатой извиваясь, выползает огромная змея, прячется в траве, качая острой башкой, и вдруг пропадает, как бы зарываясь в землю. Я съезжаю, подбираю ноги, ожидая, что змея сейчас появится где-то близко, это она меня ищет. И жуткое сознание опасности опьяняет, мучает еще более остро, чем жара, дым» (155).

В целом заметка похожа на описание общества во время Первой мировой войны: праздная публика, для которой театр боевых действий — зрелище и предмет пересудов: да, это ужасно, но «пока выпить надо», «пили лимонад, ели мороженое». В то же самое время крестьяне и солдаты пребывают в хаосе бессмысленных действий. И все пожирает огненная стихия, о которой никто из вышеназванных всерьез и не задумывается до поры. А у этой стихии

звериная суть. «Великолепный праздник огня» не только красив. Он опасен. И это сознание опасности лишь до поры до времени опьяняет. А потом, когда революция проявит себя во всей своей стихийной и низменно-дикой сути, появится иное видение: «Нет, — в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции»¹⁵. В «Заметках...» это убеждение будет выражено отдельным голосом в очерке «Отработанный пар»: «Я вижу много злобы, мести, и совсем не вижу радости, той радости, которая перевоплощает человека» (320).

Последний эпизод самый драматичный — о пожаре на море. Автор просит рассказать о путешествии в Китай своего собеседника, и тот вспоминает такую историю. Однажды в длительном путешествии вахтой был замечен яркий огонь. Оказалось, что горит китайское суденышко. По настоянию пассажиров, главным образом «беспокойной дамы», терпящим бедствие была оказана помощь. Однако хозяин суденышка не захотел принимать никакой помощи, остался на своем судне и бросился в огонь. Это доводит женщину почти до иступления. Событийную канву можно изложить кратко. Но не только в событийной канве дело. Очень важно то, как рассказчик излагает эту историю, как он ее комментирует, как оценивает: «Суть случая, конечно, не в поведении китайца, народ этот совершенно равнодушен к себе по причине своей многочисленности и тесноте населения <...> но суть, говорю, не в них, а в поведении чахоточной дамы, кричит она капитану, почему он не приказал гасить огонь на судне?» (161).

Далее рассказчик недоуменно сетует, почему именно этот случай так раздразнил даму. Почему она отвергла утешения окружающих, почему кричит: «Знаете ли вы, что такое человек?». Вот что он говорит: «Стою и чувствую: есть что-то обидное для меня в этих слезах о неизвестном китайце. Не может быть, чтобы она всегда искренно плакала обо всех погибающих на ее глазах от разных причин. В Сингапуре сотни индейцев от голода издыхали, — никто из наших пассажиров слез не проливал. Положим, это чужой народ, но однако на моих глазах десятки наших, русских матросов, портовых рабочих и других людей рвало, ломало, давило при полном равнодушии пассажиров, если не считать страха и содрогания нервов, от непривычки видеть обильную кровь. — Думал, я думал по поводу этого случая с женщиной, неприятно много думал, так ничего и не решил...» (162). Противопоставлен один и многие. Один человек и масса страдающих и гибнущих. Вечный вопрос, как быть, как считать, что ценнее: масса страдающих или один погибающий? Эта дама, словно голос совести, вопрошает о том, что волнует рассказчика и слушателя.

¹⁵ Горький М. Несвоевременные мысли... С. 99.

В результате войны, революции, развернувшегося послереволюционно-го террора произошло полнейшее обезличивание человеческой личности и жизни. Маленькая оговорочка рассказывающего приключение на море — «китайцы — бесполезный народ» — отзовется в «Заметках...» темой антисемитизма: некий генерал будет предлагать доктору пленных евреев и цыган «как бесполезный народ» для медицинских опытов. Не менее важна оговорочка насчет «чахоточной дамы», которая «кричит капитану, почему он не приказал гасить огонь на судне?». Только одна пассажирка из всех обеспокоена жизнью другого человека. Все остальные равнодушно наблюдают происходящее как зрелище, словно не понимая, что огонь одинаково жгуч для всех, будь то огонь настоящий или метафорический огонь революции.

Перед читающим разворачивается цепь различных заметок: от наблюдения за лишь разгорающимся пожаром до бушующего лесного, от баловства человека с огнем до — самосожжения. Композиционный ритм очерка «Пожары» становится более интенсивным по мере его развертывания перед читателем. Тональность все время меняется: от спокойной авторской в зачине — ко все более и более взволнованным голосам героев. Вплоть до финального выкрика «Знаете ли вы что такое человек?». Как постепенно разгорается огонь, так постепенно наращивается интенсивность и напряженность горьковского текста о человеке и огне — разгоревшемся огне революции. И этот внутренний сюжет становится важным в общей композиции книги «Заметок...», обозначая тему революции еще до того, как она будет названа.

ЖАНРОВО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КНИГИ Г. ГАЗДАНОВА «НА ФРАНЦУЗСКОЙ ЗЕМЛЕ»

Свою книгу «На Французской Земле» Г. Газданов открывает небольшим предисловием. Приведем его полностью:

В этой книге нет ничего вымышленного. Все факты, которые в ней приводятся, происходили в действительности. Все лица существовали в действительности. Все, что я описываю, я либо видел собственными глазами, либо знаю со слов непосредственных участников событий или по их письменным показаниям, либо, наконец, мне это известно по официальным документам.

Ответственность за все написанное я принимаю на себя. То, что я написал, я написал без чьих бы то ни было советов или указаний. Поэтому все настоящие имена героев этой книги заменены вымышленными, кроме имен тех, которые погибли и памяти которых я ее посвящаю¹.

Таким образом, автор представляет свое произведение читателю как документальное. В том же документально-публицистическом жанровом аспекте оно чаще всего осмысливается исследователями. Его тема — личное участие Г. Газданова во французском Сопротивлении, которое началось с того, что один из его знакомых, А. Покотилев «пригласил к себе его с женой, Фаиной Дмитриевной Ламзаки. Здесь их представили двум участникам Сопротивления — советским военнопленным, бежавшим из заключения, — Николаю и Павлу. На вопрос, могут ли они оказать помощь партизанам, Газдановы ответили утвердительно. Газданов стал редактором информационного бюллетеня подполья, Фаина Дмитриевна стала работать связной»².

Повесть открывается событиями 1943 г.: «Это началось в предпоследний год немецкой оккупации Франции» (677), тогда как рукопись датируется 19-м мая 1945 г., через десять дней после падения Берлина, т. е. произведение создавалось практически вслед за описываемыми событиями. Первая публикация вышла на французском языке в 1946 г. под названием «*Je m'engage à défendre*» («Я вступаю в Сопротивление»). На русском языке книга была опубликована лишь в 1995 г., через полвека после создания, хотя, как отмечает американский славист Л. Диенеш, ее рукопись, хранящаяся в библиотеке

¹ Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1996. Т. 3. С. 677. Далее цитаты из произведения приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте. Курсив в цитатах мой. — Е. П.

² Комментарии // Газданов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 839.

Гарвардского университета, написана по-русски, и ее первая публикация является, таким образом, авторским переводом на французский язык³. Вариант, напечатанный в трехтомном собрании сочинений Г. Газданова, представляет собой обратный перевод с французского, сделанный Л. Диенешем⁴.

Сюжет «На Французской Земле» концентрируется на изображении портретов и судеб советских военнопленных, с которыми пересеклась жизнь Г. Газданова в военный период. Это задает повествованию характерное для всей прозы писателя свойство фрагментарности. Сцепление разрозненных эпизодов осуществляется приемом монтажной техники. Но наряду с этим все они погружаются в поле авторской рефлексии, в результате чего текст обретает многослойность, основными параметрами которой, помимо документального аспекта, становятся лиризм, философичность. Фрагменты такого рода внедряются в фактуальную ткань повествования, преображая его в лирическое целое, объединенное общей интонацией вчувствования в мир, в первую очередь в мир *других*.

Уже первые страницы повести по манере повествования напоминают характерный для романов Г. Газданова тип наррации: изнутри сознания Я-повествователя, причем с не менее акцентированным жанровым модусом *воспоминаний*:

Я помню, что вплоть до того дня, когда, наконец, союзные войска вошли в Париж, я жил, делая над собой бессознательные усилия, чтобы не думать все время о вещах, которые занимали меня сильнее всего и существование которых само по себе, с точки зрения немцев, было преступлением против Германии и против Европы (677).

Буквально в следующей фразе повествование перетекает из сферы действительности в воображаемую реальность, словно балансируя на границе между ними:

Я много раз представлял себе то условное развитие событий, последовательность которых я знал и которые были похожи на авантюрный роман, с той трагической разницей, что каждый шаг этих многочисленных героев написанной книги был действительно сопряжен с риском мгновенной и насильственной смерти (677).

³ По словам О. Орловой, исследователя биографии Г. Газданова, инициатором этого перевода была Ф. Ламзаки, посчитавшая, что в таком варианте повесть «могла достичь не только апатридов, но и коренных французов, которые мало что знали о подлинном героизме русских» (*Орлова О. Газданов / Сер. «Жизнь замечательных людей»*. М., 2003. С. 236).

⁴ Комментарий. С. 838–839.

Дальше повествование еще больше сдвигается в область воображаемого:

Одна и та же картина возникала в моем воображении: человек, одетый в полуарестантскую куртку, худой, как скелет, с томным и небритым лицом медленно идет зимой по лесам и полям Эльзаса. Он движется только ночью, днем он лежит неподвижно на мерзлой земле, где-нибудь в канаве или под кустом, и ест сырой картофель или морковь, счищая с них землю. Он оборван, нищ и слаб; но из последних сил он продолжает идти ... маленькие ветки хрустят под его ногами, над его головой — темное зимнее небо, и впереди еще много таких же одиноких и холодных ночей ... Проходят дни и недели; и вот, наконец, он попадает к людям, которые ему отворяют дверь. Теплый дом, горячий ужин, кровать. Он просыпается ночью; темно, тихо (677–678).

Но в заключительной части абзаца сознание Я-повествователя вновь «выплывает» из воображаемого сюжета в реальность:

... проснувшись ночью, он не сразу понял, где он. И тогда с кажущейся медлительностью он вспомнил, что он во Франции, за тысячи километров от своей родины, в стране, оккупированной немецкими войсками и где ему предстоит сложная и трудная работа: собирать бывших советских пленных, вооружить их и организовать отряды для партизанской войны на территории Франции (678).

Знаком перехода из одного плана в другой служит смена настоящего времени («проходят дни», «он просыпается») на прошедшее совершенного вида («он не сразу понял», «он вспомнил»), что меняет и тип дискурса, актуализируя его документальный модус:

Этот нищий и оборванный человек, жизнь которого зависела от первого французского или немецкого жандарма, был членом Центрального комитета Союза военнопленных во Франции. В его богатом прошлом был, в частности, огромный опыт партизанской войны в России (678).

Особенность этого экспозиционного фрагмента в том, что центром Я-рефлексии оказывается не «эго» самого рассказчика, что характерно для романной прозы Г. Газданова, а внутреннее состояние военнопленного партизана-россиянина. Здесь образ *другого*, на первый взгляд, не связан со сферой двойничества, поскольку у Я-повествователя и российского партизана отсутствуют видимые сферы пересечения: у них разный опыт жизни, разный менталитет — в одном случае российского эмигранта, в другом — советского патриота. «С эмигрантами я могу сесть в калошу, — признается бывший военнопленный, — черт их там разберет. Это другие люди, с иным прошлым, с иной психологией, они знают вещи, которых не знаю я: напри-

мер, Европу, иностранные языки, еще другое. Тут я могу полагаться только на интуицию» (693). Однако несколькими почти невидимыми мазками автор помечает как внутреннее, так и внешнее сходство между Я-рассказчиком и героем-россиянином, которого позднее назовет Антоном Васильевичем. На внешне-физическом плане оно выражается в безупречной форме: «вся его мускульная система представляла из себя идеально послушную машину» (680). Эта характеристика столь же применима и к самому писателю, отличавшемуся хорошей спортивной формой и приверженностью к «здоровому образу жизни». Кроме того, «из того, что он говорил, нельзя было не сделать вывода, что он знает, чего хочет и, надо полагать, добьется этого ценой любых усилий» (680). Подобная целеустремленность была характерной чертой Г. Газданова, что выделяло его из эмигрантского окружения и явилось залогом его состоявшейся судьбы.

Это интуитивное ощущение близости и дает Я-повествователю импульс к тому, чтобы вжиться в незнакомую ему жизнь, проникнуться к ней внутренним интересом. По верному замечанию Л. Диенеша, причины участия Г. Газданова в работе советского подполья следует искать не в близости к советской идеологии, а «в эмоциональных и биологических основах его характера. Романтические идеалы (и религиозные добродетели) долга, сострадания, смирения и благодарности были для него более реальными, более важными, чем, например, искусство в башне из слоновой кости ... Он не мог оставаться равнодушным ни к тому злу, которое представляли собой немецкие нацисты, ни к тем действительно ужасным условиям, в которых жили и сражались советские партизаны»⁵.

Романтический модус эмоционального спектра авторской личности проявляется здесь, в частности, в том, что одним из ведущих мотивационных моментов связи Г. Газданова с советскими партизанами стала для него их близость к смерти:

И человек, которого мое воображение мне столько раз представляло идущим по Эльзасу, был, прежде всего, как и другие его товарищи по ЦК, *спутником смерти*, которая следовала за ним, как тень (680).

Способность существовать «как бы в тени смерти» Г. Газданов считал свойством стоической личности и вместе с тем истинного искусства⁶. Су-

⁵ *Dienes L.* Russian literature in exile: the life and work of Gajto Gazdanov. München: Verlag Otto Sagner, 1982. В рус. пер: *Диенеш Л.* Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995. С. 78.

⁶ См.: *Газданов Г.* Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Воля России. 1929. № 5/6. С. 96–107.

ществование под знаком смерти романтизирует для него жизни участников Сопротивления, возвышая их над обыденностью, в том числе и военной, что делает их причастниками его собственной судьбы, как и множества судеб русских эмигрантов, прошедших опыт Гражданской войны:

... одно остается несомненным: деятельность этих людей, и в особенности немногих организаторов, стоявших во главе советского партизанского движения, была возможна только при том условии, что каждый из них заранее и совершенно сознательно, без тени иллюзии или сомнения, согласился на мучительную смерть в каком-то неизвестном подвале гестапо (679–680).

Здесь уместно вспомнить причину, мотивирующую уход юного автобиографического героя Г. Газданова на Гражданскую войну из его первого романа «Вечер у Клэр»: «Я ... все-таки пойду воевать за белых, потому что они побеждаемые»⁷. Так в самом начале его «путешествия в неизвестность» герой определяет собственную позицию как бытие «в тени смерти».

Способом перехода из реального плана в лирический может оказаться самый неожиданный звук, жест, предмет. Подобный прием, действующий «больше на воображение и чувства, нежели на рассудок»⁸, является родовым свойством газдановской прозы, актуализируя поэтическое начало его текстов. В повести «На Французской Земле» особенно запоминающимся является фрагмент, в котором Я-повествователь подробно воспроизводит процесс своего внутреннего проникновения в историю русской военнопленной Марии. Изначально он испытывает лишь чувство неловкости от того, что будет вынужден слушать еще один из множества однотипных рассказов:

В таких случаях мне обыкновенно становилось жалко того, кто рассказывал, потому что эти страшные события, потрясшие его на всю жизнь, в его изложении получались бледны и неубедительны и не вызвали того иступленного сочувствия, которое должны были бы вызвать. Я приготовился с этим, давно мне знакомым чувством сожаления, симпатии и неловкости слушать то, что будет говорить Мария (719).

Однако его отстраненность исчезает после первых же произнесенных девушкой слов:

Но с первых же звуков ее удивительного голоса я забыл обо всем, что происходило вокруг меня. Это было нечто похожее на трагическое волшебство — голосовое и фонетическое одновременно. Таким голосом, конечно, можно было рассказывать все, что угодно, и все было бы интересно. Я закрывал время от

⁷ Газданов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 113.

⁸ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности: В 2 ч. М., 1822. Ч. 1. С. 61.

времени глаза, чтобы яснее слышать эти необыкновенные и медлительные смещения интонаций, этот печальный звуковой поток, струившийся в темноте. <...> Рассказ ее, я думаю, мог бы вызвать слезы у самого бесчувственного человека. Я никогда не взялся бы его передать; думаю, что даже стенографическая запись его не могла бы дать о нем нужного представления. <...> Я помню ее интонацию, от которой, действительно, начиналась физическая боль в сердце, когда она рассказывала, как уводили на ее глазах ее школьную подругу, еврейку, на расстрел — за то, что она еврейка, — как они стояли вдвоем с подругой и как эта девушка крикнула: — Прощайте, девочки! — Это «Прощайте, девочки!» до сих пор звенит в моих ушах, и я уверен, что никогда и нигде не забуду этого звука (719).

Как видим, суть рассказываемого Марией входит в сознание Я-повествователя не на уровне прямого восприятия событий, а через интонации ее голоса. Приобщение миру *другого* происходит здесь, как бы минуя рассудок: не столько слова, сколько звуковые вибрации голоса девушки заставляют зазвучать его душу в унисон ее рассказу. Похожие ситуации не раз встречаются в романах Г. Газданова. Так, например, в «Ночных дорогах» размышления о трагичной судьбе русского генерала неожиданно возрождают в памяти Я-рассказчика образ нищей старушки, которую он неоднократно встречал в Севастополе, всякий раз напевавшей одни и те же куплеты Лизы и Полины из оперы «Пиковая дама» («Мой миленький дружок, // Любезный пастушок»). «Никакая прочитанная книга, никакой результат длительного изучения не могли бы обладать такой ужасной убедительностью, как этот жалобный, умирающий в солнечном и юном великолепии отклик давно умолкнувшей и исчезнувшей эпохи», — заключает он⁹. Музыка — состояние души газдановского героя. Это его внутреннее свойство сродни тому, которое А. Ф. Лосев определил как «всеобщую внутреннюю текучую слитность всех предметов», «подвижную сплошность и текучую неразличимость»¹⁰. Именно его музыкальное бытие дает возможность его внутреннему «я» зазвучать на вибрационных частотах *другого*.

В то же время это свойство природы героя-рассказчика раскрывается всякий раз по-разному. Наиболее часто «музыка души» приобретает «овеществление» через план воображения. Типичный образец соответствующего строения наррации — модель «он совершил — я представил себе». Один из таких эпизодов — история очередного побега партизана Феди из немецкого плена:

Он выломал решетку вагонного окна ночью, на всем ходу, выпрыгнул из вагона — четвертый побег. Я представил себе с особенной ясностью стук вагонных колес, мглу, летящую навстречу поезду, и тень этого неутомимого человека, мелькнувшую в темноте, и шум щебня на насыпи (757).

⁹ Газданов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 493.

¹⁰ Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М., 1927. С. 23, 184.

Из всей поэтической палитры описываемого фрагмента типичным для реальной ситуации является только стук вагонных колес, все остальные детали: шум щебня на насыпи, ночная мгла, тень от выпрыгнувшей из поезда человеческой фигуры репрезентируют характер восприятия Я-рассказчика, а не само событие, о котором идет речь.

Среди особенно запомнившихся ему историй беглых военнопленных — история лейтенанта Василия Порика. Излагая ее, Я-повествователь не меняет имени персонажа, так как его уже «нет в живых: он был расстрелян немцами 22 июня 1944 года. Но этой смерти предшествовала удивительная жизнь», — замечает он (687). И далее идет подробный рассказ о жизни героической личности, приоткрывающий герою-повествователю причину того, «почему народ, создающий таких партизан, не мог проиграть войну» (689), и достойный составить сюжет отдельного произведения. Передадим его в кратком изложении. Бежав во Франции из немецкого плена, Василий Порик вступил в партизанский отряд, где стал заместителем командира. Он организовывал «беспощадную охоту на SS» до тех пор, пока однажды отряд эсэсовцев не окружил дом, в котором он скрывался. Один против тридцати человек Порик защищался три часа, после этого с четырьмя тяжелыми ранами сумел взобраться на крышу дома. Но его увидела соседка и выдала немцам. В течение трех недель его пытали. Помещенный в камеру смертников, Порик слышал, как во дворе расстреливали советских пленных. «Он знал, что его ждет, но он не мог примириться с мыслью о смерти без борьбы. И он начал готовиться к побегу» (690). Часовые, зная, что он тяжело ранен и измучен пытками, в его камеру не заглядывали. Ржавым гвоздем Порик выковырял из окна кирпич, свил веревку из разорванной на полосы рубахи. После этого он позвал часового. Как только тот вошел, Порик бросился на него всей тяжестью тела. Ситуацию спасла внезапность момента: через минуту часовой уже лежал на полу мертвым. Штыком от его винтовки Порик отделил еще несколько кирпичей и вынул оконную решетку. По веревке он спустился вниз и перелез через три стены заграждений. Спрыгнув с последней стены высотой в семь метров, он упал, как оказалось, на трупы расстрелянных русских. Потрясение от этого события было сильнее всего пережитого и вылилось в плач. Он вернулся в свой отряд после месяца болезни. Все это время его скрывала у себя француженка. И все-таки Порика вновь арестовал отряд SS, на этот раз переодетый в формы французских рабочих. «Как сказал мне об этом старший товарищ Порика, командир его партизанского батальона, — заключает свой рассказ повествователь, — смерти уже некуда было отступать перед ним. Но, конечно, никто из тех людей, которые его знали, не забудет никогда *огромную тень* этого человека. И во всем трагизме его мгновенного *исчезновения* есть беглый отблеск той неудержимой

и неумирающей силы, которая создала его родину и остановила, как стена, в течение долгой ее истории, все волны иностранных нашествий» (691).

Помимо фактуального плана, описание истории Порики интересно тем, что в него, особенно в заключительную часть, напоминающую лирическую эпитафию герою, автор встроил ключевые мотивы своей прозы: *исчезновения, тени смертной*, а также *мотив России*¹¹, которая, однако, названа здесь «его родиной». Тем самым писатель как бы внешне разделяет миры своего автобиографического Я-повествователя и героя, словно обозначая недостойность первого, этическую невозможность для него приобщиться в полной мере к тому миру и тому народу, который был им когда-то оставлен, но доказал свое право на бытие ценой великой жертвы, в которой не последнюю роль сыграла его многовековая национальная «закваска». Слышатся в этой сентенции и нотки боли о потерянной родине, в которой уже без него вызрела эта новая человеческая формация.

Таким образом, множество разрозненных эпизодов, реальных фактов, документов (тексты писем, призывов к борьбе с немцами на французской территории, присяга советского партизана во Франции) объединены в «На Французской Земле» лирическим голосоведением Я-рассказчика, что встраивает эту «документальную повесть» Г. Газданова в контекст всей его «русской» прозы. Усиливает метатекстовое единство¹² и то, что, помимо плана воображения, повествование в повести, как и в романах Г. Газданова, часто движется «сюжетом воспоминания»¹³. От традиционной мнемоники «сюжет воспоминания» отличается тем, что в нем «важен не только добытый памятью факт, но путь памяти навстречу этому факту»¹⁴. Несмотря на не-

¹¹ См.: *Проскура Е. Н.* Единство иносказания. О нарративной поэтике романов Гайто Газданова. М., 2009.

¹² На это свойство повести «На Французской Земле» обратила внимание Ю. В. Бабичева в своем докладе «Десятый роман Газданова, или История еще одного путешествия», прочитанном на Международной научной конференции «Гайто Газданов: писатель на пересечении традиций, культур, цивилизаций. Взгляд из XXI в.» (Москва, 3–4 декабря 2003 г.). Как отмечено в хронике конференции, «на основании тщательного анализа текста эта повесть была причислена исследовательницей к газдановскому “метароманному циклу”, ибо здесь, как она показывает, срабатывают те же законы, что и в других, собственно художественных, произведениях писателя» (<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/mat.html>). Однако текст доклада не был опубликован в сборнике по итогам конференции, что оставляет для нас его содержание энигматичным.

¹³ О «сюжете воспоминания» в романной прозе Г. Газданова см.: *Проскура Е. Н.* Единство иносказания. С. 107–246, 349–369.

¹⁴ *Аверин Б.* Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 30.

давность событий, Я-повествователю важно не просто зафиксировать, но и осмыслить свои воспоминания:

Теперь, когда все это кончено, это может показаться менее сложным, чем было, потому что всякая последовательность событий, которую мы рассматриваем ретроспективно, невольно приобретает характер естественного развития фактов; каждый последующий вытекает из предыдущего, и нам начинает казаться, что иначе и быть не могло. Это происходит, надо полагать, потому, что мы теряем из виду два основных фактора всякой деятельности такого рода — неизвестность и будущее, а не прошедшее время (679).

Прикованность к собственному прошлому выражается у Г. Газданова через доминирование прошедшего времени в его прозе, что является характерной чертой «сюжета воспоминания» — в плане рефлексии автора над собственными воспоминаниями. Тот же прием — не простой ретроспекции, но одновременно с этим осмысления своего отношения к произошедшему — ведет нарратацию в книге «На Французской Земле». Перечисленные свойства дают основание видеть в ней документалистику особого рода: это одновременно и документ, и автодокументальное повествование.

Эгодокументальный модус проявляется также через возникновение в сознании героя-повествователя собственной, лирической версии тех событий, о которых ему было рассказано персонажами-партизанами, увиденных им с самой неожиданной стороны. Первая из этих историй открывает произведение (история побега Антона Васильевича), о чем мы говорили выше. Но у нее оказывается непредвиденное виртуальное продолжение. После того как Антон Васильевич поведал Я-повествователю историю своего побега, он рассказал о том, как однажды ночью в российском лесу он со своими товарищами-партизанами растянул стальной кабель поперек дороги и в этот кабель на полном ходу врезался немецкий мотоциклист. В этом месте рассказа сознание повествователя неожиданно «уплывает» в направлении движущегося мотоциклиста:

...я явно представил себе октябрьскую холодную ночь в России, недалеко от Москвы, ровную дорогу и смутное ощущение непонятной и мгновенной катастрофы, которое, может быть, еще успел испытать безвестный германский мотоциклист и которое — если он успел его пережить — было его последним ощущением (683).

Здесь сила впечатлительности, спонтанно захватившей сознание лирического героя, втягивает в свое поле и внутренний смертельный опыт *чужого* — врага, что меняет фокус видения проблемы, поворачивая ее в экзистенциальный план и выявляя общечеловеческое трагедийное начало войны. Так в чисто газдановском духе начинает звучать в повести толстовская «нота».

Что касается «сюжета воспоминания», то он связан здесь не только с миром Я-повествователя, но и персонажей («Владимир Владимирович прикрывал глаза, вглядываясь в памятное прошлое...» (717)). Нередко в такого рода фрагментах сознание нарратора словно «вселяется» внутрь сознания персонажа, что по-новому размывает границы документального жанра, сдвигает их в сторону лирической прозы. Вот один из подобных эпизодов, относящихся к истории еще одного советского партизана, Алексея Петровича (Покотилова — *Е. П.*):

Он шагал по конюшне все время, не останавливаясь, множество отрывочных воспоминаний проходило перед ним. Он думал о том, какой опасности подвергаются теперь его друзья в Париже; он вспомнил парижскую улицу и магазин, где его ждала жена; потом, вдруг, он подумал о далеких временах, о берегу моря, о тысяче вещей, которые существовали в его сознании и которые теперь были обречены на исчезновение так же, как и он, и вместе с ним (699–700).

Вынужденное арестантское бездействие персонажа активизирует работу его сознания, не только открывая путь памяти в его ближайшее прошлое, но неожиданно «вынимая» из нее картины той далекой поры, которая казалась ему давно забытой.

Есть в повести фрагмент с использованием приема каскадных воспоминаний. В нем рассказ одной из русских партизанок по имени Наташа о своей жизни в России вызывает у героя собственные воспоминания о российском детстве:

Когда она рассказывала мне о своем детстве, о летних днях в центральной России, о ранней осени, о том, как шумит трава или рожь, как издали чувствуется влажное движение реки или неподвижная свежесть пруда, я вспомнил эти бесчисленные оттенки и переливы запахов земли, сена, травы, деревьев, медленного дыма над кострами, вспомнил, как пахнут птичьи гнезда с теплыми птенцами, вспомнил, как в холодеющей и нежной синеве неба высоко, не шевеля крыльями, парит орел и как летят гуси. <...> Я слушал, как она рассказывала о таких вещах, которых я был лишен столько лет, и мне казалось, что я вновь вижу перед собой этот давно исчезнувший, огромный и неповторимый мир моего детства.

Это был мир постепенных переходов от лета к осени, от осени к зиме, от зимы к весне, мир тех чувств, медленную прелесть которых я начал забывать, мир далеких горизонтов, бесчисленных деревьев и огромных лесов, воздушных волн сгибающейся под ветром травы; это мир, вне которого всякое представление о России остается теоретическим и неправильным (759).

В этом месте текста словно происходит прорыв в сознании Я-повествователя: мир, который несколькими страницами выше назывался им «их родиной», через опосредованный путь памяти неожиданно «вспомнился» как *свой*. На уровне автодиалога этот эпизод «рифмуется» с фрагментами «сюжета воспоминания» героя в романе «Вечер у Клэр», относящимися к периоду его российского детства:

... и сейчас же за окном и за стеной теснились призраки, входившие в комнату, как только я думал о них. Тогда в России был холоден воздух, был глубок снег, чернели дома, играла музыка и все текло передо мной...¹⁵.

Воспоминание о полете орла сохранилось, вероятнее всего, с того дня, когда он мальчиком наблюдал его в момент его предсмертного парения:

Очень высоко в воздухе, расправив крылья ... парил орел; то наклоняясь на бок, то опять выпрямляясь, он медленно, как мне казалось, пролетал над нами. Было очень жарко и светло. — Орел может, не мигая, смотреть на солнце, — подумал я. Отец долго целился, ведя мушку винтовки за полетом орла, потом выстрелил. Орел тотчас же дернулся вверх, точно пуля его подбросила в воздухе, сделал несколько быстрых взмахов крыльями и упал...¹⁶.

Парение орла, «не шевеля крыльями», закрепилось в детской памяти особенно отчетливо по контрасту с предсмертной агонией птицы, выраженной несколькими быстрыми взмахами крыльев. В плане повествования переходы из внешнего плана во внутренний, особенно случаи каскадных переходов, приносят в монтажную технику повести эффект континуальности.

Как показал анализ произведения, в структуре повествующего Я различимы свойства *Я полагающего* («Если бы я видел только его карточку и ничего другого не знал бы о нем, я склонен был бы предположить...» (687)), *Я представляющего* («Я много раз представлял себе то условное развитие событий...» (677)), *Я думающего / размышляющего* («И когда я думаю об упорстве этих людей» (687)), *Я вопрошающего* — в модальности *Я-вопросания* («Я всегда задавал себе вопрос: как эти люди могли действовать в чужой стране, о которой они ничего не знали? (691)), *Я наблюдающего / знающего* («Я знаю историю тринадцатилетнего советского мальчика» (686)), *Я слушающего* («Один из них рассказал мне...» (691)), *Я вспоминающего* («Я помню...»), *Я воображающего* («Одна и та же картина возникала в моем воображении» (677)). В этой многосоставности, помимо позиций

¹⁵ Газданов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 101.

¹⁶ Там же. С. 91.

Я как реального наблюдателя, свидетеля, участника происходящего, где в центре оказывается изображаемое событие, увиденное, но чаще услышанное героем-повествователем, модусы *полагания, представления, воображения, размышления* особенно интенсивно сдвигают акцент в сторону эгодокументалистики. И все они в большей мере связаны с желанием понять незнакомый мир советской действительности, внутренне вжиться в характер советского человека.

В наибольшей мере повествовательная модель «На Французской Земле» соотносится с нарративом «Ночных дорог», где лирический план встраивается в структуру «физиологического очерка»¹⁷. Но тогда как в указанном романе лирическое и очерковое начало находятся в позиции противостояния друг другу (в начале «Ночных дорог» герой движим желанием узнать чужие ему жизни, к концу все больше стремится отгородиться от этого оказавшегося слишком тяжелым для него опыта), то в повести истории бывших соотечественников вызывают в нем не просто интерес, но желание понимания и соучастия:

Я подолгу разговаривал с советскими партизанами обо всем, что приходило в голову. <...> И вот, после таких разговоров с этими людьми, невольно начинаешь себе представлять этот огромный российский континент, в глубинах которого захлебнулось столько нашествий и пространство которого погубило несколько государств (710–712).

Отчетливо осознавая, что не все из бежавших из немецкого плена бывшие советские военные оказывались в рядах партизан, многие из них становились предателями или скрывались в одиночку, Г. Газданов не детализирует в своем повествовании истории подобного рода, отведя этой стороне войны несколько фраз общего характера и переводя логический акцент на ущербность идеологии нацизма, его моделирования жизни:

Конечно, было бы ошибочно думать, что все советские пленные до одного действовали так [героически]. Это был отбор. Среди множества пленных не могло, конечно, не быть провокаторов, шпионов, негодяев и просто слабых людей, не выдержавших страшного испытания войной. Таких немцы старались использовать. Это была тоже одна из характерных черт последних лет европейской истории: Германия в этой войне, вне своих границ, могла рассчитывать только на поддержку предателей. В силу исторического парадокса, ее ставка была сделана именно на ту европейскую «гниль», против которой, якобы, была направлена вся борьба национал-социализма (693).

¹⁷ Подробному анализу повествования в «Ночных дорогах» посвящена одна из глав нашей монографии: *Проскурина Е. Н. Единство иносказания...* С. 196–225.

Метафора «европейской гнили» в автодиалогическом контексте является субститутом метафоры «человеческая падаль», носящей мотивный характер в «Ночных дорогах». Помимо шпионов и предателей, в разряд «европейской гнили» Г. Газданов включает журналистов-неудачников, людей с уголовным прошлым, шулеров, торговцев наркотиками, — представителей именно тех социальных слоев, которые составляли в «Ночных дорогах» генерацию «человеческой падали». В новых исторических обстоятельствах они оказались подвержены мании «грошовой и призрачного величия» и пополнили ряды «немецкой пропаганды и повторяли с восторженным и лакейским энтузиазмом ее идеи, проникнутые мрачным прусским идиотизмом. Нельзя было не ощущать ежедневно унижительность этого положения, когда какой-нибудь бывший сутенер произносил по радио речи, в которых учил французское население патриотизму, чести и европейской солидарности» (745)¹⁸. Однако эта категория социального «дна» была слишком знакома Г. Газданову по его парижскому опыту ночного таксиста и уже подробно описана в «Ночных дорогах». В повести ему было гораздо интереснее окунуться в изображение дотолее незнакомого ему мира.

Война дала Г. Газданову неоценимый опыт общения с советскими людьми, которых он по принципу, характерному для «Ночных дорог», пытается делить на «разные типы», но при этом старается показать и уникальность каждой отдельной человеческой судьбы, изображаемой как героическое «путешествие», чем вновь мотивно объединяет свою документальную повесть с собственной художественной прозой. Несмотря на личное участие во французском партизанском подполье, писатель главный акцент переносит

¹⁸ В отрывочных воспоминаниях Газданова этого периода данная картина представлена более детально: «И все, что делали немцы, хранило все те же, тревожно повторяющиеся признаки хронического и преступного безумия. Мы твердо знали, что все это ложь; но мы жили именно тут, в этом небольшом европейском пространстве, над нами была все та же власть преступников, глупцов и мерзавцев, и никто, кроме них, не имел права говорить. Я не могу передать всей силы, с которой мы ощущали унижительность нашего положения; мы должны были выносить, что бывший сутенер произносил по радио речи, в которых учил население патриотизму, чести и чувству европейской солидарности, что другие, место которых давно на виселице и в тюрьме, изменники и предатели, к которым в лучшем случае мы могли относиться с брезгливостью или отвращением, призывали нас к исполнению нашего долга. Я думаю, что это был один из самых мрачных и непонятно безумных периодов европейской истории» (Литературный архив Г. Газданова Houghton Library Гарвард США fms Ru 69 (13), отрывок «Возвращение из небытия». Цит. по: Вторая мировая война в судьбе и творчестве Гайто Газданова / Публикация и комментарии О. Орловой. Перевод А. Ефремовой. Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2005_2/orlova.shtml).

сит на подпольную деятельность советских партизан, отводя себе роль не столько участника, сколько свидетеля происходящего. В то же время его непосредственное соприкосновение с той системой ценностей, которая до этого момента могла быть для него чисто умозрительной, отзывается в тексте мощным потоком авторской рефлексии по поводу особых свойств советской ментальности:

...нельзя было не заметить той огромной, непроходимой разницы, которая существует между системой их понятий и тем, что можно было бы назвать средневропейскими социальными и экономическими концепциями (710).

В процессе знакомства с разными характерами он начинает проникать в непривычную для него суть, с одной стороны, социальной психологии советского человека, с другой, — советского жизнеустройства в целом, базирующегося на фундаментальных вековых основаниях национального духа:

Я никогда не разговаривал с ними об отличии советского режима от политических режимов Европы, но косвенные вопросы этого рода не могли, конечно, не возникать. И тогда я убедился в самом главном, самом для них характерном в этом смысле: они не чувствуют, так сказать, контуров режима, они не представляют себе ничего другого. <...> Они, чаще всего, избавлены от забот о насущном хлебе, от вопроса о личном обеспечении; они получают жалованье, потом будут получать пенсию, и всюду, в любой области, на страже их личных интересов стоит вездесущее, всеобъемлющее, всезнающее государство, к авторитету которого они питают безграничное, без тени сомнения доверие. Они знают, что где бы они ни находились ... им помогут, их поддержат, о них позаботятся.

Получается парадоксальная вещь: советский строй, со всей его сложной совокупностью производственных усовершенствований, новейших машин, рационализаций, со всем огромным аппаратом пропаганды, информации и т. д., со всей отчетливой видимостью экономического модернизма, оказывается, в сущности, — в социальном разрезе, — чем-то напоминающим семейно-патриархальную систему, стремление к которой так характерно для русской истории вообще. «Вы наши отцы, мы ваши дети». Надо полагать, что это не результат какой-то временной политической целесообразности, что это нечто более постоянное и соответствующее тому очень условному понятию, которое называется национальным духом или особенностью русского народа вообще (724–725).

В этом, немногим более полстраницы, тексте Г. Газданов выразил те базисные положения советского социально-государственного устройства, которые в научно-философском исследовании развернулись бы не на одну сотню страниц. И надо отметить, что во всех его размышлениях на слож-

ную тему нет той резкой критической оценки, которую увидел в них Л. Диенеш, писавший в своей монографии: «Размышления Г. Газданова о русском характере, а также о России и Советском Союзе, входят в число наиболее интересных страниц этого документального произведения. Он сам всегда был “западником” и очень критически относился к советской идеологии или ментальности, видя в ней продолжение определенных, очень серьезных тенденций дореволюционной России. Он испытывает отвращение к их новому и ущербному языку и интеллектуальной скудости, зашедшей так далеко, что им и в голову не может прийти идея интеллектуальной свободы. Он осуждает то, что СССР продолжает следовать тоталитарным традициям старой патриархальной России и даже усиливает их»¹⁹ (курсив мой. — Е. П.). Наоборот, наблюдения и размышления писателя строятся на желании увидеть то корневое основание, которое движет советскими людьми, когда, рискуя собой, они защищают тот стиль жизни, тот «режим», который европейцу, «западнику» кажется мало совместимым с понятием человеческого существования.

Особенно удивляет Я-повествователя разность объемов исторической памяти у советских россиян старшего или даже среднего поколения — и молодежи. Если в памяти первых сохранены картины дореволюционного прошлого, то для молодого поколения история России словно бы совпадает с их собственной биографией: есть только советская Россия, дореволюционная им не интересна, поскольку не связана с их личными переживаниями. Такое впечатление возникает у повествователя после рассказа Алексея Петровича о том, как он и его молодая сподвижница Наташа неожиданно вышли, проходя через лес, к полуразрушенной, забытой церкви.

— Было нечто странное в этом соединении, — сказал Алексей Петрович. — В нескольких километрах отсюда стоял лагерь советского партизанского отряда «Максим Горький» с пулеметами, автоматическими ружьями и планом ближайших действий против германской армии — словом, 1944 год. А здесь...

А здесь было давно остановившееся время, конец восемнадцатого столетия, умолкнувший колокол и наполовину рухнувшая церковь.

Алексей Петрович долго стоял перед церковью — и не мог, конечно, не думать о многих вещах, которые на этот раз не были связаны с непосредственной действительностью. Но на Наташу вид церкви не произвел никакого впечатления. Это было потому, как сказал мне Алексей Петрович, что Наташе было двадцать лет, что о церквях вообще она имела только теоретическое и небрежное представление, и еще потому, что этот мир — медленное движение времени, развалины, забвение и смерть — был ей, к счастью, еще непонятен и чужд (760–761).

¹⁹ Диенеш Л. Гайто Газданов. С. 77.

Помимо самого рассказа Алексея Петровича, любопытна заключительная сентенция, которая семантически делится на три части. Первая («Это было потому, как сказал мне Алексей Петрович, что Наташе было двадцать лет ... о церквах вообще она имела только теоретическое и небрежное представление») показательна своей объясняющей модальностью: дефицит интереса к старине, естественно вытекающий из возраста юной Наташи, с точки зрения советского человека Алексея Петровича, для эмигранта-россиянина является отнюдь не очевидным и требует специального разъяснения, хотя вряд ли для него убедительного (о чем умалчивается в тексте). Вторая часть («...этот мир — медленное движение времени, развалины, забвение и смерть — был ей ... еще непонятен и чужд») — перехваченная у Алексея Петровича и продолженная уже самим Я-рассказчиком мысль, о чем свидетельствуют характерные для газдановской экзистенциальной поэтики мотивы «медленного движения времени», забвения, смерти. Третья часть — это, скорее, беглый риторический штрих: «к счастью», — который может принадлежать как Алексею Петровичу, так и Я-рассказчику, и превращает все умозаключение в оправдание героине. Особенное значение это имеет, конечно, для внутренней позиции Я-рассказчика, выявляющей его доброжелательно-толерантное отношение к чужому образу мыслей.

Идеологическая разность между советскими партизанами и героем-рассказчиком в данном случае не отрицает их внутренней близости. Это выражается прежде всего в той откровенности, с которой все персонажи повести рассказывают ему свои истории, в том числе относящиеся к их военной биографии. В итоге в сознании Я-рассказчика создается образ «нарождающейся молодой цивилизации, бесспорно имеющей будущее и живущей во имя него»²⁰.

Размышления о свойствах русского характера, истоках героизма и силе ненависти к врагу советских людей усиливают толстовскую «ноту» в повести, заставляя вспомнить те страницы «Войны и мира», на которых русский классик изображает «дубину народной войны» 1812 г. Сравнение войны советского народа с Отечественной войной XIX в. не раз встречается в произведении. Вот одно из них:

Многие бежавшие пленные вступали просто в отряды французской *Résistance*. Но это не имело особенного значения, потому что, независимо от того, как это происходило — в индивидуальном порядке, в связи с центром или без связи с ним, — все эти люди действовали совершенно одинаково, точно повинаясь подробным инструкциям, которых им никто не давал. Это было стихийное движение, столь же общее, столь же не знающее исключений, как движение русских народных масс в 1812 году (758).

²⁰ Диенеш Л. Гайто Газданов. С. 77.

Толстовское начало придает фрагментарному повествованию эпопейный формат, на что явно рассчитывает автор и что усиливает героическое звучание сюжета. Эпопейный модус фундаментализируется автором за счет расширения исторического контекста борьбы советского народа, вписания ее в национальную мегаисторию:

Завоеватели Сибири или Кавказа были, конечно, прямыми предками тех советских людей, которые снаряжали арктические экспедиции или устраивали оросительные системы в Туркестане, точно так же, как солдаты императорских армий Екатерины или Павла были предками теперешних солдат Красной Армии (732).

Одновременно с этим подчеркивается феноменальность современного национального исторического момента:

...никогда, кажется, в истории России не было периода, в котором таким явным образом все народные силы, все ресурсы, вся воля страны были бы направлены на защиту национального бытия, на борьбу за существование, за жизнь этого огромного государства (732).

Понимая, что история советского партизанского движения во Франции, в отличие от истории партизанской войны 1812 г., вряд ли когда-нибудь будет написана, сами же о себе «они не напишут и даже не расскажут» (772), Г. Газданов берет на себя функцию летописца и одновременно создателя литературного памятника этим рядовым труженикам подполья. Свою задачу он формулирует в финальной части повести, мотивируя ее тем, что, «зная, какую страшную жизнь они вели, зная, через что они прошли и в каких условиях они продолжали борьбу», «не испытать по отношению к ним невольного чувства благодарности» — для этого «нужно обладать той мертвой беспристрастностью, которой я не могу в себе найти» (772). Надо сказать, что этот шаг не был оценен его современниками так, как надеялся писатель. Реакцию эмигрантской публики на повесть подробно описывает в своей монографии Л. Диенеш. В российской прессе выход книги был встречен полным молчанием, поскольку, напечатанная по-французски, она не стала событием в отечественной литературе. Как выражение позиции Г. Газданова она также не могла быть популярной: «для правого крыла эмиграции она была слишком левой, скатывавшейся к фактической измене — “сотрудничеству с Советами”»; для левого же крыла, которое было во время войны и некоторое время спустя после нее в пике патриотических и потому про-

советских настроений, она была слишком правой»²¹. Итогом этого противостояния стало то, что писатель охладел к своему детищу и никогда не упоминал о нем²². Другую причину умолчания Л. Диенеш видит в том, что «это было его единственное документальное, журналистское, нелитературное произведение, — жанр, который его никогда не интересовал, жанр, который он действительно не то что не любил, а чуть ли не испытывал к нему отвращение»²³.

Этот тезис, оставленный в книге Диенеша без доказательств, нам представляется малоубедительным хотя бы по той причине, что журналистику Г. Газданов воспринимал как школу литературного творчества, один из этапов на лестнице восхождения в литературу. Об этом свидетельствует род занятий героев его «русских» романов «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды». Будучи журналистами, они воспринимают свою профессию как набирание писательского опыта, оттачивание художественного пера. С другой стороны, прочитывая газдановскую повесть как чисто документальное произведение, исследователь сужает ее жанровое пространство. Как мы пытались показать, художественное начало в ней уравнивает документальный план. В этом отношении «На Французской Земле» может быть репрезентирована как еще одно звено газдановского «русского» метароманного текста.

²¹ Диенеш Л. Гайто Газданов. С. 78.

²² Вот как интерпретирует создавшуюся ситуацию О. Орлова: «... как только время борьбы, ставшее временем объединения всего антифашистски настроенного населения Европы, миновало, тут же вступили в силу прежние противоречия, и понятия «русский» и «советский», на короткий период приблизившиеся друг к другу настолько, что могли кое-кем читаться как синонимы, снова оказались разделены непреодолимым барьером. Газданов уже не мог разделить тот всплеск симпатий в адрес Советского Союза, который подвигнул некоторых его старых и добрых знакомых принять советское гражданство...» (Вторая мировая война в судьбе и творчестве Гайто Газданова).

²³ Диенеш Л. Гайто Газданов. С. 80.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПЛАВАНИЕ КАК ПУТЬ К БЕАТРИЧЕ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЗЕНКЕВИЧА «НА “ТИТАНИКЕ”» *

Стихотворение М. Зенкевича «На “Титанике”» из так и не изданной при жизни автора книги стихов «Со смертью на брудершафт» — один из многих поэтических откликов на гибель знаменитого корабля, тема, неизбежно сопровождающаяся эсхатологическими ассоциациями. Трагедия «Титаника» интересовала поэтов и писателей, журналистов, сценаристов и режиссеров художественных и документальных фильмов. Пророческая книга М. Робертсона «Тщетность, или гибель “Титана”», в которой за четырнадцать лет до крушения «Титаника» автор почти в точности описал «катастрофу века» и за это был многими прозван Нострадамусом XX в., неоднократно обсуждалась в газетных и журнальных публикациях (например, Т. Толстая в своем эссе «Небо в алмазах» назвала произведение М. Робертсона «плохим, копеечным фантастическим романом»¹). Тема, которую «задал» миру «Титаник», не перестает быть притягательной для XX и — теперь уже — для XXI в.

Гибель «Титаника» словно подсвечивает морские сюжеты в творчестве поэтов и писателей, многие авторы прямо или косвенно касаются ее в своих произведениях (А. Блок, В. Брюсов, В. Ходасевич и др.). А. В. Лавров в статье «Блок и “Титаник”» пишет, что «корабль-дворец, корабль-город... представлял воплощением и наглядной концентрацией самых дерзновенных созидательных усилий прагматиков-позитивистов и технократов ушедшего века»². Гибель лайнера подчеркнула торжество стихии: «“океан”, поглотивший самое совершенное, самое “знаковое”, самое репрезентативное творение человеческого разума и человеческих рук»³, оказался сильнее современной цивилизации. Для А. Блока упоение гибелью «представляло единственным выходом из “мертвого сна”... из оцепеняющего небытия в подлинное бытие»⁴, поэтому он записал в дневнике 5 апреля 1912 г.: «Гибель *Titanic*’а, вчера обрадовавшая меня несказанно»⁵. Для В. Брюсова «значим

* Статья выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

¹ Толстая Т. Изюм. М., 2002. С. 41.

² Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 197.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 139.

был прежде всего феномен технически совершенного “Титаника”»⁶, а В. Ходасевичу верфь, где строился лайнер, напомнила круги дантова Ада.

М. Зенкевичу корабль видится живым существом, составленным из стали и брони: «Только что от стальных сосцов стапеля / Отпавший новорожденный гигант»⁷. Это акмеистический взгляд на мир, когда построенное, созданное руками человека, зодчего, становится живым. М. Зенкевич, входивший в первый «Цех поэтов» наряду с Н. Гумилевым, А. Ахматовой, О. Мандельштамом, В. Нарбутом, уже в 1913 г. собирался вступить в союз с кубо-футуристической группой «Гилея». Его поэзия, включая в себя безусловные «правила» акмеизма, такие, как интерес к земному, «плотскому» миру (вспомним первую книгу стихов М. Зенкевича «Дикая порфира») ⁸, «многообещающее адамистическое стремление называть каждую вещь по имени, словно лаская ее»⁹, в то же время звучит футуристически резко, неожиданные образы часто пронзают читателя почти грубостью, свойственной скандальным стихам В. Маяковского или Д. Бурлюка¹⁰.

⁶ Лавров А. В. Этюды о Блоке. С. 198.

⁷ Здесь и далее стихотворения М. Зенкевича цитируются по изданию: *Зенкевич М. Сказочная эра: стихотворения, повесть, беллетристические мемуары.* М., 1994.

⁸ Н. Гумилев называл М. Зенкевича «вольным охотником, не желающим знать ничего, кроме земли» (*Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии.* М., 1990. С. 142).

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ Приведем несколько отрывков из книги стихов «Под мясной багрянницей»:

...И тревожно ловит слух —
В жидком огненном покое
Чем чудит угарный дух:
Пригорит в печи жаркое
Из запекшихся старух;
Иль, купаясь, кто распухнет
В синий трупик из ребят.
Иль дыханьем красным ухнет
В пыльный колокол набат.

(1912)

...С размаха рухнул лось. И в выдавленном ложе
По телу теплomu перепорхнула дрожь
Как бы предчувствия, что в нежных тканях кожи
Пройдетса, весело свежая, длинный нож,

А надо лбом пила. И петухам безглавым
Подобен в трепете, там возле задних ног,
Дымился сев парной на трауре кровавом,
Как мускульный глухой отзыв на терпкий рог.

(1913)

Для акмеистов было свойственно переживать архитектурные сооружения «природными», органическими — состоящими из костей, мяса, жил. Знаменитый «*Notre Dame*» О. Мандельштама уподоблен человеку — Адаму: «... чем внимательней, твердыня *Notre Dame*, / Я изучал твои чудовищные ребра»; «Играет мышцами крестовый легкий свод». В стихотворении О. Мандельштама «нашли воплощение все основные и порой противоречащие друг другу черты Акмеизма: мастерство, органика, сосуществование разных культурно-религиозных идей, Адамизм»¹¹. М. Рубинс указывает на французские подтексты «*Notre Dame*» — стихотворения «Собор Парижской Богоматери» Ж. де Нерваля, «*Notre Dame*» Т. Готье и роман Ж. К. Гюисмана «Собор». «Органические метафоры», использованные французскими авторами и О. Мандельштамом, обнажают стиль, в котором камень становится телом с «тонкими ребрами (боками)» («*ses côtes minces*») у Т. Готье, «чудовищными ребрами» у О. Мандельштама, «железными нервами» («*ses nerfs de fer*») у Ж. де Нерваля.

«Титаник» М. Зенкевича более напоминает молодого зверя, страдающего, как бык на бойне или гибнущий лось, рвущегося вперед и почти танцующего на волнах, как молодой дельфин:

Ты не смог утерпеть,
 Чтоб не врезаться в полярное минное поле,
 Где разбросаны ледяных торпед
 Айсберги¹²...

Поэт увидит, подобно своему приятно-предшественнику О. Мандельштаму, который, кстати, тоже собирался участвовать в объединении «Гилея», «стальные балки *ребер*¹³» лайнера, «кипящие *внутренности*» машин, выкачивающих воду, «осколки льда в броневой *брюшине*». Для М. Зенкевича принципиально соединение «животного», «звериного» начала в образе «Титаника» и его «стального», механического происхождения. Переключка с «Военно-морской любовью» В. Маяковского, написанной в 1915 г. — годом раньше текста М. Зенкевича, создает двойственный эффект: акмеистические — «плотские», «натуральные» черты сплетаются с элементами футуристической поэтики гротеска. Поверженное «миноносце ребро» у В. Маяковского отзовется «хрустящими» «стальными балками ребер» у М. Зенкевича, гибель миноносца, играющего со своей миноноси-

¹¹ Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб., 2003. С. 228.

¹² Обратим внимание, что «Титаник» М. Зенкевича находится не в мирном пространстве, а словно на поле боя.

¹³ Курсив в цитируемых текстах мой. — Е. К.

цей подобно режущемуся лайнеру М. Зенкевича, прозвучит как рифма к гибели «Титаника».

Рядом с живым лайнером и страшный черный океан будет олицетворен. «Титаник» ранен айсбергом, но М. Зенкевич смещает акценты: не корабль истекает кровью, а океан наполняет его своей «черной кровью»¹⁴. В финале стихотворения «черная лава» будет уносить шлюпки с теми, кто успел спастись, а те, кто остался на гибнущем лайнере, погрузятся в «черный омут».

Черный цвет окрашивает эпизод крушения в стихотворении М. Зенкевича. Между тем в реальности именно этот цвет и погубил лайнер. Об этом неоднократно писали в документальной литературе. «Титаник» столкнулся с айсбергом, который недавно перевернулся в воде: «Из-за пребывания айсберга под водой, а затем над водой цвет льда становится синим, и такой айсберг почти невидим ночью на темном фоне воды. Это так называемый “черный айсберг”»¹⁵.

Контрастом гибельному черному цвету оказывается золотой, по мнению О. Лекманова, воплощающий духовное начало в лирике М. Зенкевича¹⁶: «Элен! Элен! / Серебряное солнце моей *золотой* осени!», «Со мной *золотой* обручальный спасательный пояс», «Перед смертью я успел принять причастье / Из *золотого* потира твоих колен». Натяжение между чувственным и духовным переживанием в стихотворении сдвигается в сторону последнего, и именно духовная любовь подтолкнет героя к внутреннему перерождению.

Надежда на счастье и вера в «непотопляемость» лайнера окутывают героя и его возлюбленную, возвращающихся из свадебного путешествия домой, в Филадельфию. Влюбленная пара на корабле — самый частотный сюжет в прозе о «Титанике». Так, в очерке Т. Толстой «Небо в алмазах» будет сказано, что на «Титанике» «двадцать новобрачных пар упивались радостями медового месяца»¹⁷. М. Зенкевич пишет только об одной паре. Через контраст мотивов «холода / жара (тепла)» открывается история любви на фоне гибели прекрасного лайнера, встретившегося с айсбергом. Словесная фактура стиха как будто получает кинестетический заряд: метафорическое кипение и жар будто вступают в состязание с неметафорическим льдом. Горькая любви будет оборвана «ледяными торпедами айсберга», потому и герой словно чувствует необходимость сохранить тепло:

¹⁴ В очерке Т. Толстой «Небо в алмазах» океан сравнивается с «лужей черного масла». См.: *Толстая Т.* Изюм. С. 34.

¹⁵ См.: <http://www.sbor.net/~psv/SeaWolf/titanic.htm>.

¹⁶ См. об этом: *Лекманов О.* О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 22–26.

¹⁷ *Толстая Т.* Изюм. С. 34.

«Тебе холодно, Элен. Дай я укутаю
Твои ноги в плед...»
— О нет! Мне совсем тепло...

Ощущение счастья от «*voyage de nocce*» передается через почти идиллическую картину океана:

Целый час смотрела, за борт склоняясь,
Как прыгали, резвясь, дельфины
В кипящий нарзан под пароходный нос...

Пенящаяся вода превращается в кипящий нарзан, символизирующий кипение чувств героев — то, что могло бы спасти корабль и отвести удар айсберга. Мотивы кипящей под лайнером воды и резвящихся дельфинов поддержаны в других текстах, входящих, как и рассматриваемое нами «На “Титанике”», в микроцикл «Трансокеанская тоска» (третья часть книги стихов «Со смертью на брудершафт»), где бытие поэта предстает играющим дельфином, своеобразным перифразом Гераклитова играющего дитя:

Все призрак. Живет лишь один настоящий
Над нашими я, над смертью для нас
Клокочущий яхонт, смарагд кипящий,
Опенивающий пароходный нос.

Ни на что не надеясь, ни в чем не каюсь,
Без прошлого и будущего, с бездной в ладу,
Под волнорезом настоящего плыть, кувыркаясь,
Обгоняясь, играя, как дельфин молодой!
(«В безвременье времени турбины волн...»)

Клокотание и кипение воды для М. Зенкевича и есть кипение жизни, и новобрачная на «Титанике», вспоминающая о доме, на миг сливается с весело прыгающими в воде дельфинами. Это как будто легкое, переливающееся яхонтами и смарагдами, счастье плавания по жизни. Диссонансная рифма в стихотворении «В безвременье времени турбины волн...» создает, с одной стороны, эффект сходства человека и океана, с другой стороны, несколько разводит их, словно отодвигая метафору от прямого значения.

В стихотворении «Крещенское купанье» океан (правда, не Атлантический, а Ледовитый) становится Крещенской купелью человечества:

Не для нас ли издревле кипел,
У полюса прорубью парной пробитый,

Как серебряная крещенская купель,
Океан родимый Ледовитый.

Отметим важное для поэта сочетание льда и кипения, слияние жара и холода, без которого невозможен ни творческий порыв, ни любое движение. Лыдина айсберга делает Атлантический океан, в котором плавает «Титаник», сродни Ледовитому. Как открывается мир в преодолении стихии (это и есть истинное Крещение), так «Титаник» показан одновременно с двух сторон: как спешащий «в горячечной гонке» пересечь Атлантику, так и готовый принять на себя (в себя) вечный холод айсберга. Потому и Элен воплощает не только жар любви: она охлаждает «безумные дани» юности героя, спасает его от прошлого. Горячка любви оборачивается блаженным холодом:

... возложи
Холодные ладони
Белоствольных рук на жаровню моего темени,
Снежной эпитрахилью твоих одежд осени...

Истинная любовь, поскольку она антитетично сочетает в себе огонь и холод (снег), будет в буквальном смысле «обрезана» лыдиной:

... на лыдине, подведенной под нос корабля,
Стальными балками ребер хрустя,
С осколками льда в бронеовой брюшине,
Застопорив пары,
Замер «Титаник» в предсмертной конвульсии.

«Горячечная гонка» лайнера, напоминающая пламенную страсть героев, закончится неожиданно и почти нелепо. И «кипение внутренностей» машин, выкачивающих «черную кровь океана», неспособно противостоять «трупному холоду» смерти. М. Зенкевич сталкивает абсолютный жар (любви, тела, рук, сердец героев и жажду скорости и покорения океана «Титаником») с гибельным холодом (айсберга)¹⁸. Однако, подобно тому, как чувства

¹⁸ Как уже отмечалось выше, гибель «Титаника» вызвала к жизни огромное количество произведений массовой культуры. Так, в песне «Титаник» на стихи И. Кормильцева, которую исполнила группа «Наутилус Помпилиус» (альбом под одноименным названием записан в 1994 г.), лед и огонь тоже оказываются в одном контексте: «Стюард разливает огонь по бокалам / И смотрит, как плавится лед». Отметим, что название группы «Наутилус» перекликается с названием трех подводных лодок, построенных в 1800–1804 гг. по проектам инженера Р. Фултона; подводного корабля капитана Немо из «20 тысяч лье под водой» и «Таинственного острова» Ж. Верна и первой в мире атомной подводной лодки *USS Nautilus (SSN-571)*, спущенной на воду в США в 1954 г.

героев описываются двойственно, через соединение кипения страстей и холода ладоней возлюбленной, так и ледяная смерть становится огнем в полном своем апогее. Тщетная надежда на окончательную победу блестящего корабля (т. е. интеллекта и творчества человека — его создателя) над стихией океана оказывается ложной, трагически опровергнутой, и антитетичные мотивы холода / жара как раз позволяют увидеть границу, которую невозможно преодолеть. «Океанские глубины навевают мысли о смерти и вечности — в противоположность стремительному потоку повседневной жизни, за которым корабли уже не поспевают»¹⁹, пишет Х. У. Гумбрехт. Есть точка, где вечный холод превращается в лаву нескончаемого огня — преисподняя накрывает погибающего героя, погружая его в пламя:

... черной лавой
 Уносимые, — по концентрическим кругам
 От преисподней, разъявшейся над нашей головой!
 Я должен пламенем душу омыть,
 В волнах миллиардов лет купаюсь.

Катастрофа, случившаяся с «Титаником», превращает мир во внезапно разверзшуюся преисподнюю, и шлюпки с людьми «по концентрическим кругам» удаляются от нее. Эти круги напоминают Дантовские круги Ада.

Для М. Зенкевича круг — чрезвычайно важный символ. В книге стихов поэта «Дикая порфира» «круг и его контекстуальные синонимы»²⁰ обыгрываются неоднократно, причем часто «изображен не просто круг, а... движущийся круг, будь то движение тела удава, колыханье пламени или танец первобытного племени»²¹.

¹⁹ Гумбрехт Х. У. В 1926 году: На острие времени. М., 2005. С. 210.

²⁰ Лекманов О. О трех акмеистических книгах... С. 14.

²¹ Там же. Путь «Титаника» в песне И. Кормильцева принципиально линейен: пароход движется по прямой к своей смерти, и в этой надменности и уверенности скрыта тайна его гибели:

Впереди встает холодной стеной
 Арктический лед.
 Но никто не хочет и думать о том,
 Куда «Титаник» плывет.
 Никто не хочет и думать о том,
 Пока, пока «Титаник» плывет.

И. Кормильцев словно переносит то, что случится после крушения парохода, — описание «разверзшейся преисподней», назад, в прошлое: все знают, куда плывет «Титаник» («Я видел секретные карты, / Я знаю, куда мы плывем»), но об этом принципиально не думают. Метафора ада, нависшего над героями песни, дана почти

В написанном в 1924 г. В. Ходасевичем очерке «Бельфаст» знаменитая верфь, на которой построен «Титаник», представлена как ряд концентрических кругов, имитирующих строение Ада Данте. Путешествие на верфь оказывается не обычным, а почти дантовским: герой получает своего проводника (он шутливо называет его «Виргилием»), за которым следует по кругам — сначала конторы («по бесконечным закругляющимся коридорам»), потом чертежных со стеклянными потолками, вписанных «внутри кругов конторских», потом — по зигзагам «Виргилий» везет героя на машине на территорию верфи.

В стихотворении М. Зенкевича нет проводника, но есть вырвавшиеся из преисподней шлюпки (на одной из которых находится новобрачная Элен), и есть «черный омут», куда погружается гигант, оставивший после себя лишь «молящий о помощи молнийный излом / В приемниках земных радиостанций». Молния есть знак смерти, она маркирует тот момент, когда случается непоправимое и обычно появляется в кульминационных моментах: «и золотом молния мимо / Сознания: ведь я же погиб» («Стакан шрапнели»), «Нокаут и от молний в глазах черно, / Беспамяństwo, и волн и поэзии паралич» («Нокаут»).

В балладе «Гибель дирижабля “Диксмюде”» из той же, что и «На “Титаник”», книги стихов «Со смертью на брудершафт» стих повторится почти дословно:

Пропал дирижабль без следа,
Умоляя по *молнийному излomu*
Безмолвно: “Диксмюде” всем судам...
На помощь, на помощь, на помощь...

«Гибель дирижабля...» М. Зенкевич написал почти сразу после произошедшей трагедии: «Диксмюде» вылетел 18 декабря 1923 г. из окрестностей Тулона в Северную Африку, был поражен молнией и сгорел. Для поэта два крушения — «Титаника» и «Диксмюде» оказались словно зарифмованными в бытии: если дирижабль реально гибнет от удара молнии, то лайнер в стихотворении, написанном за семь лет до этого, как будто поражен адской молнией. Кроме того, само описание катастрофы, случившейся с «Диксмюде», напоминает «предсмертные конвульсии» «Титаника»: «Ночью был виден на небе взрыв, / Метеор огромный, тучи разрыв, / Разорван надвое,

открыто («У каждого руки в крови»), но персонажи отрицают свое участие в эсхатологическом пути парохода. Круги ада в тексте И. Кормильцева заменяет непрямая инверсия — это не то, что можно назвать несовпадением фавулы и сюжета, а скорее, изначально заданный ретроспективный ход.

в море исчез». Гибель дирижабля, как и гибель лайнера, описывается не как крушение (разрушение) машины, а как смерть живого страдающего существа («разорван надвое»). И, подобно пассажирам «Титаника», увидевшим «разъявшуюся преисподнюю», «Диксмюде» тоже обретает свой огненный ореол:

...вдали, на полночь курс держа,
Целлюлоидной оболочкой на солнце горя,
На закате облачный дирижабль
Выплыл из огненного ангара.

Молния (или даже зигзаг²² — ее излом) становится знаком погружения в преисподнюю, а сигнал о помощи застрянет вне времени и преодолет пространства. Одна из легенд, связанных с «Титаником», гласит, что до сих пор в день гибели лайнера можно услышать его сигналы SOS. В. Лаговский и А. Моисеенко в статье «Была ли предсказана гибель “Титаника”?», опубликованной в «Комсомольской правде», указывают: «Любители непознанного считают, что радиосигналы... сумели «пробить» время благодаря некоей психофизической энергии, скопившейся у более чем двух тысяч человек на борту судна, ожидающих своей смерти»²³. Якобы такой сигнал принимали в 1924, 1930, 1936, 1942 и 1972 гг. Характерно, однако, то, что М. Зенкевич, писавший стихотворение в 1916–1917 гг., как будто сам оставляет материализованный сигнал «в приемниках земных радиостанций». Так художественная литература косвенно оказывает влияние на будущую документальную, формируя новую «реальность».

²² Очерк В. Ходасевича «Бельфаст» строится как сложная геометрическая картина, написанная любителем кубических форм: круги, зигзаги, кубы, прямоугольники, конусы, заполняющие пространство. Не случайно В. Б. Микушевич говорил о стихотворении В. Ходасевича «Перешагни, перескачи...», что оно написано современником «Черного квадрата». А С. Г. Бочаров формирует целостный образ поэта по стихотворению «Вдруг из-за туч озолотило...» («на листе широко / Отображаюсь... нет, не я: / Лишь узловатая кривая, / минутный профиль тех высот, / Где, восходя и ниспадая, / Мой дух страдает и живет»): «на месте его (Ходасевича. — Е. К.) оказывается геометрическая кривая, чертеж, диаграмма... Геометрический “профиль”, графическая черта, кривая, притом угловатая, на месте “я”, на месте лица поэта» (Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 414). Знаменитый портрет Ходасевича кисти П. Анненкова отражает «геометрическую» сущность поэта, заостряет графичность его черт, их угловатость и «кубизм».

²³ Лаговский В., Моисеенко А. Была ли предсказана гибель «Титаника»? // Комсомольская правда. 2007. 12 апреля. Цит. по: <http://anomalial.kulichki.ru/news14/903.htm>.

«Молнииный излом»²⁴ у М. Зенкевича молит не только о реальной помощи, которую могут оказать другие суда тонущему: это, конечно, и мольба о спасении души. Герой верит своему «золотому обручальному спасательному поясу», подаренному ему Элен. Благодарный возлюбленной, он надеется на спасение, на радостную встречу: «Разве с твоим именем страшен черный омут?». Герой в последний раз видит, как, в противоположность страшному черному океану, пожирающему души, словно адское чудовище, «исчезал ее белый призрак во мраке / По пружинящим жилистым рукам матросов». Морское *voyage de nocce* героев прерывается вместе с гибелью «Титаника» и превращается в путь по кругам Ада, а Элен становится двойником Беатриче, которая, как и дантовская героиня, спасает душу героя: «Перед смертью я успел принять причастье / Из золотого потира твоих колен, / И теперь, как ты, бессмертен и чист я».

В стихотворении «Золотой треугольник» (1913) из книги стихов «Под мясной багрянцей» М. Зенкевич называет свою возлюбленную именем Беатриче, ощущая ее как путеводную звезду во мраке бытия:

О, прости, о прости меня, моя Беатриче,
Без твоего *светоносного тела* впереди
Я обуздывал тьму первозданных величий,
Закалял, как на вертеле, сердце в груди....
...А ты все та же. В *прозрачной одежде*
С лебедями плескаешься в полдень в пруду.

Помимо этого, с Элен в стихотворении «На “Титанике”» связан и белый цвет, подчеркивающий ее божественное начало, причем М. Зенкевич каждый раз обыгрывает белизну. Сначала это «белая чайка вуалетки» героини — бытовая часть костюма новобрачной, потом появляется «снежная эпитрахиль одежд» возлюбленной — деталь почти символическая, связанная для героя с очищением и возрождением. Далее лирический герой называет Элен «серебряным солнцем... золотой осени». Свет и белизна, сопутствующие героине, преобразуются в метафорическое серебро солнца, освещаю-

²⁴ И. Кормилецев в своем тексте перенесет молнии в пространство и время еще благополучного плавания:

Матросы продали винт эскимосам за бочку вина,
И судья со священником спорят всю ночь,
Выясняя, чья это вина.
И судья говорит, что все дело в законе,
А священник — что дело в любви.
Но при свете молний становится ясно —
У каждого руки в крови.

шее героя. Наконец, «белый призрак»²⁵ возлюбленной (она уже окончательно теряет реальные черты) становится для героя настоящим проводником в Рай, куда он может попасть, только «пламенем душу омыв».

Именно такой в песни XXX «Чистилища» появляется перед Данте Беатриче:

Sovra candido vel cinta d'uliva
donna m'apparve, sotto verde manto
vestita di color di fiamma viva.

Там, на верху белоснежном, и увенчанная оливой,	В венке олив, под белым покрывалом,
Мне явилась донна, под зеленым покрывалом,	Предстала женщина, облачена В зеленый плащ и в платье
Одетая в цвет живого пламени.	огнеалом.

Пер. Г. Васильевой

Пер. М. Лозинского

В начале стихотворения М. Зенкевича на Элен надета «белая чайка вуалетки» подобно тому, как божественная героиня Данте выходит из белой пелены, из белизны Рая, словно покрывающей ее. Контрастным фоном для белизны становятся одежды Беатриче «цвета живого пламени» («*color di fiamma viva*»), сущность которых в следующих строках будет объяснена героем:

... «Men che dramma
di sangue m'è rimasto che non tremi:
conosco i segni de l'antica fiamma».

...«Если бы только не волнение крови, Меня поразило, что я не трепетал: Узнаю знаки древнего пламени».	...«Всю кровь мою Пронизывает трепет несказанный: Следы огня бывшего узнаю!»
---	---

Пер. Г. Васильевой

Пер. М. Лозинского

²⁵ В стихотворении из цикла «Любовный альбом» М. Зенкевич вводит образ будто бы умершей, но не оставляющей его возлюбленной, «когтящей душу», «леденящей ее крылами»:

Ты для меня давно мертва
И перетлела в *призрак рая*,
Так почему ж свои права
Отстаиваешь ты, карая?

Это тоже Беатриче, но как будто другая: она мучает душу, но и, став призраком рая, не отпускает героя.

Пламя любви у М. Зенкевича будет преобразовано в образ преисподней, которая должна спасти лирического героя и приблизить его к Элен–Беатриче:

Я должен пламенем душу омыть²⁶,
В волнах биллионолетий купаясь.

Ориентация на «Божественную комедию» Данте и создает игру антиномий в тексте М. Зенкевича: адский жар чередуется с трупным холодом, снежная эпитрахиль — с пламенем преисподней, огонь — с волнами. Как для героя Данте огонь есть одновременно противоположность и слияние со льдом²⁷, так и М. Зенкевич сближает рай и ад, давая герою возможность, сгорев в пламени преисподней, спасти душу. Трагедия крушения лайнера приобретает для лирического «я» черты метафизические: искупление и со-

²⁶ В стихотворении А. Блока «Как свершилось, как случилось?...» герой стоит «среди пожарищ, / Обожженный языками / Преисподнего огня». Это описание поэтической судьбы, по наблюдению А. А. Асояна, связано с «Божественной комедией» Данте: «Сам Блок считал: “Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла <...> только оно может стать великим”. Этому замечанию сопутствуют мотивы “обожженного лица”; они почти неизменно возникали у Блока, как только его мысль была занята судьбой художника» (Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990. С. 188). Исследователь анализирует статью А. Блока «Немые свидетели», где поэт, размышляя об истории России, проводит аналогию с дантовской поэмой: «Из глубины обнаженных ущелий истории возникают бледные образы, и языки синего пламени обжигают лицо. Хорошо, если носишь с собой Вергилия, который говорит: “Не бойся, в конце пути ты увидишь Ту, которая послала тебя”» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М; Л., 1962. Т. 5. С. 390).

²⁷ В той же песни XXX «Чистилища» Данте напишет о переживании раскаявшегося героя, увидевшего Беатриче:

*lo gel che m'era intorno al cor ristretto,
spirito e acqua fessi, e con angoscia
de la bocca e de li occhi uscì del petto.*

мороз, со всех сторон теснивший *Лед, сердце мне сжимавший как тисками,*
мне сердце, *Стал влагой и дыханьем и, томясь,*
обессилел до испарения и влаги, *Покинул грудь глазами и устами.*
и с беспокойством
высочил из груди через уста
и глаза.

Пер. Г. Васильевой

Пер. М. Лозинского

Только что чувствующий трепет огня в своих жилах, герой, мучимый стыдом, почти не слышит стук своего сердца, оледеневшего от сокрушения.

единение с Элен возможно только для преодолевшего «концентрические круги» Ада и Чистилища.

Важный для М. Зенкевича дантовский подтекст позволяет увидеть героя посредине «странствия земного» на фоне трагедии крушения лайнера. Возможность искупить прежние «прегрешения» («И я был между теми, / Кто платил юности безумные дани») сюжетно сближает героев «На “Титанике”» и «Божественной комедии». Гибнущий лайнер становится метафорой Ада и Чистилища, ведущих героя в Рай к Беатриче (Элен). Если катастрофа виделась А. Блоку победой стихии над жалким человеческим разумом, а Брюсов, забыв о ней, переживал создание «Титаника» как торжествующую песнь цивилизации, то М. Зенкевич открывает крушение лайнера как переход в новое духовное пространство²⁸, способное очистить героя и привести к свету. В созданном на стыке акмеистической и футуристической поэтики стихотворении Зенкевича «Титаник» выглядит земным и плотским — радостным, рвущимся вперед, как зверь, полный сил, и одновременно подобным кубической картине, где изображение живого существа открывается через пересечение линий, столкновение зигзагов, молний, вспышек — сочетания конкретных предметов и абстрактных понятий, слитых воедино. Дантовский мир преображается до неузнаваемости, но остается тем же самым Адом, сквозь круги которого герой идет в Рай к своей Беатриче.

²⁸ Не случайно именно «Титаник» оказывается тем местом, где разворачивается действие. Это своего рода метафора «сумрачного леса» Данте. «Мир океанских лайнеров — мир без твердой почвы — это нереальный мир», — указывает Х. У. Гумбрехт (*Гумбрехт Х. У.* В 1926 году: На острие времени. С. 204).

АВТОПОРТРЕТ В ЛИЦАХ ПОЭТА АЛЕКСАНДРА РОММА

Не забудь, что я испанец
и люблю печаль.
Пабло Пикассо

Александр Ильич Ромм (1898–1943), «поэт, филолог, интеллигент, переводчик»¹, остался «тенью» в чужих судьбах. Все сочинено, но не записано. Читателем, не изучавшим специально историю литературы, его имя почти забыто. Книга «Ночной смотр» (1927), куда вошли 24 стихотворения, была опубликована тиражом в 700 экземпляров. Это далеко не маленький тираж². Но, по свидетельствам друзей, А. В. Чичерина и С. Я. Парнок, А. И. Ромма разочаровал первый сборник. И поэт «вскоре полностью скупил его тираж»³. Ныне книга практически недоступна. Скучность сведений отчасти объясняет отсутствие исследовательского интереса к этому эпизоду русской культуры. До сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительного издания сочинений А. И. Ромма. Подборку стихов в интернет-журнале подготовил М. Л. Гаспаров, предварив ее биографической справкой⁴.

А. И. Ромм был среди тех, кто продолжал классическую традицию в поэзии. В. К. Звягинцева, М. А. Зенкевич, К. А. Липскеров и другие завершали Серебряный век; их называли неоклассиками. София Парнок пишет о поэтах, «кому на долю выпало печальное событие быть последними в роде»⁵. Она определяет родовые особенности «сверстников». С их поколением отмирает не поэзия, но «пушкинский период ее, т. е. поэзия — как духовный подвиг»⁶. Мало что успевший завершить, А. И. Ромм является идеальным символом того поколения, которое видело закат Серебряного века. Вокруг

¹ Из письма Михаила Ромма от 26. IV. 1928 г. См.: «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р. М. Янгирова // Киноведческие записки. 2001. № 50. С. 164.

² Например, единственный сборник стихов его друга Бориса Горнунга был издан в 1925 г. в 50 экземплярах.

³ Громова Н. А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20–30-х гг.). М., 2006. С. 27.

⁴ Ромм А. Стихи 1927–1928 гг. / Публикация и вступит. статья М. Л. Гаспарова // Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quaterly. University of Toronto. № 2. 2002. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/02/romm.shtml>. Дата обращения: 3.12.2010.

⁵ Парнок С. Я. Сверстники. Книга критических статей. М., 1999. С. 101.

⁶ Там же.

него сама по себе создается атмосфера некоторой приглушенности эмоциональных реакций и интонаций. Только внутреннее содержание этой атмосферы может быть очень разным ⁷.

Официальный *cursus honorum* А. И. Ромма предстает в следующем виде. Закончил историко-филологический факультет МГУ, был членом президиума Московского Лингвистического Кружка (МЛК). Участвовал в альманахах «Гиперборей» и «Мнемозина» ⁸. Его литературный вкус был безупречным и взыскательным. Как и многие участники МЛК, занимался переводами и теорией перевода ⁹. В МЛК представлен целый ряд филологических, исторических, философских вопросов перевода. В этом проявилось типичное для эпохи Серебряного века сближение науки и художественной культуры. В письмах будущего кинорежиссера М. И. Ромма к брату — наряду с обращениями «дорогой единоутробник», «дорогой орденоносный брат-моряк», «дорогой подполковник» — есть и такое: «дорогой брат и переводчик» ¹⁰. М. И. Ромм пишет об областях, где бы Александр мог проявить свою одаренность. Его будущие достижения он вписывает в стратегию движения вдаль от проторенных дорог, с их густой сетью институциональных условностей. «Твое честолюбие особого сорта: оно не может быть удовлетворено ни выпуском книжки стихов, ни рецензией перевода, ни докладом в ГАХН (во всяком случае, удовлетворение на сколько-нибудь продолжительный срок). Кто там у Ницше алчет духом? Конь? Лев? Ребенок? По-видимому, последнее и есть то самое, что нужно, и значит недаром мне пришла в голову военная служба. Нужно тебе раз и навсегда осознать прочно, что карьера — всякая карьера — это не наше с тобой дело и не нашей талантливости абсолютный тон» ¹¹. Оба брата понимали, что в освященных многовековой историей дисциплинах и в поэзии ренту извлечь нельзя.

⁷ См.: *Васильева Г. М.* Поэт Александр Ромм в поисках сущности культуры // II Congreso Internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010. In 2 t. Granada, 2010. T. 2. С. 1108–1113. Публикация этой статьи избавляет меня от необходимости более подробного освещения некоторых вопросов в данном сообщении, дает возможность сконцентрироваться на иных темах. — *Г. В.*

⁸ См.: *Поливанов К. М.* Машинописные альманах «Гиперборей» и «Мнемозина» // *De visu*. М., 1993. № 7. С. 46–49.

⁹ См., например: *Нейштадт В. И.* «Чужая лира»: переводы из современных немецких поэтов. М.; Пг., 1923. 5 марта 1925 г. А. Ромм выступил в ГАХН с докладом «Оригинал и перевод». См.: *Тоддес Е. А., Чудакова М. О.* Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского Лингвистического кружка // *Федоровские чтения-1978*. М., 1981. С. 230.

¹⁰ «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма. С. 162, 172, 179, 182.

¹¹ Там же. С. 164.

Поэты жили в тесных дружеских кружках. Члены МЛК представляли, прежде всего, как персональное воплощение этимологического значения слова «филология». Они любили язык во всех его проявлениях: будь то общеславянское языковое единство, башкирский фольклор, говоры, речения, находящиеся на грани между языком и поэзией, или же развитые формы индивидуальной поэтической речи. Главной идеей было рождение слова, интерпретирующего или расшифровывающего реальность в ее разумных формах.

Изучение классических языков им нужно для того, чтобы выработать приемы для освоения любого языка. Ведь «кто знает язык, тому все доступно: и жизнь, и поэзия, и искусство, и мысль того народа, чей язык он знает»¹². Очередной логический шаг заключается в следующем: учить чужие языки необходимо, чтобы уметь переводить. Именно перевод является условием разговора. Из технического лингвистического понятия он становится принципом философской рефлексии¹³. Переводами в широком смысле слова фактически оказывались различные сдвинутые (относительно времени создания) рецепции творчества писателей, ученых.

Для художественного опыта А. И. Ромм ищет лингвистические основания, принимая во внимание различие подходов. Осмысляя схождения художественных и лингвистических практик, поэт демонстрировал глубокое понимание эволюции и актуального состояния лингвистики. Ромм переводил «Cours de linguistique générale» Ф. де Соссюра. Впрочем, перевод был прерван недовольством Ш. Балли. Французский лингвист Женевской школы, ученик и последователь Ф. де Соссюра полагал, что переводчик не согласовал свои намерения с издателем¹⁴.

А. И. Ромм скептически относился к «философам языка». Для него существует прежде всего лингвистический предмет исследования. А. И. Ромм стремится опереться на строгую чистоту критериев современной лингвистики. Однако речь идет не только об исследовании языка, но о лингвистической проблематике в самом широком смысле слова. Природа смысловых единиц последовательно усложнялась в его работах от «сем» до целостных «состояний души», которые традиционно принято называть страстями. Поэт

¹² См.: Письмо Г. Г. Шпета к дочери Леноре от 16 декабря 1919 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 291.

¹³ Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы / Пер. с англ. О. В. Звегинцевой М., 1985. С. 361–368.

¹⁴ См.: Вельмезова Е. В., Щедрина Т. Г. Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи») // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / Под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2009. С. 106–126.

и ученый старается сосредоточиться на анализе общих мыслительных тенденций, возможностей эпохи, запечатленных в ее дискурсивных практиках. Ему близки взгляды Ф. де Соссюра, для которого письмо было не столько самостоятельной знаковой системой (хотя формально он и признавал ее независимость), сколько образом, репрезентацией звуковой системы языка. А. И. Ромм обобщает идею «сонантических коэффициентов» Ф. де Соссюра, высказанную им еще в знаменитом «*Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*» (1878).

Одна замечательная мысль Ф. де Соссюра пока еще не получила плодотворного развития. Лингвистика и другие семиотические дисциплины оперируют, как и экономика, категорией ценности. Именно поэтому в них необходимо строго разделять синхронный срез и диахронию. Как и по отношению к биологической, социальной эволюции человека, особую значимость приобретает выявление в синхронном состоянии языка унаследованных архаических черт.

Язык и культура — это система, где все «держится» одно за другое. Интеллектуальным контрапунктом становится проблема разговора (диалога — по современной литературоведческой терминологии). А. И. Ромма интересуется разговорный анализ, разговор во всей его целостности: смена речевых действий, эмоциональные интонации, экспрессивные звукосочетания в непосредственном живом разговоре, обстановка и атмосфера¹⁵. Может возникнуть мысль о том, что речь идет о сопоставлении с концепцией диалога в духе М. М. Бахтина. Такова для большинства читателей первая ассоциация при слове «диалог». Идея разговора у А. И. Ромма радикально отличается от бахтинской, а иногда оказывается противоположной ей по смыслу. М. М. Бахтин неоднократно подчеркивал, что для него важны не системы и коды, но «голоса». «Последовательная формализация и деперсонализация: все отношения носят логический (в широком смысле слова) характер. Я же во всем слышу *голоса* и диалогические отношения между ними»¹⁶.

А. И. Ромм трактует «разговор», развивая структурно-семиотические позиции: это попеременный обмен репликами между говорящим и слушаю-

¹⁵ По сути эта тематика вписывается в дискуссию о разговоре между Г. Г. Гадамером, Р. Рорти и М. М. Бахтиным, которую реконструировал Дон Бялостоцки. См.: *Бялостоцки Д. Разговор — как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. М., 2004. С. 75–87. См. также: Балли Ш. Язык и жизнь / Пер. с франц. И. И. Чельшевой, Е. В. Вельмезовой. М., 2003.*

¹⁶ *Бахтин М. М. Разрозненные записи // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2005. Т. 6. С. 434.*

шим. Речь идет о смене позиций «прием — передача» как общесемиотического и лингвистического механизма. У М. М. Бахтина мы вряд ли вспомним хотя бы один контекст, где диалог трактуется подобным образом. Далее, у А. И. Ромма позиции тех, кто вступил в общение, ассиметричны. Люди говорят на «разных языках», и семиотические структуры этих языков различны. Фактически любой разговор возможен лишь при наличии общего языка. Но для того чтобы его выработать, нужен перевод. Члены МЛК понимали перевод не только в узком и собственном смысле слова: с языка на язык. Фактически любое преобразование опыта в текст является переводом. Культура, по убеждению А. И. Ромма, функционирует как знаковая система. Основным структурным (и структурирующим) устройством в ней выступает естественный язык. Поэтому проблема перевода возникает в тот момент, когда жизненный опыт претворяется в культуру.

Установленное «родство» и «братство». Родовая мифология, созданная поэтом, воплотилась в его творчестве, в книге «Ночной смотр»¹⁷. Принцип соединения «кровей» является значимым для биографического мифа А. И. Ромма. Он представляет себя наследником разных этносов и национальных культур. Размышления о взаимоотношениях Востока и Запада оказываются фоном и формой для раздумий о собственном происхождении. А. И. Ромм писал:

Чужой судьбы сочувственный изменник
И перекройщик собственной судьбы,
Я двух миров невыкупленный пленник
И безразличный зритель их борьбы (21).

У поэта не было универалистских амбиций. Это устремление означало бы непременною ассимиляцию и отречение от своих корней. А. И. Ромм считал себя потомком иерусалимских изгнанников. Они, по словам библейского пророка Овадьи, оказались «в Сефараде» (3 Цар. 17, 9). Говорили они на ладино — испано-еврейском языке сефардов, сохранявшем некоторые архаические черты¹⁸. Одно из оснований для формирования характера его предков — то рассеяние по миру, которое было предназначено им. Судьба определила дальние пути. Возникает сложный выбор. Пытаться стать «своим» далеко не всегда означает прагматическое приспособление. Часто это искреннее желание понять другого. А. И. Ромм в стилизации «Не служивал царю мой дальний пращур» квалифицировал своего предка так:

¹⁷ Ромм А. И. Стихи. Ночной смотр. М.: Узел, 1927. Далее цитаты приводятся по данному изданию с указанием страницы в тексте статьи.

¹⁸ См.: Lipski J. M. Latin American Spanish. L.; N. Y., 1998. P. 24–25.

Наверно, талмудический филолог
 В какой-нибудь ученой Саламанке,
 Еврейских букв священные квадраты,
 Которых не умею я читать, —
 Сухому и горячему экстазу
 Раскачиваясь в такт, следил он жадно,
 Цепями раскаленных силлогизмов
 Вплетаясь в сеть презрительных веков (13).

Характерной особенностью является риторическая отсылка к «Моей родословной» А. С. Пушкина (1830). С эпохи Просвещения признание Республики Словесности основывалось на том, что люди образованные и мыслящие составляли особую социальную категорию. Они были «ближе друг к другу, чем к своим соотечественникам, коллегам или представителям соответствующих социальных слоев»¹⁹. В русской культуре существовал интеллектуальный спрос на употребление «подобий»²⁰. В «Воспоминаниях о Пушкине» (1866) приводится остроумное (учитывая наличие «дяди-поэта» — В. Л. Пушкина) упоминание аллегорического родства с Назоном как «двоюродного»: «Так [Спартанцем — Г. В.] Александр Сергеевич и прежде называл В. Ф. Раевского, а этот его — Овидиевым племянником»²¹. Метафорические «сближения по сходству» с вымышленными или историческими персонажами могли быть (в меру «остроты ума») довольно прихотливы. К «сближению» современника с его легендарным прототипом располагали внешняя похожесть адресата какого-либо дружеского послания на эталонную персону (иконографические сведения о героях подчас довольно скудны) — и, в особенности, подобие положений.

В русской поэзии XX в. не были редкостью родовые мифологии, созданные на основе многонациональных семейных линий: от лирических «Моих предков» (1907) М. А. Кузмина до декларативной «Родословной» (1959) Ю. И. Айхенвальда и «Родословной» (1964) Вениамина Блаженных²². В по-

¹⁹ *Тавареш Р.* Небольшая книга о великом Землетрясении. Очерк 1755 года / Пер. с португальского Е. Г. Голубевой. СПб., 2009. С. 164.

²⁰ Определение «степеней родства» в писательской среде по ряду сюжетов и общей интенции восходит к литературной полемике XVIII в. См.: *Степанов В. П.* Полемка вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 226–227.

²¹ Цит. по: *Мир Пушкина. Альбом* / Сост. Э. С. Лебедева, Е. В. Пролет, Г. С. Тюрина. М., 1990. С. 72.

²² Этот псевдоним Айзенштадта являлся как бы родовым именем и говорил скорее о предках его носителя.

этическом смысле так же достаточно традиционна тема Испании (ср. баллада Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем»). М. Ю. Лермонтов какое-то время искал себе еврейских предков и создал «еврейскую» драму «Испанцы» (1830). Стихотворение А. С. Пушкина «Альфонс садится на коня» (1836) написано по мотивам «Manuscrit trouvé à Saragosse» Яна Потоцкого (1804). Главный герой произведения — молодой дворянин фламандско-испанского происхождения Альфонс ван Ворден.

Нетривиальны в личной мифологии Ромма два момента. Во-первых, речь идет о религиозном типе интеллектуализма. Конфессиональная практика, а именно талмудическое ученичество, была нормой в еврейской диаспоре. Она задавала первичные правила поведения людей и, более того, питала систему общепринятых ценностей. На ее вершине находилось знание, ценившееся более всех богатств. Для того чтобы постичь книжное учение, нужно было приобрести целый ряд навыков: умение слушать наставников, усидчивость, привычка к добросовестному собиранию фактов, грамотность. Во-вторых, лингвистическая составляющая родовой мифологии, лингвистический «портрет». А. И. Ромм был одержим изучением языков. По его работам читатель может судить, какими языками он в той или иной степени владеет. Ромм связывает это знание с историей своей семьи. Установленное «родство» усугубляется версией «братства»:

Так у меня подходит к горлу сердце,
Когда сижу над трудным местом Плавта:
Не кровь струится в побледневших жилах,
Но древняя и горькая вода,
Замешанная пылью библиотек (13).

В «Письме о судьбе» Ромм отмечал: «И я думаю, что именно в языке народа мы можем найти воздух судьбы [...] Самое русское слово *судьба* существенно связано не только с назначенным, предуказанным, но и с обдуманым, осознанным»²³. Так, начинаясь художественной отгадкой, судьба завершается осознанным действием.

«Ночной смотр»: риторика визуального образа. Одноименное сочинение уже было в истории культуры. «Ночной смотр» (1836) — так называлась баллада В. А. Жуковского. Это перевод стихотворения «Die nächtliche Heerschau» (1827) австрийского поэта И. Х. фон Цедлица. Как известно, баллада посвящена Наполеону, недавнему противнику России. Место дей-

²³ «Письмо о судьбе» Александра Ромма // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 216.

ствия — Бургундия, родина Андре Шенье. В первые послереволюционные годы А. М. Ромм перевел три антологических стихотворения А. Шенье²⁴.

Б. В. Горнунг откликнулся «Посланием А. И. Ромму (В ответ на посвящение сборника “Ночной смотр”»)). Друг указывал прежде всего на пушкинскую традицию и психологический строй поэзии В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, автора элегии «Андрей Шенье» (1825): «[...] и утром воскресающей отчизны, / В Псалмах врачуя ранние обиды, / Помолимся о сие его души»²⁵.

И все же при первом знакомстве с произведением важно отойти от достоверности смыслов, которые «сами собой разумеются». Это нелегкая процедура — отказать нашим прежним культурным запасам в «пособничестве». Безусловно, название поэтического сборника А. И. Ромма — с «открытым исходом». Здесь соединяются два разных измерения: «краткое теперь» и «бесконечное завтра». На мой взгляд, заглавие соотносится с понятием «шаубенахт» (шаутбенахт). Слово заимствовано Петром Великим из нидерландского языка: «schout bij nacht» значит *смотри ночью*. В годы войны А. И. Ромм станет интендантом II ранга, военным корреспондентом Черноморского флота. Лингвист, он не мог не знать, что слово «шаубенахт» обозначало чин младшего морского генерала, соответствующий нынешнему контр-адмиралу. Это звание присваивается офицеру, который находится на передовом корабле флота и прозревает опасности в ночи. Очевидно, что название сборника задает высокое отношение к миссии поэта, впередсмотрящего. Отзываясь на поэтические опыты младшего брата, М. И. Ромм в письме от 27 января 1928 г. отмечал «очень большую точность и собранность глаза»²⁶.

Предметом размышлений становится конвенциональное суждение глаза. Глаз — солнце, Божие око, оберег. Подобный оберегающий знак можно увидеть на борту каталонских рыбацких лодок. Только для современного мастера смысл древней мудрости «Я смотрю — значит я существую» (слова откровения из древнеегипетской «Книги мертвых») не отягощен ни мифом, ни мистикой, ни суеверием. Поэт пытается осмыслить эволюцию визуальности и систем пространственных построений: от элементарно-ритмических форм и перспективы до бесконечного пространства-времени. А. И. Ромм продолжил классическую традицию художественно-лингвистических штудий и обращения художников — для прояснения визуальных апорий — к лингвистике как идеалу синтетического постижения мира. В его любимой науке был

²⁴ Гречаная Е. П. Стихотворения Андре Шенье в русских переводах и подражаниях // Андре Шенье. Сочинения. 1819 г. М., 1995. С. 396–397.

²⁵ Горнунг Б. В. Поход времени: В 2 кн. М., 2001. Кн. 1: Стихи и переводы. С. 125.

²⁶ «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма. С. 155.

воплощен методологический идеал классической *clarté*. Ромм представил опыт формирования нового художественного языка, преодолевающего диссоциацию времени и пространства. Визуальность замедляет время или даже его останавливает. Гетевское «замирание времени» здесь явлено сполна.

Поэтика сборника А. И. Ромма соотносится также с жанром пассакалии (исп. *passacalle*, от *pasar* — проходить и *calle* — улица). Пассакалия имеет в своей основе испанские корни. Она состоит из серии вариаций на неизменную тему, как правило, *basso ostinato*. Медленная и по содержанию скорбная, пассакалия имеет торжественный характер. Для А. И. Ромма важно, что это музыка без слов: именование вещи в другом языке неизбежно ведет к иной фонетике слова²⁷. Поэт не мог бы игнорировать музыкально-фонетическую целостность источника. Выразительность вокальной интонации сочиняется композитором в расчете на ее озвучивание посредством определенных гласных и согласных, наличия нужных слогов в слове и ритма всей фразы. Стихотворения в сборнике «Ночной смотр» тематически и метрически однородны. Это позволяет исключить любой намек на «игровую» (в широком смысле) природу текстов, обратиться к пророческой функции поэзии, в принципе чуждающейся формальных изысков.

Глухой гримасою землетрясения
Еще искажено лицо земли,
И отгулом вчерашних катастроф
Еще невольнo вздрагивает сердце.
И человечество, под голым небом
Голодный, голый, выгнанный Адам,
Дрожит на налетающем ветру,
На только что осевшем континенте (9).

Знаменательно, что именно в романтической теории искусства Фридриха Шлегеля метафора «музыка жизни» приобрела характер научного термина²⁸. Эту «музыку жизни» А. И. Ромм понимает прежде всего как музыку жизни, и лишь затем — как музыку «небесных сфер».

Переводы А. И. Ромма: диалектика текста и жанра. У поэта была большая переводческая практика. Она связана и с попыткой приблизиться к подлиннику, и с экспериментами, отходящими от оригинала достаточно далеко. С начала 1920-х гг. А. И. Ромм публиковал переводы из французской и немецкой поэзии в литературно-художественном журнале «Красная новь»

²⁷ Попытка привить национально-испанскую стиховую форму на русской почве была уже сделана: катенинский вариант стиха испанских романсов.

²⁸ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб., 2001. С. 98–105.

(где сотрудничал на договорных началах). В творчестве А. И. Ромма есть переводы из «воображаемого подлинника», которые к авторам отношения не имеют (Гидаш Антал, Эмми Сяо). Он пытается сохранить стилистико-синтаксические особенности их поэзии. И довольно много «метапереводов», если воспользоваться термином Е. Г. Эткинда²⁹. Поэт может перевести одну строку, а далее — вольная вариация на тему, намеченную в оригинале. В поэзии Ромма наглядно проявилась диалектика малого и большого контекстов. Обратимся к переводу баллады И. В. Гете «Vor Gericht» (1776)³⁰. Его взгляд на творчество И. В. Гете — это не столько рецепция, сколько избирательная интерпретация. Перевод точный, иногда дословный. Приведу треть четверостишие:

Soll Spott und Hohn getragen sein,	Коль надо стыд и срам снести,
Trag' ich allein den Hohn.	Одна снесу я стыд.
Ich kenn' ihn wohl, er kennt mich wohl,	Я знаю его, он знает меня,
Und Gott weiß auch davon.	А Бог на обоих глядит.

«Spott und Hohn» (насмешка и глумление) А. И. Ромм переводит как «стыд и срам». Мотив стыда органически присущ если не этой ранней балладе И. В. Гете, то трагедии «Фауст». Жанр был для А. И. Ромма «большим контекстом», преодолевающим тесные рамки «малого» контекста: эмпирически данного оригинала. С ориентацией на жанр связаны традиционные поэтические формулы: «Умру — не скажу, от кого понесла / Дитя под сердцем я» («Von wem ich's habe, das sag' ich euch nicht, / Das Kind in meinem Leib»). В балладе А. И. Ромм раскрыл внутренние возможности трагического сюжета. Это одно из воссозданий образа Гретхен. Воспользовавшись сюжетной схемой трагедии, поэт извлек все, что потенциально в ней содержалось. Развернута метафора бессилия природы человека: ему открыт мир, но скрыты истоки тайных движений собственной души. Таким образом, возникает перевод и конкретного, и некоего обобщенного текста: он существует в совокупности различных стихотворных произведений. Поэт подбирал ритмически соответствующую оригиналу форму. Искал не только ритм, но и целостную стилистическую систему.

Заключение. В центре лингвистических дискуссий кружковцев стоял вопрос о социальной, межличностной природе сознания, познания, культуры и истории. Проблема становится особенно актуальной в связи с растущим интересом к биографии. Опубликованы биографии «Гете» (1913) и «Рембрандт» (1916) Г. Зиммеля, одного из авторов сборника «Логос». Содержанием био-

²⁹ Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 158.

³⁰ Goethe I. W., von. Werke, in 14 Bde. München, 1989. Bd. 1. S. 85.

графии не является просто личная жизнь человека и его психология. Биография воспринимается как форма творчества, наряду с искусством, политикой, наукой и философией. Такое понимание отсылает к идеям И. В. Гете и к книге «Lebensformen» («Формы жизни») Э. Шпрангера³¹.

В организации внутренней истории жизни человека для И. В. Гете были важны понятия энтелехии и метаморфозы. «Энтелехия» мыслится в онтологическом плане. Она подразумевает бессмертие человека, его деятельную силу, направленную на активную жизнь, развитие и совершенствование. Эта сила предшествует индивидуальному физическому бытию и сохраняется после его прекращения.

Вопрос об индивидуальности, порождающей художественный текст, обсуждается в МЛК. 28 июля 1928 г. М. И. Ромм писал брату со станции Дивизионная Иркутской области: «В конце концов, мы еще имеем все основания жить — и жить будем. Жизнь нужна тебе — не только ты жизни!»³². Мотив жизни остается особой, отдельной темой с непредрежденным финалом. Но одно из обращений, «великодушный и страждущий брат мой»,³³ в известном смысле предвосхищает трагический исход жизни А. И. Ромма. 2 октября 1943 г. А. И. Ромм покончил с собой. Поэт пытался разделить то, что, казалось, признано обществом и потому должно быть справедливым. Внешние уступки, выразившиеся в тактическом использовании официального жаргона, не смогли спасти А. И. Ромма.

Современник А. И. Ромма, испанский философ М. де Унамуно-и-Хуго говорил о «трагическом чувстве жизни» как об особом достоянии Испании и испанцев³⁴. Оно способно противостоять рациональному оптимизму мировосприятия других европейцев. «Испанцу» А. И. Ромму было присуще это «драматическое» чувство жизни. Но поэт связывает абсолютное проявление в поэзии драматического начала с самыми разными явлениями: и с испанской культурой, и с наследием И. В. Гете. Оно воплощается также в печальных и счастливых приключениях, географических перемещениях, вовлекающих полмира, и в финальном возвращении на родину. Два измерения человеческой жизни — внешнее и внутреннее, общее и частное — могут быть разделены, отграничены и, наконец, вписаны в нечто большее. Поэт был человеком, «случайно попавшимся» на дороге истории.

³¹ *Spranger E. Lebensformen. Geistwissenschaftliche Psychologie. Halle, 1914.*

³² «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма. С. 172.

³³ Письмо от 26 апреля 1928 г. Там же. С. 164.

³⁴ Например, его сочинение «Del sentimiento trágico de la vida», 1913.

ПРОБЛЕМА НЕЗАВЕРШЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Европейская литературная поэтика, от Аристотеля до современных литературоведческих теорий, по умолчанию ожидает от автора создания законченного в смысловом отношении текста и *завершенного* в эстетическом отношении произведения. В соответствии с этой тотальной поэтической нормой автор литературного произведения — будь то пьеса, сонет, роман или что другое — приводит свое произведение в некий завершенный и окончательный вид.

Особенно отчетливо этот принцип проявляется в эпике: повествовательная фабула должна быть закончена и досказана, а герой в действии должен прийти к своему окончательному ценностному статусу. Линии развития фабулы и героя должны слиться в финале, который в поэтологической традиции именуется привычным школьным словом «развязка». Покажем это на примере «от противного», как говорят математики. Так, в «Дубровском» А. С. Пушкина в момент последней встречи главного героя с Марьей Кирилловной в лесу (после ее венчания со стариком-князем) происходит резкая смена эстетических интенций повествования. Героиня решительно отказывается от побега с Дубровским, чем нарушает закономерное развитие сложившейся было авантюрной фабулы. Тем самым смысловой центр повествования переносится на сюжетное начало — и в его смысловом центре оказывается уже не герой, благородный разбойник Дубровский, а героиня — Марья Кирилловна, супруга князя Верейского, несчастливая, но верная своему мужу. Эстетическая переориентация сюжета происходит слишком поздно, и фабула романа заходит в тупик: герой его слишком авантюрен и по своей событийной форме, и по смысловому существу, чтобы явиться героем драматического сюжета княгини Марьи Верейской. Роман остается недосказанным в своем повествовательном тексте и незаконченным как литературное произведение.

За рамками художественной литературы принцип законченности / завершенности текста и самого словесного произведения все так же всемогущ. В соответствии с этим принципом организованы многообразные речевые жанры, иначе — жанры дискурсов, соотносящихся с различными социокультурными сферами — деловой, юридической, публицистической, научной, образовательной и др. В самом деле, трудно себе представить намеренно не законченное и направленное при этом адресату деловое письмо, или договор без рек-

визитов или подписей сторон, или научную статью, оборванную на полуслове и лишенную выводов, обобщений и списка использованной литературы.

Таким образом, в систему авторской практики и читательского ожидания в современной словесной культуре входит обязательная установка на создание и восприятие *целого* текста и *целостного* произведения.

Ведение классического (бумажного) личного дневника также укладывается в классическую парадигму законченности / завершенности. Личный дневник подразумевает определенную целостность записи, которая ограничивается хронологическими, личностными и, в широком смысле, идеологическими рамками. Ведущий дневник пишет о том, что произошло с ним за день, за неделю или за любой другой — но заведомо конечный — промежуток времени и жизни. При этом записи в личном дневнике преимущественно ориентированы именно на *личность* пишущего — это *его* дневник, история *его* личности, написанная в рамках *его* личностной идеологии как некоего целостного взгляда на собственную жизнь, судьбу и мир.

Вместе с тем в мире частных интернет-коммуникаций, в том числе в так называемой *блогосфере*, мы можем наблюдать принципиально иную картину. В основе построения самой блогосферы лежит обратный принцип относительной незавершенности текста и его последующего развития в сети посредством читательских и собственно авторских комментариев, с возможностью его спонтанного коллективного завершения. Таким образом, у текстов блогосферы нет классического единого, окончательного и безусловного автора, который создает *целый* текст и *целостное* высказывание (произведение), а есть автор вопроса, зачина, темы, отправной позиции и мнения, иногда коммуникативной провокации, а иногда вообще неопределимой белиберды, и к его начальному авторству спонтанно и разнородно присоединяются соавторства других голосов в сети. В итоге высказывание (произведение) в значительной степени обобществляется и только в совокупности причастных к нему соавторских голосов получает свою относительную завершенность, а текст его, скорее, не заканчивается, а исчерпывается в своем развитии и движении от комментария к комментарию. Можно провести зоологическую аналогию: так совместно, в обмене, переваривают пищу муравьи (это называется *трофаллаксис*).

Все это в теории противоречит, а на практике противостоит раскрытому выше принципу законченного текста и завершенного произведения, столь характерному для стандартной европейской поэтики, но в этом нет проблемы, поскольку текстовая традиция и самый дискурс блогосферы выстраиваются не в русле поэтики, а в русле риторики.

Мы говорим в данном контексте не об учебной риторике как своде правил о построении публичной речи, о полном раскрытии темы, об эффективном

убеждении собеседника и т. д. Речь идет о риторике неотрефлексированной, спонтанной, в большей мере характерной для стихии свободного, неподготовленного устного выступления, для стихии произвольного диалога и спора. В этой стихии автору не дано доделать или переделать текст выступления, да и самого текста нет, а есть речь, изначально незамкнутая и завершаемая в известной мере спонтанно — при ощущении достижения риторической цели, а может быть, и из-за банальной нехватки времени или потери внимания собеседника. Но также люди пишут и в блогосфере — урывками, в промежутках между делами, просмотром телепередач, чаепитием и т. п.

Самое интересное и значительное здесь — это то, что стратегия неполноты коммуникации — назовем ее так в нашем рабочем формате — захватывает и собственно художественные или хотя бы претендующие на художественную самодостаточность тексты так называемой «литературы в сети», или «сетературы». Таково, в частности, творчество недавно и безвременно умершего сетевого писателя Дмитрия Горчева.

Его тексты вполне художественны, хоть и очень своеобразны, и часто неприемлемы в языках и контекстах официальной культуры. Порой вполне ощутимо авторское стремление закончить эти тексты и завершить их в статусе целостного, самодостаточного произведения. Однако бытуют эти тексты в среде моментальных откликов и комментариев блогосферы, что разрывает их потенциальную самодостаточность. Читатели блога Д. Горчева, по большей части, воспринимают эти тексты не как произведения, а как «месседжи» с диалоговым потенциалом, как записи в интернет-дневнике, собственно в блоге, и отвечают на них по-разному, кто на что горазд: кто-то в меру своих талантов подхватывает зачин писателя, кто-то отвечает в игровом стиле, а кто-то — и на банально-бытовом уровне. Сам производитель текстов, понимая это, уже и не стремится их обособить и оцельнить — и вместе с тем обособиться собственно в литературного автора. Поэтому в инстанции высказывающегося остается очень много от биографического, реального Д. Горчева — лирического созерцателя жизни и «дауншифтера».

Приведем несколько характерных текстов.

13.01.2010. Продукты.

Очень удобно в деревне зимой с продуктами.

Это летом чуть не уследил — и вот уже потекло, прокисло, протухло, весь дом провоняло, а остальное мухи съели. Ну или сороки сп...ли. Или крот выкопался, схватил что попало и бегом обратно в нору запихивать. А не видит же ни..., слепой, вот и запихает куда-нибудь в галошу. Наденешь эту галошу — а там как-то внутри нехорошо.

А зимой он пусть попробует выкопаться — я вчера лопату, воткнутую в землю еще по осени в огороде, полчаса выколупывал из этой земли ломом.

И продукты тоже: купишь в автолавке кирпич молока, кирпич кефира и что-то еще каменное, кажется, яйца, и пролежит оно хоть до самого апреля, если конечно не класть их в теплое место вроде холодильника.

Вчера вот, разбирая шкаф в сенях, нашел пакет картошки. Хотел было эту картошку почистить, но ни один ножик ее не взял, даже швейцарский. Ну, порубил топором на куски и так сварил. Получилось замечательное сладкое блюдо: чистый батат, которого я ни разу не ел.

Хорошо, в общем (<http://dimkin.livejournal.com/2010/01/13/>; здесь и ниже в круглых скобках приводится адрес текста в сети Интернет. — *И. С.*).

Перед нами вполне законченная лирическая миниатюра, написанная в тонких тональностях иронической идиллии и достойная отдельной странички в книге избранных произведений автора. На первый взгляд, она не нуждается в каких-либо распространениях — но это если ее поместить именно в *книгу* как заповедник авторских текстов, охраняемый традиционной бумажной культурой. На самом же деле этот текст живет в сети и открыт для живого диалогического отклика, дописывания и переписывания.

Вот первый отклик, практически снимающий тонкие эстетические смыслы авторского текста и переводящий смыслы произведения в житейское измерение:

У меня на балконе замерз пакет луку, привезенного с дачи. Выбросить хотел, да потом передумал. И не зря, как оказалось — лук этот самый режется вполне себе хорошо, и, сука, глаза не выедает. А будучи пассерованным — вполне себе луковый лук получается. В боржч набросал — вкусно. В фарш для чебуреков положил (вернее, мясо в этот лук добавил) — чуть пальцы себе не пооткусывали, так вкусно получилось (<http://dimkin.livejournal.com/442788.html>; все последующие комментарии к тексту расположены по этому же адресу; здесь и ниже сохранена орфография и пунктуация авторов откликов. — *И. С.*).

Любопытно, что автор (Д. Горчев) моментально откликается, поддерживая житейскую тональность диалога:

Да, лук я тоже нашел на крыльце. Главное — не дать ему оттаять до приготовления.

Автору отвечает другой голос:

Ага. У нас пока на балконе держится устойчивый минус, лук активно потребляется — думаю, в морозилку перекладывать будет нечего)). Хорошо было

в Сибири. На балкон можно было положить целую свиню, убитую в ноябре, и всю зиму от нее отпиливать по ноге раз в неделю. Еще у меня там стоял бак с квашеною капустой — топором нарубил тарелку закуси, лука туда накрошил, маслом полил — и красота).

Житейский разговор продолжается, собеседники обмениваются личными наблюдениями и предпочтениями, и тут некий голос переводит сложившийся дискурс в русло лингвистических рефлексий (что, кстати, весьма характерно для частного общения в интернете):

А у нас, ловлю себя на желании говорить на деревенский лад и, говорю, — *ноне такой колотун, что все храню на кухне под окном и ничего, ня киснет* (курсив наш. — И. С.).

Разговор весьма гармонично заканчивается репликой, наделенной интенцией вкусовой (подлинно эстетической) оценки:

Браво! потрясающе пишете!!!!!!!!!!!! опять меня сейчас из кабинета выгонят за громкий неадекватный ржач!))

Эта реплика, несмотря на ее своеобразный формат, действительно *завершает* данное произведение — на уровне прагматики читательского восприятия авторского текста.

Другой пример.

20.01.2010. Рецепт.

Рецепт приготовления чего угодно в русской печке:

Протопить русскую печку.

Положить, насыпать, нарубить или напилить в казан что угодно, но желательное съедобное. Можно и не рубить — главное, чтобы влезло.

Посыпать или залить чем угодно. Можно также ничем не посыпать и не заливать.

Поставить в печь и забыть.

Вспомнить, достать и есть. Время воспоминания может быть любым — хоть две минуты, хоть двое суток.

Если есть невозможно, отдать собаке-степану.

Все.

Пока это писал, в печи готовился обледенелый судак, которого я принес из сени и как попало порубил топором.

Попробовал.

Увы, Степан, но утром в твоей турме опять макароны (<http://dimkin.livejournal.com/2010/01/20/>).

Этот текст снова вызывает лингвостилистический комментарий, развернутый в ироническом ключе:

Если в рецепте фигурирует русская печь, то необходимо использование слова «ухват». Его можно поставить в произвольное место, но без него нельзя обойтись. Иначе текст становится разбалансированным, даже тяжелый казан не уравнивает русскую печь.

Ироническому лингвостилисту вторит другой ценитель языка:

Слово «казан» добавляет в исконно русский рецепт нечто тюркское» (<http://dimkin.livejournal.com/444521.html>; все последующие комментарии к тексту расположены по этому же адресу).

Д. Горчев в свойственной ему манере иронического расширения контекста отвечает:

А я татарам давно иго простил. <...> Да и что поделаешь, если чугунок у меня алюминиевый? Тут без казана никак.

Далее читателей-комментаторов влечет в фольклорные аллюзии:

Топор добавлять по вкусу. На крайняк — ношку от табурета.

Авторский текст в итоге *завершается* анекдотом:

Русская печь это о! Мой дед, притопаив с работы, съел на ужин пороссячью еду из печи, потом долго хвалил бабушку за ее кулинарные способности. Когда бабушка узнала, чем ужинал дед, был нещадно бит.

Третий текст. Иногда приходится слышать, что чуткие люди ощущают приход своей смерти. Д. Горчев, по всей видимости, был из числа таких людей и за два с небольшим месяца до своей смерти написал следующий текст.

08.01.2010. Про смерть.

Про смерть я задумался однажды при очень неподходящих обстоятельствах.

Было мне лет девять и проводил я летние каникулы у тетки в деревне. И вот как-то вечером я сидел и читал книжку Тура Хейердала, не то Аку-Аку, не то Кон-Тики, а тетка сидела на койке напротив и стригла ногти на ногах.

Я оторвался на минуту от книжки и неожиданно подумал: «А ведь она когда-нибудь умрет» (тетке сейчас, кстати, сильно за девяносто и она по сей день жива,

чего и далее ей желаю). Нет, я конечно, знал и раньше, что люди умирают, но знал как-то теоретически. Ну, умирают где-то там, а может и не умирают. Взрослые эти вообще чего только не напридумают.

А тут вдруг я понял, что это правда: вот сидит, допустим, тетка, сидит — и вдруг хлоп!, и померла.

Мысль меня эта почему-то так поразила, что я дня два ходил такой потрясенный, что у меня даже разболелся зуб. И болел он целую неделю непрерывно. Мне время от времени засовывали в рот таблетку анальгина и тогда зуб болел слабее, но боль все равно никуда не уходила, а просто пряталась за соседним зубом и я уже не мог ничего разобрать — где боль, а где смерть.

А еще некоторые говорят, что будто бы детство — счастливая пора. Память у них х..., потому что.

А потом я однажды проснулся днем: а зуб не болит! Т. е. вообще нигде не болит. Умер наверное.

Я шатаясь выполз в огуречник, выдернул морковку, вытер об штаны и съел. Потом съел очень твердое и кислое яблоко — нет, все равно ничего не болит.

И солнце эдак светит, как светило потом всего еще в один счастливый день, когда я уволился с должности школьного учителя. И какая, скажите, смерть, когда такое солнце?

Я лег на траву под яблоню и впервые в жизни увидел богомола. Был он смешной, зеленый и было совершенно непонятно, почему это существо не разваливается и на чем вообще эти спички держатся.

Богомол посмотрел на меня мрачно, тяжело вздохнул и убрел куда-то: видимо размножаться (<http://dimkin.livejournal.com/2010/01/08/>).

Этот внешне простой текст написан по диалектическим правилам музыкального контрапункта. В нем звучит собственно тезис (о смерти), который три раза затухающими волнами поднимается в тексте. В нем звучит анти-тезис — о живой боли, о жизни, о солнце. В нем, наконец, в комической тональности звучит синтез, следуя которому нелепый и мрачный богомол, комически символизирующий смерть, отправляется творить жизнь.

И первый же отклик улавливает и развивает эту комическую тональность:

Неудивительна мрачность богомола — у него процесс размножения сопряжен со смертельным риском (<http://dimkin.livejournal.com/442119.html>; все последующие комментарии к тексту расположены по этому же адресу).

Другого читателя ироническая лиричность Д. Горчева настраивает на свой собственный лирический лад:

Я четко запомнила этот момент осознания смерти. Мне было около 4-х. Я должна была днем спать. Был солнечный день, а мама мыла пол. И вдруг я по-

няла, что мама умрет. Вот как Вы поняли, что умрет тетка. Какое-то время мне было страшно. Очень. Я тихо-тихо поплакала в подушку, я почему-то поняла, что маме об этом никак нельзя говорить. Потом солнце и свежесть все победили, и я заснула. Удивительное существо человек. Мама жива до сих пор.

Подытоживает дискуссию и завершает самый горчешский текст краткая и точная реплика, раскрывающая формулу художественного смысла произведения и одновременно дающая ему высшую читательскую оценку:

Зуб умер, а солнце все равно светит, и будет светить. Круто написано, или просто вовремя. Спасибо.

Незаконченность авторского текста и незавершенность авторского произведения, обращенного в открытый космос блогосферы, тем не менее, не приводят к неполноте коммуникации между людьми, скрывающимися за различными «никами»-псевдонимами. Именно они, участники блога, своими разнохарактерными и разнонаправленными комментариями коллективно завершают авторское незавершенное произведение, вместе приходя к итоговому смыслу и оценкам.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В ФОРМАТЕ
АВТОДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДИСКУРСА**
(на материале блога *matroll* «нереальная жизнь реальной тролли»,
livejournal.com)

Русский литературный Интернет (Рулинет) существует столько же, сколько интернет в России вообще, т. е. с 1994 года. За это время сетевая литература стала не только привычным явлением жизни, но и объектом многочисленных специальных исследований. В данной работе мы придерживаемся широкого определения этого понятия — художественные тексты, опубликованные и читающиеся в Интернете, а не в бумажных изданиях, но средствами поэтики не отличающиеся радикально от художественной литературы вообще¹. Как известно, последние годы легко осуществляется взаимопереход текстов из одной категории в другую: наиболее популярные произведения с сетевых ресурсов становятся бумажными книгами (например, «Метро 2033» Д. Глуховского), и наоборот читаемые книги выкладываются в Интернете, несмотря на протесты и санкции правообладателей. Поскольку в Интернете опубликовать себя может каждый желающий, существует предвзятая точка зрения, что все сетевые авторы, чье творчество не представлено в бумажных серьезных изданиях — это графоманы и дилетанты. Действительно, их процент очень высок, но точно также, как и в современной печатной продукции. Кроме того, есть еще один любопытный феномен: человек, не отдающий словесному творчеству себя до конца, может все-таки оказаться автором единственного, но действительно хорошего стихотворения или новеллы среди десятка весьма посредственных, к примеру. Так что литература, которую мы можем обнаружить только в Интернете, и в плане своей художественной ценности не отличается радикально от той, что встретит нас на полках книжных магазинов и даже библиотек.

Помимо «сетературы» есть и понятие «блог-литературы». Ныне, когда блоги стали одной из наиболее популярных форм сетевого общения и саморепрезентации речь чаще идет просто о «блогах» и «блогерах» (блогерах²). Блоги есть у известных писателей, например, Н. Перумова, С. Лукьяненко,

¹ В узком смысле слова в сетературе столь сильно используются возможности гипертекста и технические возможности компьютера вообще, что перенесено на бумагу оно уже просто быть не может.

² По мнению Википедии, одинарное «г» является более правильным написанием, хотя двойное более распространено (Блог // Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Блог>. Дата обращения: 3.09.2010).

П. Амнуэля, О. Дивова, Д. Быкова и др. Но блоги точно также переходят в бумажные книги — наиболее известный случай отражен в фильме «Джулия и Жюли» по книге Дж. Пауэлл «Джулия и Жюли: 365 дней, 524 рецепта в одной тесной кухне». Кулинарный дневник Дж. Пауэлл разошелся тиражом более ста тысяч экземпляров.

«Блог-литература — художественные произведения, которые пишутся в формате блога, разновидность сетевой литературы. Блог-литература может писаться как в полном соответствии с форматом дневника (даты, разговорный стиль, обращения), так и просто как набор миниатюр или глав, где новые фрагменты могут быть реакцией на комментарии к предыдущим. Кроме того, блог-литература может быть коллективным творчеством, когда для написания художественного текста используется коллективный дневник (например, сообщество в Живом журнале)³. В России опубликованы в виде книг сказочно-исторические серии авторов Живого Журнала (ЖЖ) *bormor* и *polumrak*.

Блог — средство «выразить себя» и дать другому «понять тебя» в современном мире, где по-прежнему актуален парадокс классика (официально скорее дилетанта — «исправный дипломат», чем литератора): «мысль изреченная есть ложь». Поэтому в целом блог может рассматриваться как автодокументальный жанр (точнее автодокументальное полижанровое образование, блог принципиально открыт втягиванию в себя разнообразных жанров), где автор не просто публикует свои тексты (это ведь можно сделать и без «житейского» и прочего контекста на специальном литературном сайте среди многочисленных собратьев по перу и духу, таких сайтов в Рунете более десятка), но использует их как стратегию саморепрезентации и поиска самоидентичности, а также, конечно, и с коммуникативными целями. Тексты эти в совокупности могут обладать оригинальной авторской поэтикой: набором варьируемых сюжетов и мотивов, системой персонажей, особенностями индивидуального стиля, излюбленным авторским хронотопом, — и в целом создают образ самого автора и его мировидения. Попробуем проиллюстрировать сказанное на примере анализа одного из таких дневников ЖЖ⁴.

Жанр блога по формату чтения существенно отличается от дневника бумажного. Главная его особенность — он читается по умолчанию с конца, с последних записей, которые находятся «вверху» страницы. Спускаясь все ниже или «листая» дневник через опции «предыдущие 10 записей», можно добраться до его начала. «Нормальный» режим чтения, т. е. от начала к концу, сохра-

³ Блог-литература // Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения 3.09.2010.

⁴ <http://matroll.livejournal.com>. Даты публикаций записей указаны в тексте работы. Орфография и пунктуация сохранены по электронному варианту.

няется для тех, кто был вместе с автором с момента зарождения дневника и наблюдал за его творчеством. Однако поскольку блог — это гипертекст, то в нем есть «таги» — тематические метки, позволяющие легко попадать на записи интересующей тематики. В машинном случае это еще и авторские жанровые обозначения, например «размашлизмы», «кусоч жизни». Кроме того, на сегодняшний день блог *matroll* содержит «портфолио», где собраны собственно художественные и близкие художественным тексты автора и распределены по жанрам (рассказы, стихи, эссе и др.), таким образом их уже не нужно вычленять из текущих записей специальным читательским усилием, хотя все текущие записи оформлены в виде монологов, изложенных литературным языком, композиционно выстроенные, с парадоксальными суждениями и яркими метафорами. При анализе блога нами и будет использована такая гипертекстовая стратегия без привязки к заданному хронологией режиму чтения.

Дневник этот начат 30 сентября 2009 года (т. е. в день Веры, Надежды и Любви, что не отмечается автором специально, но возможно, присутствует где-то в подсознании, первая запись: «это называется: “дома и стены помогают!” в родном городе я зарегистрилась со второй попытки. в любимом городе я займусь этой страницей серьезно. до встречи!»), соответственно, на момент написания этой статьи в нем содержатся записи приблизительно за год, достаточно серьезное количество для того, чтобы автор мог проявиться себя. (Хотя постфактум в блог под датой 30 июля 2009 года вставляется кулинарно-любовное «эссе» «Ангел» — определение жанра авторское.)

При этом в свой профиль автор выносит две следующие максимы: «если ты интересен сам себе, это не значит, что ты интересен другим» и «рассказывать о себе — нескромно, поэтому я буду рассказывать о своей жизни». Помимо хорошего чувства юмора, которое будет прослеживаться в каждой записи (очень редко доходя до стеба и скабрзности, как например в эссе «как изнасиловать резиновую уточку», — но это тоже грани авторского образа и авторских умений), здесь просто кричит желание заявить о Себе и увидеть Себя-человека, чувствующего, что растворяется в своих социальных ролях и функциях — жены, любящей матери, специалиста и т. д., иными словами, живущего для любимых других настолько, что начинает себя терять и забывать (прямым текстом это выражено в стихотворении «ма-Машка» 5.02.2010). А поскольку спасение рук утопающих — дело самих утопающих, то автор и предпринимает эту попытку перестать ощущать собственное исчезновение под грудой житейских забот⁵.

Постепенно читатель узнает, что автора зовут Маша, Мария, 20 мая 2010 года ей исполнилось 33 года. Она живет в Севастополе, но ее мама

⁵ Пожелание самой себе на день рождения: «моя дорогая девочка, я желаю тебе, чтобы ты перестала думать о других. о чужих желаниях и не своих мыслях. живи для себя. уже можно» (20.05.2010).

живет в Калуге. У нее маленькая дочка Саня и муж, с которым она живет 8 лет, но без регистрации, что создает дополнительные проблемы с госучреждениями их ребенку, поскольку родители — граждане разных стран. Она психолог по образованию, работает, создавая рекламу на каких-то сайтах, внимательно следит за театральной жизнью (особенно за театром Р. Виктюка). А кроме того Маша много пишет и сочиняет, что и отражено в блоге. Маша создает довольно «типичный» образ автора блога: молодая мать (по статистике это весьма заметное сообщество — у них много времени, чтобы проводить его в Интернете, но они ограничены в живом общении или работе вне дома), очень увлеченная кулинарией (множество блогов являются чисто кулинарными, здесь и влияние голливудских образов о прекрасных «стряпухах» в мире фастфуда) и в результате диетами (всегда актуальная женская тема), путешествующая иногда по миру (эссе о впечатлениях от скандинавских стран, фотографии — также типичное содержание любой индивидуальной странички в интернете, особенно в социальных сетях), откликающаяся на какие-то события в мире и искусстве (обсуждение новостей также типичная проблематика общения в блогах; таким путем легко путешествовать по блогам и находить единомышленников, например, через Яндекс). Нетипично только создание оригинальных художественных текстов и углубляющееся желание заниматься словесным творчеством (не обязательно литературным) профессионально.

Свой ник автор расшифровывает далеко не сразу, а только через четыре месяца, 30 января 2010 года, когда уже сформировалось представление о своих целях, чтобы четко выразиться в словесной форме:

подумала сегодня (пока варила суп, делала рататуй, курицу с куркумой, рис и рыбу на пару, пекла киш лососевый и печенье медовое... мммм... что-то еще. а! запекла картошку и свеклу) о том, что мой ник тут надо правильно расшифровать.

о том, что я собираю троллей знает вся планета количеством 20 моих друзей. но ныне мой ник совсем не о том. читать следует так: мат ролл. это значит берете русский мат, родной, у меня из записок 8го класса и аккуратно его в ролл скручиваете. поправляйте, если с боков вываливается.

потому как жизнь пошла такая, что иначе как матом не опишешь.

ну, почему, если что-то нравится делать, то на этом не заработаешь? что мне толку с радужны комментов: ах, мария, как вы прекрасно пишете, если жрать скоро нечего будет?

хочу писать за деньги. ударение ставьте сами. а я пошла того, сворачивать.

Р. S. мой муж не раугается матом. вообще. заметьте, он бывший военный. подводник, ё. за 10 лет ни разу не слышала. даже на дороге. преклоняюсь!

Проанализируем структуру этого фрагмента. Начинается все с кулинарии, изоцрненной и многообразной. Именно из кулинарных образов рождается

кулинарно-зримый образ к звуку — японский ролл⁶. Тогда как русский аналог, понятно, будет чисто звучащим. Это образное описание эмоций от нереализованного желания — писать за деньги, т. е. профессионально. Сама по себе метафора позволяет заодно родиться множеству вербальных ассоциаций и о качестве русского мата, и об умелом обращении с ним, и о том, что от него уши в трубочку скручиваются. Звучит здесь и некий момент самоуменьшения и самоосуждения — мужчина, который, казалось бы, должен так ругаться, этого не делает, а прекрасная дама — пожалуйста. До подобной расшифровки ник мог говорить не только о коллекционерской страсти автора, но и напоминать о специфически интернетовских троллях — провокаторах, «хулиганах», цепляющих внимание «хомячков» (нерефлексирующей массы со стандартным набором мнений и вкусов) нестандартным суждением, привлекающим внимание к собственной персоне; тролль вносит разлад и хаос. Однако мир Маши преисполнен всевозможного «позитива» и оптимизма, он светел и радостен, и добро всегда побеждает зло. Моменты разлада и хаоса превращаются при их появлении всегда в нечто иное, как в сказке жабу в конце концов расколдовывают в принцессу, а школьный мат сворачивается изысканным экзотическим роллом. Кроме того, в заголовке мы видим «нереальную жизнь реальной тролли», а виртуальный тролль не может существовать в «реале», это не его среда обитания⁷. Сам заголовок также ориентирует на поэтику сказки с ее фантастичностью и превращением уродства в красоту. Фантастическое необходимым элементом входит в любой текст Маши как константа созданного ею мира, а первым делом она опубликовала цикл новелл «Зодиак», т. е. «нереальная» (= выдуманная жизнь, этот элемент также постоянно помещается внутрь ее текстов как зеркало к реальности). Вполне возможно,

⁶ В уже упомянутом эссе «Ангел» использован тот же прием поэтики: Ангел (ср. антипод тролля, казалось бы, но «такой, слегка уставший, потрепанный, на моих троллей чем-то похож») появляется на кухне среди массы готовящихся блюд и интересуется каждым. Откушав пирога с ежевикой, Ангел задает Маше вопрос: «А что ты сделала для своей любви?», — и далее у них разворачивается дискуссия о том, что можно считать поступком, совершенным во имя любви, а не ради самого себя. В итоге Ангел дает Маше наставление: «Себя мы любим. Даже те, кто ненавидят, очень свое мизерное я оберегают. А любовь она есть. Она тогда есть, когда ты не можешь ответить, что ты для этой любви сделала. Ты ее не трогай мыслями, просто люби», — и улетает. Это «эссе» отражает весь дух блога, два его главных лейтмотива — любви женщины к себе и ее любви к мужчине (а также любви к ребенку и к друзьям, к детям вообще и людям вообще). Возможно, автор ошибочно проставил год написания, а возможно умышленно сделал этот диалог преддверием блога, своеобразным эпиграфом или преамбулой ко всему сказанному в нем.

⁷ В одном месте Маша именует себя «язвительной старушкой троллюшкой» («Театр внутри нас» 27.10.2009).

что ник *matroll* — Маша-тролль обозначает тот взгляд на себя⁸, где Маша все же видится себе недостаточно красивой, умной и т. п. («Любая девушка комплексует. Даже такая опытная и мудрая, как я», 06.10.09), но все это личина, злые чары, которые исчезнут благодаря волшебной силе творчества.

В дневнике опубликовано 27 произведений, названных автором «рассказами», хотя жанровое определение «новелла» было бы более точным, поскольку все они, кроме лаконизма и четкости изложения и небольшого количества действующих лиц (как правило один главный герой, реже два, но связанные очень тесными узами, и до четырех второстепенных, даже скорее фоновых персонажей), обладают характерной сюжетной структурой — резким и четким пуантом. Часть рассказов писалась до создания дневника (есть две ссылки на предшествующие публикации — на сайте *passion.ru*), часть — в процессе его создания и напоминают о творческой лаборатории, становлении и кристаллизации текста. Один рассказ опубликован дважды с незначительными текстуальными изменениями («Овен»). Возможно, что это не подарок практикующим текстологам, а некая необходимая автору текучесть его творческого процесса, когда раз написанный текст не оставляется в стороне, а продолжает обтачиваться и совершенствоваться в соответствии с изменениями внутреннего мира автора, пусть они и не вняты читателям блога.

Цикл «Зодиак» начинается с «Овна» (12.10.2009), как и положено зодиакальному году. В каждом рассказе варьируется тема свойства человеческой природы (черты характера), символически отраженной в знаке. Часть сюжетов откровенно, часть завуалированно фантастична, часть реалистична, но с бешеной игрой воображения его участников. Канвой сюжета в каждом случае становится тема «любовь и смерть». Учитывая лейтмотив блога «ради кого руки резала», тема смерти как предельного выражения любви и сомнение в том, что это действительно так, являются ключевыми для автора блога, возможно, осмысляемыми ею на протяжении всей жизни и не потерявшими актуальности до сих пор.

В рассказе «Овен» эта черта — упрямство, «упертость». Героини — мать 38 лет и дочь 15 лет, Наталья и Злата, пытаются переупрямить: первая — свою дочь, вторая — мир, сосредоточившийся для нее в возлюбленном. Злату ее любовь к актеру приводит к попытке самоубийства и инвалидному креслу, но не к отказу от идеи: «Когда он скажет, как сильно меня любит и мама поймет, что я была права. Она увидит, что это такая любовь, которая на всю жизнь, та самая, из-за которой и жизни самой не жалко!». Фанатич-

⁸ В блоге опубликованы фотографии автора, так что подозрения в какой-либо ушербности его внешнего облика абсолютно не основательны.

ная любовь к актеру девушки в самом разном возрасте становится сюжетом и других рассказов: «Дневник отчаянной жойдистки», «Варенье из айвы». Исходя из одного комментария «друга» автора (реальной подруги), можно сделать вывод, что подобный фанатизм — часть авторской биографии⁹, возможные исходы которого моделируются в новеллах с похожими начальными условиями, но разным финалом. Чем старше становится героиня, тем этот финал мягче. Если Злату самоубийство не меняло, то жойдистка, оставив мысли стреляться отпускает Жойдика в его собственное счастье, а героиня «Варенья...», уже собрав чемодан, чтобы бросить мужа и ребенка и ехать за Демоном на гастроли за границу¹⁰ с фанатками, останавливается у сваренного на зиму варенья и в итоге никуда не едет, самозабвенно раскладывая его по баночкам. Соответственно, если в первом рассказе намечающийся реальный поклонник отмечается сразу за ненадобностью, во втором он есть как жених, то в третьем случае он родной муж, и это в итоге сильнее всех безумств. И если у первой героини дневник в ноутбуке и переписка на сайте, у второй дневник в ЖЖ и круг фанаток помимо сайта (что позволяет ей не быть в одиночестве и тайне), то у последней кулинарные занятия и очень быстрое сближение с людьми (т. е. опять же фанатками) в реальной драке с ними, — жизнь побеждает. Если И. В. Гете говорил, что «Вертер» спас его от самоубийства (и при этом вызвал просто эпидемию самоубийств в читающей Европе), то подобная психотерапевтическая функция, возможно, вполне характерна для художественного творчества блогеров: придуманная история, нашедшая читателей и получившая комментарии, моделирует реальность так, что ее уже не нужно переживать как единственно возможную физически: событие произошло в виртуальном хронотопе.

В «Тельце» (это знак самого автора) любовь отца к сыну Саше (у автора дочь Саша), который на его глазах подвергается смертельной опасности из-за подростковых игр на крыше троллейбуса («рогатого транспорта»). Сюжет развивается из поговорки «красная тряпка для быка» — Игорь опознает

⁹ Документальные записи на ту же тему: «я искренне привествую придуманные эмоции, сериалы чувств, основанные на одном взгляде-слове. тем более, что они дают мне бурную пищу для фантазии», — автор не ходит на спектакли, но изучает материалы сайта поклонниц и сочиняет (27.10.2009).

¹⁰ Этот сюжет сбывался некогда в стихотворении А. Ахматовой, правда, безотносительно к теме фанатичной любви к актеру: «Это просто, это ясно, / Это всякому понятно, / Ты меня совсем не любишь, / Не полюбишь никогда. / Для чего же так тянуться / Мне к чужому человеку, / Для чего же каждый вечер / Мне молиться за тебя? / Для чего же, бросив друга / И кудрявого ребенка, / Бросив город мой любимый / И родную сторону, / Черной нищенкой скитаюсь / По столице иноземной? / О, как весело мне думать, / Что тебя увижу я!».

сына по красной футболке, недавно ему подаренной. Текст каждой новеллы является отчасти шарадой по угадыванию в нем маркеров заявленного знака. Он уже был однажды свидетелем истории со смертельным исходом, и «обморочный ступор снова наступал на Игоря, лип к его телу и обнимал мозг. Игорь до боли укусил себя за губу и выехал на встречную». Выясняется, что он ошибся, с цветом его подвело «крымское солнце. Усталое за сезон, но еще мощное солнце сентября», и в результате пережитого полностью пошел. Мотив тревоги за ребенка также глубоко личный для автора. Он отражается и в личных воспоминаниях о спасении жизни ее собственной дочери (два раза, в Украине «не было бы и одного» — «Ругаем родину» 6.10.2009), «моей дочери было около двух месяцев и она, как и всю свою жизнь до этого, лежала в больнице» («Что такое хорошо» 24.10.2009), и в мнении по поводу прочитанного: «для меня это шок. ребенок всегда ребенок. пусть ей хоть 40 лет будет, я поеду ее лечить. вот такие мы насадки» 1.02.2010).

Героиня «Близнецов» — «стерва», разводящая мужей на деньги, их у нее было пять. В финале выясняется, что все рассказанные истории — плод воображения девушки, у которой удалили одну почку. «Девушка проживала эту сказочную жизнь и, иногда, часов 20 в сутки, ей казалось, что именно та — красивая и удачливая и есть она. А тело, прилепленное к шнуру капельницы — дурной сон. Кто знает, может быть, так на самом деле все и было». Почка парный орган, требующий близнеца, раздваивается и сознание, требующее утраченную половину. Истории изящны и красивы, каждая из них «спектакль» с остроумно придуманными завязкой и развязкой. Каждый супруг — ложная половина, от которой героиня стремится избавиться сразу же, добравшись до денег.

«Рак» построен по сюжету снежного кома — ничтожная причина (сломаный ноготь Кристины) вызывает атомную войну и гибель планеты. Пуант — «боги» Земли решают переиграть игру, восстановив человеческий мир заново («с последней цифры»). Кристине восстанавливают ноготь и убирают из ее жизни ревнивого мужа-военного. Любовник-француз маркирует источник сюжета — романы трилогии Б. Вербера «Мы, боги». Все можно вернуть назад, к своим истокам и переиграть к новому концу — рак пятится назад. Среди чтения Маши не только Акунин, о паре романов которого записаны впечатления на страницах блога (прочитанным книгам посвящены почти все январские записи), но и Р. Бах. Переиграть запланированный другими сюжет человеческой жизни — эта же тема будет развита в одном из последних рассказов — «Прижимистый гном»¹¹ (20.08.2010), где герой,

¹¹ В дневнике есть рассказ, датированный 2004 г., «Курортный Роман», об абсолютно бесчувственном к чарам и напору героини молодом человеке, убежденном в своей неотразимости. Персонажи почти идентичны.

неспособный к любви, оттого что при создании вместо драгоценного камня гном вложил в его сердце простой булыжник, выслушав историю о встрече с девушкой, которая будет любить его беззаветно всю жизнь (у нее изумруд в сердце — только неразделенная любовь), встретив Машу, как было предсказано, немедленно сбежал от нее, прокрутив в голове фильм об их совместной жизни, как это происходит с умирающими. «Я не дал своему ангелу-хранителю войти ко мне в жизнь. И, знаете, я до сих пор считаю, что это лучшее, что я сделал». Тема любви неразделенной больше решается автором блога в эссе и «размашлизмах» (а также в стихах: басня «Виноград и море» 13.10.2009), поскольку этот феномен для нее требует более аналитики, возможно, он еще не готов уложиться в лаконичную сюжетную схему.

Рассказ «Лев» о женщине, потерявшей в 37 единственно любимого человека, совсем недавнообретенного, нерожденного ребенка, здоровье, но решившей возродиться поистине из пепла. Титанизм духа поражает воображение настолько, что закономерно в пуанте оказывается фикцией — выдумкой психолога, работающего над диссертацией и через интернет-общение помогающего отчаявшимся девчонкам наладить свою жизнь.

В «Деве» благоразумная шатенка под влиянием момента превращается в блондинку анекдотов, чем радикально меняет свою жизнь и неожиданно для себя решает в этой новой жизни остаться. В отличие от прочих рассказов, здесь нет ни тяжелой болезни, ни реальной смерти, только символическая, что делает сам рассказ столь же светлым, как волосы героини. Мотив «переиграть свою сложившуюся жизнь заново», «изменить жизнь абсолютно и навсегда» звучит фактически во всех рассказах *matroll*, но нигде больше он не реализован успешно с такой легкостью. Возможно, именно варьирование этой темы обеспечило бы успех ее новелл у читающей женской аудитории «слегка за 30», поскольку подобное желание с неизбежностью возникает у каждой, чья жизнь устоялась в форме, в которой душе оказывается недостаточно просторно или комфортно (та же тема, но уже с ноткой безысходности в рассказе «Маринина свадьба» 6.06.2010). Изменить себя оказывается достаточно легко, для этого достаточно рецепта: из женского журнала (перекрасить волосы и дать выйти на свет своему подавляемому «я»), из психологической книжки (увидеть того, кому намного хуже, чем тебе, но кто ценит эту жизнь и борется за счастье). В другом виде та же идея отражена в сказке-подарке для Наталки (21.02.2010), где мама берет кулинарную книгу как магическую, варит снадобье с дочкой и произносит заклинание: тогда бездомная собака превращается в прекрасную принцессу и благодарит Наталку за освобождение. (Это еще и хорошая альтернатива традиционному варианту поцелуя прекрасного принца — освободить может искреннее детско-женское участие.) В виде документальной записи

эта идея может выглядеть так: «надо что-то менять. надо что-то перестать. надо как-то успокоиться. надо-надо-надо» («я больше не могу» 7.11.2009). Из следующей выясняется, что она сделана во время карантина: «за время карантина (все прилагательные — непечатны) я поняла, что ненавижу мужа и готова убить своего ребенка. потом я поняла, что люблю их больше всех на свете, потом обратно и так меня и колбасило 3 недели» (21.11.2009). После сказки для Наталки следующий рассказ датирован 2005 г. («Встреча с принцем» 25.02.2010) и представляет собой оригинальную версию «Золушки», не потерявшей туфельку. В его экспозиции варьируется та же ситуация, что и в «Деве» — не оцененная никем по достоинству Ия (оригинальное сокращение **Мария**) хандрит от неудавшейся жизни. Ведет она себя как глупая героиня сказок. Так, когда на ее пороге появляется волшебница, она прогоняет ее, хотя и получает предсказание встречи с «принцем». Однако гипотетические принцы на корпоративе оказываются не теми: один — любовник подруги, другой — электрик, которого она едва помнит. Настоящего принца (т. е. туфли, у которых на подошве написано «*Prince*»), и эта надпись остается на выпавшем снегу) ей дарит та самая подруга Наташка. Опять же проступает идея целительности женской дружбы на фоне любовных неудач.

«Весь» состоит из серии историй, также как и другой парный знак, «Близнецы», но в отличие от «Близнецов» это истории не об изначально задуманных разводах, а о вынужденных разрывах двух существ, которые не могут жить друг без друга, в том числе как кожура и семена граната или зебры. Героям нужно быть вместе не для того, чтобы быть идентичными, а чтобы поддерживалось равновесие в мире и природе — одна часть не существует без другой. Они находят друг друга в этой жизни через сайт о сновидениях (видят свои прошлые жизни во сне), чтобы погибнуть в автокатастрофе и родиться сиаемскими близнецами. Новый взгляд на разделенную любовь, для которой не важен ни пол, ни статус, ни облик, ничто — главное — быть вместе. При этом с овнешняющей точки зрения разделенная любовь оказывается не менее несчастной, чем неразделенная, а возможно, даже более, поскольку очень быстро за узнаванием и соединением следует смерть. Рассказ с выходом героини в прошлую жизнь (и с идеей кармы, оставленной на суд читателя) появляется в блоге еще 30 мая 2010 года, «Аким». Это нестандартное имя принадлежит красавцу-модели¹², в которого влюбляется рассказчица, получая в ответ «яркие встречи» или «умные» разговоры, но не получая ответной страсти. В предыдущей жизни она убила возлюбленного

¹² Необыкновенно красив в глазах Маши танцор-Дубровский («Мой Дубровский»).

сестры и собственного мужа: «Мне не нравится, когда у кого-т. е. любовь и привязанности, а у меня нет. Я должна иметь все, а иначе, зачем жить?».

В «Скорпионе» тема смерти углубляется в сюжет о посмертном существовании, правда, открытие, что героиня (учительница за 50, обделенная любовью) встречается с призраками, выносится в финал текста. Жало скорпиона — Полину Георгиевну преследует повесившаяся из-за ее принципиальности девочка.

В «Стрельце» любовь к умершему (они уже отстрелялись), что тоже проясняется только в финале монолога героини. В «Козероге» рассказчик — самоубийца-гей, наблюдающий за своими похоронами (извращенность и каприз, который уже не отменить). Финальное озарение: «Я кричал, плевался, психовал, но чем дольше я все это делал, тем больше понимал, что все это уже бесполезно, что надо было думать раньше. А теперь все, конец, приплыли, теперь я уже умер. И, как оказалось, я умер зря». В «Водолее» отчет о кораблекрушении пенсионерки¹³, боящейся утонуть — в финале это сочинение студентки («по спецзаданию деканата... на тему “Моя смерть”»), однако мир фантазии оказывается сильнее мира реальности и втягивает в себя героиню физически: «Я уже не кричала, волны подхватили меня и все. Совсем все». Тот же уход в посмертие происходит и в «Рыбах», где девушка-пловчиха, отловленная для какого-то странного шоу с дельфинами, затем выпущена в открытое море, чтобы встретить «своих» — русалок, в одну из которых она превратилась. Углубляющееся к завершению круга настроение ухода от жизни (и любви) во всепоглощающую стихию воды не находит аналогов в каких-то конкретных событиях дневника, хотя Маша сообщает, что открывает для себя купальный сезон весной (с фотографией кроссовок на песке у линии воды), а отчет за 1 сентября 2010 года полностью посвящен посещению моря.

В рассказах присутствуют все черты современности — Интернет, где человек сейчас проводит все более существенную часть жизни, мода, мелочи быта, вошедшие в жизнь не так давно, но ставшие ее неотъемлемой частью. Образы зримы и кинематографичны, что соответствует авторскому признанию в любой песне или мелодии тут же увидеть сюжетный клип или танец (10.10.2009), а «каждый вечер, засыпая, я придумываю сказку-историю про себя или своих близких, знакомых».

В последующих историях тональность рассказывания может становиться остро щемящей, а сами сюжеты порывистыми, дисгармоничными, как, например, в «Секонд хэнде», где в рассказе о счастливом детстве на крайнем Севере, написанном, в целом, с добрым юмором через двойное остранение

¹³ Не-цветаевские неоднократные фантазии на тему «когда я стану бабушкой...».

взгляда рассказчика — маленькой девочки дошкольного возраста и вещи — старого унта (все три истории рассказывают вещи), появляется сильная головная боль от северного сияния. В рассказе медного таза о пожилой женщине, уже приготовившейся запить таблетки, слишком внезапно наступает хэппи-энд. А средняя история больничного халата вообще о том, как у молодой матери умирает ребенок. В финале оказывается, что все действие происходит «в дурдоме». Появляются интонации осознания жизни, уходящей в текст: «Порой, им казалось, что и они когда-то давно были людьми, пока не попали в этот секунд хенд. Но это было уже не важно. Важны были истории и редкая возможность их рассказать». (Но на встречу Нового года через два дня настроение уже иное, со своей собственной жизнью как минимум вполне примиренное: «я утвердилась в мысли, что я окончательная и бесповоротная банальная провинциалка, такая домашняя тетка и дико этим довольна. ура!»; 7 января «ненавижу праздники»: «хочу назад, в нормальную жизнь!!!!»). Начат и оборван рассказ «Мой Дубровский», наполненный тайнами и умолчаниями, о старом друге, внезапно появляющемся на пороге дома второго мужа (по подразумеваемым чувствам, которые здесь описаны глазами мужа, это вариант «Стрельца»).

Но есть и напротив, рассказы юмористические, комические, как «Галстук», «Новая кухня», «Круиз», «Люсильда», «статьи» (точнее, эссе, конечно) «Хорошо быть геем», «Касса Романа Виктюка», «Мой муж — женщина», «Подружка Ирка», «Развод, еще развод», «Тараканы», «Успеть за лето».

Тема любви после смерти (в духе Эдгара По нелюбимая жена-самоубийца вселится в новую возлюбленную и убьет ее при родах) звучит в рассказе «Всегда-всегда» (31.05.2010).

Другая линия собственно художественного творчества автора дневника — стихотворения. Они также иронично-сентиментальны, как и проза. Это сюжетная лирика, с действиями, поступками, внешним выражением сильных эмоций. Она изобилует деталями внешнего мира. В ней также присутствует тема двоения авторского образа, но уже на ином уровне. Есть то, чего героиня желала бы, и то что она делать должна. Конфликт «нельзя» и «хотелось бы» ключевой для нее. Это может быть запрет на вредную еду, безудержное пьянство и случайный секс («Хотения») или запрет на слияние с предметом любви («Виноград и море», тогда как отказ от запретного и разумный выбор позволяют стать игристым вином — подспудно тот же мотив закупоренности пробкой), запрет на проявление своей активности по отношению к предмету любви¹⁴ («хочешь, я разобью тебе сердце?..»), выражающийся в назы-

¹⁴ Размышления о том же в записях «Неженские дела» (12.10.2009), «Неправильные мужики» (7.08.2010).

вании себя «пакостью» и объяснении себе, какой вред желание причиняет людям («дверь открой, ам — я руку по локоть»); запрет может проявляться просто в форме отсутствия всего, что ценно («Старые стихи», 17.02.2010¹⁵), в виде мечты, которая сбывается только во сне, который наутро не вспомнить («Весенние надежды» 9.05.2010); в «Песенке-заговоре на еду» некая Грыза ест все подряд целый день, тогда как девочка Саня, для которой песенка написана, всегда плохо кушала. Разлад, дисбаланс, невозможность прорваться сквозь что-то звучат в каждом стихотворении, опубликованном 31 мая («Милое хамство», «Табакерки-города», «Мандарины без запаха», «Гадание»). Исключения только подчеркивают правило: синие гиацинты, купленные мужем врываются в мир героини незапланированным счастьем, тем большим, что абсолютно неожиданным. А 31 мая появляются «Новогодние детские стихи»: «Самая красивая снежинка / прилетела на мою ладошку».

Летом 2010 года Мария старательно заполняет свое портфолио. Поскольку ее таланты действительно вполне адекватны для глянца и рекламы, для журналистики, то блог пополнен «рекламными статьями» и «радиопередачами». Темы: красота, кулинария, горячительные напитки, мода, дети.

Блог *matroll* представляет собой один из вариантов современного синтеза художественного и документального дискурса в одно целое. Возможно, ее собственно художественные тексты могли бы быть опубликованы отдельно, их уровень выше, чем у многих нынешних «бестселлеров» и «сентиментального романа». Представляется, что очень органично они вписывались бы в контекст не-литературного женского журнала, т. е. с рецептами, советами по воспитанию детей, статьями по психологии отношений, обзорами модных тенденций сезона, рекламными проспектами курортов и т. д. Хотя возможно, что все же временами выбивались бы из стандартного глянца некой нетривиальной свежестью. Однако наиболее органичной представляется та форма текста, в которой он существует ныне, иногда подвергаясь авторской редакторской обработке и перекомпоновке, т. е. в форме автодокументального дискурса блога с мозаикой собственно художественных, околохудожественных, совсем не художественных текстов внутри. Все они, по-разному варьируя сюжеты и мотивы, значимые для автора, образуют неразрывное в своей смысловой структуре соединение, представляющее интерес не только для случайного читателя (подглядывание за чужой жизнью, обретшей удачное словесное воплощение может быть интереснее романа), но и в плане исследования современных форм сознания языковой и культурной личности, а также новых путей существования словесности в ее синкретических формах.

¹⁵ По утверждению автора стихи относятся к 1996 г., но хорошо отражают душевное состояние текущего момента.

ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Архетип отца являлся одним из самых востребованных в истории на протяжении многих веков, является он таковым и сейчас, в первое десятилетие нового века. Впрочем, вместе с редукцией идеи монархии и укреплением института президентства происходит существенная переакцентировка смыслов: монархическое уподобление власти царя власти Бога¹ сменяется светской установкой рассматривать главу государства как независимую и самодостаточную инстанцию. В таком случае, казалось бы, из культуры должны уйти естественные для монархического сознания сюжеты на тему «государь и ребенок»: государь благодетельствует (наставляет, одаривает) свой народ, выступающий по отношению к нему в роли дитя; государь с наследником своей божественной власти (т. е. с собственным ребенком / детьми). И, несомненно, при зарождении президентского института, при угасании монархической парадигмы сюжеты о власти и детях тоже начинают угасать, вернее, уходить на дальний план и даже специально вытесняться. Однако тут же оказывается, что без патерналистских образов власти обойтись нельзя, любая власть каждому дает возможность почувствовать себя «мальчиком у Христа на елке», поэтому подробно описанная Н. А. Бердяевым трансформация религиозных канонов в каноны коммунистические выглядит не только коммунистической, но и в некоторой степени универсальной моделью, обнажающей патерналистские стремления любой культуры: «Русское искание правды жизни, — пишет Н. А. Бердяев в сборнике “Из глубины”, — всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это — глубоко национальная черта. Это создает почву для смешений и подмен, для лжерелигий. <...> Русская революция — феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге, <...> русские мальчики никогда не были способны к политике, к созиданию и устройению общественной жизни. Все перемешалось у них в головах, и, отвергнув Бога, они сделали Бога из социализма и анархизма, они захотели переделать все человечество по новому штату и увидели в этом не относительную, а абсолютную задачу»².

¹ См. об этом: *Успенский Б. А.* Власть и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.

² *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 261–262.

Эта модель реализует глубинные потребности человека в «воскрешении отцов», которые тем выше, чем слабее, призрачнее религиозная вера. В. В. Бибахин, рассматривая «Философию общего дела» Н. Ф. Федорова, так комментирует ее магистральную линию: «Воскрешение отцов невозможно. Но, во-первых, оно невозможно и *необходимо*, потому что иначе для нас неизбежна судьба Одинокова, безотцовщина»³. Разница между Воскресением и «воскрешением отцов» знаменует собой разницу между верой и потребностью в вере, верой и фанатизмом. Разумеется, идеологически ориентированная литература и политическая реклама XX в. не могут не ответить на потребность «воскрешения отцов», они активно оперируют желанием пусть не божественного, но хотя бы отеческого заступничества. Одной из метафорических форм такого воскрешения является олицетворение политика, власти в образе отца. Именно с патер-образом имеет дело политика и идеология XX в., тогда как идеологически независимое искусство, напротив, чаще всего имеет дело с женскими олицетворениями, такими, как культ Прекрасной Дамы, олицетворение города в женском образе и пр.

Несмотря на общность всех политических патер-олицетворений, между тоталитарными и демократическими их видами существуют различия, время также меняет образ политика-«отца». Так, для тоталитаризма середины прошлого века характерна экспансия политики в литературу, для более демократических систем, напротив, экспансия литературы в политику. Советского политического лидера очень рано, уже в первое послереволюционное десятилетие, превращают в литературного героя детского рассказа (характерный пример такого превращения — «Ленин и дети» В. Д. Бонч-Бруевича). Сначала образ В. И. Ленина — заботливого друга детей создает его политический соратник, а затем профессиональные писатели подключаются к созданному политиками контексту, продолжая «переводить» пропаганду на художественный язык. В диалоге литературы и газетной статьи образ политика-отца открывает все новые и новые семантические возможности: в роли ребенка по отношению к отцу начинает выступать не только весь народ, но и отдельные народности, и чем они меньше — тем больше инфантильный потенциал образа.

Сталинская эпоха открывает прекрасные перспективы для конструирования образа отца — главы государства, само выражение «отец народов» становится едва ли не заглавным именем И. В. Сталина. Один из precedентов сталинского времени был рассмотрен в статье из сборника «История и повествование», автор статьи, Б. Халлман, обращается к детской литературе на тему «Сталин и дети» и находит весьма характерный пример: «Поэтесса

³ Бибахин В. В. Чтение философии. СПб., 2009. С. 300.

Наталья Забила описала... следующую сцену: во дворе дети вместе смотрят книгу и видят фотографию, на которой девочка обнимает улыбающегося Сталина. Возникает горячий спор, причем каждый хочет быть на месте девочки... В сюжете стихотворения коллектив советских детей нерушим. Это акт высшего, полного соединения Сталина со всеми советскими детьми <...>:

Если ж девочку с букетом
Сталин поднял как-то раз,
То, конечно, он при этом
Вспоминал про всех про нас.

<...>

Но вот ирония судьбы. Девочка Гела, с которой Наталья Забила велела всем детям отождествлять себя, во время перестройки выступала в газете «Труд» с рассказом о том, что произошло после встречи со Сталиным в 36-м году. Уже год спустя счастливому детству пришел конец. Ее отца-коммуниста, вместе с которым она была в Кремле, арестовали и расстреляли. Письмо Гелы Сталину, с упоминанием об их встрече, привело к аресту матери»⁴.

Что можно констатировать на стыке литературы, в данном случае детской литературы сталинского времени, и документа, в данном случае — документальных воспоминаний, написанных на много лет позже? Одно пропущенное, изъятое звено: советский ребенок, породненный с «отцом народов», практически «усыновленный» им, лишается собственных родителей, которым нет места в заданной литературной и политической схеме: «абстрактная молекула коммунистического завтра — сегодня ребенок оказался ненужным матери и отцу, его конкретным родителям»⁵. Ставки советского тоталитаризма сделаны на детей, на ювенильное поколение, тогда как старшее поколение с его традициями вытеснено и из жизни, и из литературы. Народ, таким образом, идеологически воссоздан в своих беззащитных, личностно-несформированных, инфантильных качествах, тогда как личностная состоятельность оказывается вычеркнутой и исключенной, передоверенной детям.

Если отвлечься от конкретного примера и вернуться к ситуации в целом, то мы обнаружим еще одно звяние: из литературной и идеологической схемы вычеркнуты не только родители «прототипических» детей, реальных детей, послуживших для создания художественного образа, из идеологи-

⁴ Хеллман Б. «Великий друг детей». Образ Сталина в советской детской литературе // История и повествование. М.: НЛЮ, 2006. С. 457–459.

⁵ Гудкова В. Дети и старики в советском сюжете. Антропологическая разметка нового времени // Гудкова В. Рождение советских сюжетов. М.: НЛЮ, 2008. С. 174.

ческой схемы почти вычеркнуты также реальные, живые дети тоталитарных политиков. Выступая отцами народов, они лишены собственных детей, даже если таковые реально имеются. Примечателен в этом смысле сюжет детской повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Так было», где В. И. Ленин увиден глазами приемного племянника (место родного сына вождя заменено дважды косвенным приемным племянником), характерно также и то, что «икона Сталин» предполагает прежде всего чужих детей рядом с вождем, нехарактерное исключение — дочь Сталина Светлана Аллилуева, которая, будучи ребенком, иногда появляется на фотографиях рядом с отцом и его соратниками, но по мере взросления девочки ее портреты ставятся все реже и затем исчезают. После перемены политической парадигмы в России, после 1990-го г., дети крупных российских политиков по-прежнему занимают очень скромное место на страницах официальной прессы, либо о них ничего не говорится вообще. И у этого явления очень много причин: институт президентства в России еще только складывается и пока свободно не владеет специфичными формами презентации «глава государства в семейном кругу», трудность состоит в том, что должны быть выработаны особые формы такой презентации, которые бы резко отличались как от имперских русских, так и от социалистических канонов. Скорее всего, новые образцы будут построены в ближайшее время по типу современных западных моделей.

В западном культурном сознании дела обстоят иначе. За последними, пятьдесят шестыми по счету, президентскими выборами США, проходившими в 2008 году, следил весь мир, и не только потому, что эти выборы стали примером напряженной политической борьбы, но и потому, что избирательная кампания была организована как красивое, строго и стройно выстроенное по художественным законам, до мелочей продуманное политическое шоу. Основными оппонентами одержавших победу представителей Демократической партии США, президента Барака Обамы и вице-президента — Джозефа Байдена, были кандидаты Республиканской партии — Джон Маккейн и Сара Пейлин, достаточно успешно конкурировала с Обамой Хилари Клинтон.

Сразу после своего избрания президентом, Обама перед камерами всего мира поблагодарил за поддержку не только своих избирателей и семью, но и отдельно обратился к дочерям: «He had warm words for his family, announcing to his daughters: “Sasha and Malia, I love you both more than you can imagine, and you have earned the new puppy that’s coming with us to the White House”. But he added: “Even as we celebrate tonight, we know the challenges that tomorrow will bring are the greatest of our lifetime — two wars, a planet in

peril, the worst financial crisis in a century”»⁶. Признание в любви к дочерям и напоминание прессе всего мира о том, что дети Б. Обамы мечтают о щенке, надолго стало отдельной темой в прессе.

Для того чтобы понять смысл обращения Б. Обамы к дочерям и причину того резонанса, который произвело обещание президента подарить девочкам щенка, вернемся к началу избирательной кампании, за которой легко можно было следить по американским новостным сообщениям. Примерно за полгода до избрания нового президента США невозможно было не заметить, что новости просто переполнились самой разной информацией о политиках и детях. В первую очередь, здесь сыграли роль общие законы политического мифоконструирования с вечно актуальной мифологемой отца, кроме того дети позволяют придать серьезным политическим темам неофициальный, неформальный характер, именно так политика превращается в яркий, почти художественный дискурс, понятный каждому избирателю.

Родные дети Б. Обамы послужили резервом для его предвыборной агитации. Образы Саши и Малии, с одной стороны, органично вошли в общий раздел всеобъемлющей темы «политик и дети», но, с другой стороны, вместо распространенных и уже надоевших потенциальным избирателям штампов на тему «вождь и ребенок» предложили для избирателей конкретный сюжет, сюжет встречи с дочками будущего президента.

Главная причина популярности детей Б. Обамы заключается, на наш взгляд, в том, что они по возрасту идеально подошли для избирательной кампании отца. Опыт показывает, что уже дети-подростки избирателей интересуют меньше. Например, дочери Дж. Буша, которым во время избирательной кампании отца было 19 и 23 года, не принимали участия в предвыборных мероприятиях и не стали объектами политической рекламы. Челси Клинтон, родившаяся в 1980 г. (т. е. во время выборов отца ей было 12 и 16 лет) тоже не была задействована в политических мероприятиях. Отличие Б. Обамы от Дж. Буша и Б. Клинтона состояло в том, что его дети — маленькие, а, соответственно, любое упоминание о его детях имплицитно будет содержать в себе позитивную информацию о том, что он — молод и полон сил для того, чтобы управлять страной.

Вторым немаловажным фактором популярности Саши и Малии, как нам кажется, стало то, что их появление в предвыборной агитации устанавливало «интертекстуальную» параллель с одним из прошлых периодов американской истории. В последний раз до Б. Обамы дети использовались и были также любимы, как Саша и Маляя, в избирательных кампаниях одного из

⁶ BBC News. Obama wins historic US election. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/us_elections_2008/7709978.stm.

самых харизматичных президентов США — Джона Кеннеди. Джон Кеннеди Младший родился во время первой избирательной кампании, и когда Жаклин Кеннеди была им беременна, то говорила на митингах, что они с мужем готовятся «к президентству и к родам». Каждый американец помнит также то, как во время похорон Дж. Кеннеди его сын, Джон Кеннеди Младший, которому было тогда три года, отдавал отцу военную честь (Кэролайн, их старшей дочери, 1957 года рождения, в год убийства Дж. Кеннеди было всего шесть лет). В СМИ в предвыборный период связь между Дж. Кеннеди и Б. Обамой намеренно и, в рамках «детского» аспекта — особенно результативно, подчеркивалась. После выборов Б. Обама выполнил свое обещание подарить дочерям собаку, но не сам президент подарил ее детям, сделал это Эдвард Кеннеди — брат Дж. Кеннеди, единственный ныне здравствующий из трех братьев Кеннеди. Таким образом, Б. Обама становится в политической мифологии наследником Дж. Кеннеди, с чем тоже была связана изрядная доля надежд избирателей.

Еще во время проведения избирательной кампании стало ясно, что и конкурентам Б. Обамы необходимо противопоставить «детям Обамы» не менее яркие «контрреплики» на тему детства, поэтому на политической сцене и появилось множество детей, с которыми иногда даже происходили курьезы. Так, еще задолго до того, как Хиллари Клинтон выбыла из предвыборной компании, был снят и запущен агитирующий ролик «It's 3 A.M. video»⁷ следующего содержания: перед глазами зрителей проходят кадры с изображением мирно спящих детей, затем план меняется и зритель переносится в Белый Дом, голос за кадром читает текст: «Три часа ночи. Ваши дети спят в безопасности. Но звонит телефон в Белом доме. В мире что-то случилось! Ваш голос решит, кто ответит на этот звонок. Это должен быть тот, кто ориентируется в мировой политике, проверенный, тот, кто уже приобрел жизненный опыт в этом опасном мире... Три часа ночи. Ваши дети спят в безопасности. Кто, по-вашему, должен ответить на этот звонок?», в момент произнесения последней фразы Хиллари Клинтон снимает трубку.

Этот короткий ролик, щедро использующий интонацию угрозы, создающий эффект присутствия незримого врага в контрасте с мотивами детской незащищенности, вызвал бурную реакцию прессы и послужил основой для множества пародий. Например, журналист «The Washington Post» фантазирует на тему того, что бы было, если бы «трубку в Белом доме» брал Дж. Маккейн⁸. «Investor's Business Daily» (США) тоже использует аллюзию на «It's 3 A.M.»: «Мы не знаем, кто поднимет трубку телефона в три

⁷ It's 3 A.M. video. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=kQiGqS0Yfkw>.

⁸ Маккейн на красном телефоне. The Washington Post. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/240456.html>.

часа ночи, но двадцать пять лет назад Рональд Рейган сделал так, что если будут звонить из-за баллистической ракеты, то ответ будет один: “Сбить ее”. <...> — Во время нынешней политической кампании кое-кто недавно поднял тему звонков в три часа ночи, — сказал Чейни. — Давайте будем надеяться, что Верховному Главнокомандующему никогда не придется поднимать трубку, в которую он услышит, что в сторону Соединенных Штатов летит баллистическая ракета»⁹.

Реакция на ролик «It’s 3 A.M.» из-за резкости скрытой в нем угрозы была направлена, скорее, против Х. Клинтон, чем за нее, и это показало, сколь трудна для моделирования тема «политик и дети» в современном медиапространстве. На фоне общей негативной реакции совершенно неожиданно всплыл комментарий к кадру со спящими детьми. Спящие дети в ролике должны были восприниматься как символический образ незащищенности, как предельная абстракция, но сюжет получил развитие. Оказывается, на архивном видео с детьми, которое было использовано Х. Клинтон, несколько лет назад была запечатлена среди прочих Кэйси Ноулес. К моменту выпуска ролика девушка выросла и увидела себя на экране. Она испытала удивление, усиленное, по заявлениям прессы, тем, что никаким сторонником Х. Клинтон Кэйси Ноулес не является, а, напротив, поддерживает Б. Обаму. Это и стало почвой для многочисленных публикаций, «квинтэссенцией» которых можно считать статью «Local Obama supporter shocked to see herself in Hillary ad»¹⁰, помещенную на портале Top stories и занявшую там первое место.

Автор статьи пишет: «One of the actors in the Hillary Clinton ad was shocked to see herself, especially because she’s a fierce supporter of Barack Obama...» («Одна из участниц ролика Хиллари Клинтон была поражена, увидев себя в нем, потому, что она является активным приверженцем Барака Обамы»). «She may only be 17, but Casey has some very strong political opinions. She turns 18 — legal voting age — in April, in plenty of time before the general election». («Кейси только 17, но у нее уже есть стойкая политическая позиция. Она достигнет избирательного права — 18 лет — в апреле задолго до главных выборов»). «“I’ve been campaigning for Barack Obama for a few months now”, she said. “I attended his rally a few months ago and I’m a very, very avid supporter”» («Я участвую в кампании за Барака Обаму уже несколько месяцев. Я участвую в политических собраниях несколько месяцев, и я очень, очень актив-

⁹ Стреляй, когда есть чем // Investor’s Business Daily. Режим доступа: <http://209.85.129.132/search?q=cache:30Dn14ICcZYJ:www.inosmi.ru/translation/240367.html+%D1%85%D0%B>

¹⁰ Local Obama supporter shocked to see herself in Hillary ad. Режим доступа: http://www.king5.com/topstories/stories/NW_030708WAB_hillary_ad_KC.328ab14f.html

ный его приверженец»). Как бывает довольно часто, обобщенная картина пришла в противоречие с конкретным фактом, медийный образ не совпал с неподконтрольным реальным прообразом.

Гораздо удачнее была другая попытка Х. Клинтон привлечь детей в свою предвыборную кампанию. Особую роль Х. Клинтон отдала своей дочери Челси. Ч. Клинтон — единственный ребенок в семье и никогда раньше не привлекалась к агиткомпаниям родителей, между прессой и Белым Домом еще с того времени, когда Б. Клинтон был президентом, существовал договор о том, что журналисты не будут брать у ребенка интервью и сохранят приватность его жизни. Журналисты выполнили условия договора, поэтому девочка выросла незаметно для всех, никак не отметившись в медиaprостранстве. Но во время предвыборной кампании Х. Клинтон решила включить свою дочь в план своих акций, так на политической сцене впервые появилась молодая Челси, которая, «явившись из медийного небытия», легко добилась симпатий избирателей. Судя по многим отзывам и характеристикам в американской прессе, именно она стала открытием последней предвыборной кампании, а когда выяснилось, что Х. Клинтон не выдерживает конкуренции с Б. Обамой, то все активнее стали говорить о том, что за Ч. Клинтон будут голосовать на следующих президентских выборах.

Пример Ч. Клинтон показывает, насколько эластичны границы отдельных тем современного медиа-пространства, «ребенок политика» на глазах превращается в «политика-ребенка», а затем вновь возвращается к исходному положению. Если не касаться личных качеств Ч. Клинтон, которыми, возможно, во многом определяется расположение к ней избирателей, а говорить лишь о создании ее имиджа, то главным катализатором интриги «дочь четы Клинтон», конечно же, послужило то, что она долгое время была скрыта от прессы и не открыта ею до конца по сю пору. Дело в том, что она по-прежнему не дает интервью журналистам, это давнее правило сохранилось и во время предвыборной кампании, сохраняется оно и сейчас. И при этом во время предвыборной кампании Х. Клинтон Челси выступала на митингах и отвечала на любые вопросы присутствующих членов электората, в том числе, и неприятные, вела блог на избирательном сайте Х. Клинтон. Открытость в сочетании с сохранением приватности создает в итоге необычайно удачный для политика образ «скромной искренности».

В объемном материале «Chelsea's Morning» из New York Magazine News & Features от 24 февраля 2008 года всесторонне описывается жизненные, мировоззренческие и профессиональные кредо Челси, но описание сделано «со стороны», без включения слов самой Челси, зато с включением живых мнений о ней, вплоть до мнения политического противника Х. Клинтон — пресс-секретаря Б. Обамы, Б. Бартона: «Chelsea is in many ways the

ideal amalgam of her parents' political talents—as Bill Clinton himself put it once, “She has her mother’s character and her father’s energy.”»; «Somehow, this product of two of the most adored and loathed politicians in recent history turned out well-adjusted and yet also incredibly, unmistakably like her parents. Like her father, Chelsea is, in fact, a big flirt (not something her mother is known for). Approached by a tall model-handsome college jock at the University of Utah, she literally batted her eyelashes at him», «It was Chelsea’s idea to take on a public-speaking role in her mother’s campaign after last month’s New Hampshire primary, answering questions from voters in open-press venues—knowing full well that such a high-profile performance could jeopardize her rapidly guarded private life»; «In the past few weeks, Chelsea has become perhaps her mother’s most effective and mistake-free surrogate, sometimes even drawing bigger crowds than her father, whose ability to attract attention, sometimes for the wrong reasons, is decidedly a mixed blessing for his wife. “She’s out there playing for her mom, as hard as any surrogate,” Obama press secretary Bill Burton says respectfully»¹¹.

Контрастирует с портретом единственной дочки четы Клинтон, проявившей черты лидера и яркую индивидуальность, семейный портрет Сары Пейлин, выставленный на обозрение в медиапространстве и созданный с опорой на традиционные, вечные ценности. У С. Пэйлин пятеро детей, что само по себе порождает семантику сплоченности, взаимопомощи, высокого жизненного потенциала. Старший сын С. Пейлин отправлен служить в Ирак, и как бы ни относились к этой войне в Америке, служить в армии во время военных действий — это гражданская доблесть. Младший ребенок болен синдромом Дауна, но болезнь ребенка ни в коем случае не прочитывается как факт семейного неблагополучия, напротив. Здесь нужно понимать, что С. Пейлин — республиканка, а значит *pro-life*, против абортов; право на аборт в Америке — тема, как известно, далеко не личная, а политическая и животрепещущая: никогда не прекращаются споры о том, может ли быть изменено законодательство и как оно может быть изменено в этом вопросе. Тригги, младший, больной ребенок С. Пейлин, появлялся в медиапространстве для того, чтобы продемонстрировать позицию своей матери, которая, зная про синдром Дауна еще до рождения ребенка, отказалась от аборта. Улыбки детей Пэйлин во время избирательной кампании не сходили с экранов телевизоров и со страниц газет, особенно красноречива запись первой речи Пэйлин после того, как она согласилась баллотироваться в вице-президенты США: вся семья под бурные овации избирателей вышла

¹¹ Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20080302071939/nymag.com/news/features/44454/>.

на сцену и встала на фоне американского флага, после чего Дж. Маккейн сказал: «Это красивая семья». Из всех членов семьи слабая позиция в процессе построения идеального имиджа оказалась только у Бристол Пейлин, 17-летней незамужней беременной дочери С. Пейлин, поэтому не удивительно, что именно Бристол компрометировала семейную идиллию. Густую тень на облик Бристол Пейлин бросает автор построенной на непроверенных фактах статьи «Bristol Palin Gone Wild»¹², которая может служить классическим примером того, как можно разрушить удачно созданный для предвыборной кампании семейный портрет.

Несмотря на такие попытки, следует сказать, что образ большой и дружной семьи С. Пейлин обладал столь сильным позитивным зарядом, что позволил создать ореол «семейного тепла» даже вокруг тех людей, которые не являются членами семьи, но являются ближайшими сотрудниками С. Пейлин в политической борьбе. На официальном блоге Дж. Маккейна выложен ролик, позволяющий увидеть, как его юная дочь Мэгэн и маленькая дочка С. Пэйлин на доступном языке объясняют, почему Дж. Маккейн выдвинул на пост вице-президента именно С. Пэйлин. Речь сопровождается смехом, улыбками детей. В финале обе героини ролика по очереди призывают голосовать за их родителей. Символично, что дети сидят в одном кресле, они создают впечатление подружек, которые на минутку присели высказать свое мнение для домашнего видеоархива. Съёмки, действительно, не претендуют на профессиональность, автор ролика предпочел профессиональной студии уютное домашнее кресло, подчеркивая тем самым семейную обстановку съёмок. Кроме того, камера расположена выше лиц девушки и девочки, такая точка обзора подчеркивает слабость, уязвимость героинь, к зрителю обращен их честный и по-детски беззащитный взгляд снизу вверх, — все это рассчитано на завоевание доверия зрителя, который, глядя на девочек, должен почувствовать себя сильным защитником детей, тем самым на мгновение присоединившись к их родителям (а значит, и к власти), и сделать «правильный» выбор, т. е. тот, о котором просят девочки.

Шлейф предвыборной политической борьбы не исчез на следующий день после выборов. Все модели, возникшие во время избирательной кампании и сразу после ее завершения, востребованы в медиапространстве по сей день, более того, они обогащаются, разрастаются, захватывают все новые и новые сферы культуры. И книжная культура здесь тоже не игнорируется, а вовлекается в политический процесс: в ноябре 2010 г. Б. Обама

¹² Режим доступа: <http://www.stupidsheple.com/index.php/2008090140/latest/bristol-palin-gone-wild.html>.

дебютировал как детский писатель¹³ — в свет вышла его книжка «Of Thee I Sing: A Letter to My Daughters by Barak Obama»¹⁴, предназначенная для детей от шести до восьми лет. Книга представляет собой цикл рассказов о 13 знаменитых американцах, причем подборка героев впечатляет разносторонним охватом самых разных сфер: от политики (Дж. Вашингтон) до изобразительного искусства (Джоржи О'Кифи, художницы, рисовавшей природную и индустриальную Америку XX в. в стиле магического реализма). Книга прекрасно иллюстрирована (художник Л. Лонг), благодаря чему Б. Обама перестает быть только автором писем к своим дочерям, но становится и героем своей книги. На многих картинках он изображен с Сашей и Малией, т. е. президент со своими детьми символически входит в пантеон великих американцев, но в то же время не перестает быть близким другом-отцом всех читателей своей книги. Таким образом, уже не политика вторгается в литературу, а литература в политику: президент старается освоить писательское ремесло и завоевать аудиторию еще и в качестве писателя, рассказчика тринадцати конкретных историй, а заодно и большой американской истории¹⁵.

Изложенного достаточно, чтобы понять, насколько сильны потенции патерналистского образа в современном политическом медиапространстве. Возможно, западные образцы послужат в будущем основой для разработки аналогичных тем и в российском медиапространстве. Очевидно, что архетипический сюжет «власть и ребенок» (наряду с несколькими другими по-

¹³ Феномен писателя-политика рассмотрен М. Вайскопфом на примере тоталитарного политика — И. В. Сталина. У М. Вайскофа И. В. Сталин выступает в роли прозаика, драматурга, поэта, создавшего целостный образ «утилитарной вселенной», где нет места для свободной игры «независимых сущностей» (*Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛЮ, 2002. С. 360*). Современный политик, намеренно отталкиваясь от тоталитарного образца как от негатива, не покусается в своем писательском вдохновении на целостный «образ вселенной», он, напротив, творит «фрагментарную историю» (например, из нескольких «портретов эпохи», как в детской книжке Б. Обамы), и не во взрослом, а в детском масштабе. Что касается взрослой аудитории, то у Б. Обамы есть несколько книг и для нее, но они не касаются отвлеченных тем, а объясняют в широкодоступных формах политику президента.

¹⁴ Режим доступа: <http://search.barnesandnoble.com/books/product>.

¹⁵ Как во время избирательной кампании, так и теперь, почти каждое упоминание детей Б. Обамы сопровождается появлением в прессе информации о детях С. Пейлин, после ее поражения на выборах эта информация, конечно, кроме позитивных черт, стала чаще носить скандальный характер. Так, выход «Писем» Б. Обамы к дочерям в ноябре 2010 г. сопровождался новостями о детях С. Пэйлин. Режим доступа: <http://www.allheadlinenews.com/articles/7020560093?Sarah%20Palin%27s%20Daughter%20Willow%20Seen%20Using%20Homophobic%20Slurs%20On%20Facebook>.

добными архетипическими сюжетами) является обязательным атрибутом живого политического процесса, делает его подобным художественному повествованию, при этом сюжет начинает несколько видоизменяться и менять политическую ситуацию. Здесь можно вспомнить С. Жижека, который на примере массовой культуры (голливудской кинопродукции) показывает, что современная идеологическая фантазия направлена на производство «незаконченного текста», «незаконченного сценария»¹⁶, который будет дописываться и развиваться на глазах зрителя, участника политического процесса.

Если сравнивать «детско-родительские» сценарии разных по времени и типу культур, то легко заметить, что основа образа «ребенок и власть» всегда остается прежней — это «эдипов уровень потерянного и обретенного отцовского авторитета», однако между закрепленной в литературных формах схемой советского тоталитаризма и современной демократической парадигмой есть существенные отличия, две парадигмы «отталкиваются» друг от друга, но могут быть глубоко поняты только при сравнении друг с другом.

¹⁶ Жижек С. Семья, либидо и история. Режим доступа: <http://www.kinoart.ru/magazine/06-2007/publ0607/Z0706/>.

Научное издание

ЛИТЕРАТУРА И ДОКУМЕНТ

Сборник научных трудов

Корректор *А. В. Годовикова*
Оригинал-макет *А. С. Терёшкиной*

Подписано в печать 3.03.2011 г.
Формат 60 × 84 1/16. Уч.-изд. л. 11,12. Усл. печ. л. 10,3.
Тираж 300 экз. Заказ №
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.